Джером К. Джером

ТОММИ и К°

Jerome K.Jerome. Tommy and Co (1904).

Перевод О. Кириченко.

В кн.: Джером К. Джером “Как мы писали роман,

Томми и К°, Рассказы”, М.: “Руссико”,

редакция газеты “Труд”, 1995, 512 с. - с. 159-348.

OCR: sad369 (13.12.2005)

История первая

КАК ПИТЕР ХОУП ВОЗНАМЕРИЛСЯ ВЫПУСКАТЬ ЖУРНАЛ

- Войдите! - произнес мистер Хоуп.

Питер Хоуп был высок, худощав, гладко выбрит, имел при том коротко подстриженные, ниже уха, бачки и волосы, относительно которых

парикмахер с прискорбием заметил бы: “Редковаты на затылке, сэр!”, однако зачесанные с той рачительностью, которая повсюду и воистину компенсирует любой недостаток. Что до сорочки мистера Хоупа, белоснежной, хоть и несколько поношенной, то, надо сказать, белизной своей она вызывающе била в глаза, привлекая внимание даже поверхностного наблюдателя. Она решительно затмевала собой все остальное, подобной крикливостью своей будучи обязана скромной устраненности сюртука, которому только и дано было, что, соскользнув с плеч, незаметно застыть на спинке стула за спиною своего обладателя.

- Я жалок и стар, - казалось, говорил сюртук. - Во мне нет лоска, вернее, я чересчур лоснюсь на фоне своих новомодных собратьев. Я слишком тесен. Без меня вам будет намного удобнее!

При взаимодействии с сюртуком обладателю его приходилось применять силу, чтобы застегнуть самую нижнюю из трех имевшихся пуговиц. Всякий раз сюртук сопротивлялся, проявляя непокорность. Еще одним свойством Питера, роднившим его с прошлым, был черный шелковый шейный платок, скрепленный парой золотых булавок на цепочке. Когда Питер Хоуп сидел и писал что-то, скрестив под столом длинные ноги, стиснутые узкими, серыми в полоску брюками, а лампа освещала свежее, моложавое лицо и тонкую кисть, придерживающую полуисписанный лист, - человек посторонний при виде его в удивлении принялся бы тереть глаза, недоумевая: что за наваждение, неужто он и впрямь видит перед собой молодого щеголя начала сороковых? Приглядевшись, однако, он заметил бы множество морщинок на лице мистера Хоупа.

- Войдите! - повторил мистер Хоуп несколько громче, но не поднимая глаз.

Дверь отворилась, в комнату просунулась бледная мордашка с парой черных и ясных блестящих глаз.

- Войдите! - повторил мистер Хоуп в третий раз. - Кто там?

В проеме двери можно было заметить также не слишком чистую пятерню, сжимавшую засаленный суконный картуз.

- Я сейчас, - сказал мистер Хоуп. - Присядь, подожди.

Дверь раскрылась шире, внутрь полностью просочился посетитель, присел на краешек ближайшего стула.

- Откуда - из “Центральных новостей” или из “Курьера”? - спросил Питер Хоуп, все еще не поднимая глаз от стола и продолжая писать.

Блестящие черные глазки, едва принявшись оглядывать комнату и начав с оценивающего обзора закопченного потолка, переместились вниз и застыли на явственно проглядывавшей посреди темени Питера Хоупа проплешине, наличие каковой удручило бы его, знай он о ее существовании.

По всей видимости, отсутствие ответа на его вопрос прошло незамеченным для мистера Хоупа. Тонкая белая рука неутомимо выводила что-то пером по бумаге. Еще три исписанных листа было сброшено на пол. После чего мистер Хоуп, отодвинувшись от стола, впервые устремил взгляд на посетителя.

Для Питера Хоупа, бывалого журналиста, давным-давно знакомого с такой разновидностью человечества, как мальчишка из типографии, бледные мордашки, взъерошенные вихры, грязные руки и засаленные картузы стали привычным атрибутом района упрятанной под землю речушки, ныне именуемого Флит-стрит. Но это существо было иного рода. Хватившись очков и не без труда отыскав их под кипой газет, Питер Хоуп водрузил их на длинном с горбинкой носу, подался вперед и долго рассматривал посетителя с ног до головы.

- Господи Иисусе! - произнес мистер Хоуп. - Что это?

Фигура поднялась, продемонстрировав рост в пять футов с небольшим, и медленно двинулась к столу.

Поверх облегающей синей шелковой блузы с великоватым вырезом было накинуто нечто, в отдаленном прошлом считавшееся мальчишеской курткой в крапинку; грубый шарф обмотан вокруг горла так, что значительная часть голой шеи торчала наружу; черная юбка, доходившая до пят, судя по всему, была наполовину упрятана под ремень.

- Кто вы? Что вам угодно? - осведомился мистер Хоуп.

Вместо ответа непонятная личность, перехватив засаленный картуз другой рукой, потянула правую руку вниз и принялась задирать кверху длинную юбку.

- Вот этого не надо! - запротестовал мистер Хоуп. - Вы же… это самое… понимаете… вы…

К этому моменту юбки и след простыл, зато обнажились латанные-перелатанные брюки, нырнув в правый карман которых грязная рука извлекла оттуда сложенный листок бумаги, расправила его, встряхнула и водрузила на стол.

Откинув очки на лоб и придерживая их над бровями, мистер Хоуп прочел вслух: “Бифштекс и пирожок с почками, 4 пенса; то же (большая порция) - 6 пенсов; отварная баранина…”

- Это из “Ресторации Хэммонда”, - изрекла непонятная личность, - я там недели две как работаю!

Питер Хоуп с удивлением отметил, что в речи говорившего совершенно отсутствует жаргон “кокни”, прозвучавший голос свидетельствовал об этом с той же очевидностью, с каковой Питер Хоуп смог бы убедиться, что желтый туман, точно призрачное, неживое море, разлился по Гоф-стрит, стоило ему поднять и раздвинуть красные репсовые шторы, - и что посетитель свободно произносит слова, не глотая звуки.

- Вы там у Эммы расспросите. Она пообещала, что замолвит за меня словечко.

- Послушайте, уважае… - Тут мистер Хоуп осекся, снова решив прибегнуть к помощи очков. Но так как очки в данном случае оказались бессильны, их обладателю пришлось поставить вопрос ребром: - Какого ты пола?

- Кто его знает!

- Ах, ты не знаешь?!

- Какая разница!

Тут мистер Хоуп встал и, взяв странную личность за плечи, легонько развернул ее в профиль, видимо полагая при этом, что в данном ракурсе пол будет легче определить. Оказалось, что нет.

- Как тебя зовут?

- Томми.

- Томми, а дальше?..

- Да как хотите. Мне-то что! У меня этих имен столько…

- Что тебе, собственно, надо?

- Вы ведь мистер Хоуп, Гоф-сквер, комната шестнадцать, второй этаж, так?

- Да, меня зовут Питер Хоуп.

- Вам нужен кто-то, чтоб вел хозяйство?

- Ты хочешь сказать, нужна ли мне экономка?

- Про экономку ничего не говорили. Сказано было, что нужен человек вести хозяйство - готовить вам, комнаты убирать. При мне как раз давеча в лавке был разговор. Пожилая леди в зеленой шляпке спрашивала матушку Хэммонд, нет ли у той кого на примете.

- Ах да, это миссис Поустуисл, я просил ее подыскать кого-нибудь для меня. А что, ты можешь порекомендовать? Может, тебя послал кто-то?

- Вам ведь не надо что-нибудь этакое готовить? Про вас сказали, мол, старикан непривередливый, дескать, хлопот немного.

- Хлопот? Нет… Ничего особенного мне не нужно… какую-нибудь почтенную, чистоплотную особу. Но почему же она не пришла сама? Кто она?

- А я разве вам не подхожу?

- То есть как? - не понял мистер Хоуп.

- Почему бы вам меня не взять? Я могу постели стелить, комнаты убирать… ну, еще что-нибудь по хозяйству. А уж к тому, чтоб готовить, у меня прямо природная склонность. Эмму спросите, она вам скажет. Ведь вам этакого ничего не нужно?

- Элизабет, - произнес мистер Хоуп, направляясь к камину, где взял кочергу и принялся ворошить поленья, - как ты полагаешь, это сон или явь?

Услышав обращение, Элизабет поднялась на задние лапки и, потянувшись, впилась коготками хозяину чуть выше колена. Материя брюк была тонка, и Питер Хоуп получил самый конкретный ответ на свой вопрос.

- Мне немало пришлось за разными людьми ухаживать, стараться ради них, - продолжало существо, именуемое Томми. - Чего ж мне ради себя не постараться?

- Золото мое… но мне бы прежде всего хотелось узнать, какого ты пола. Ты что, серьезно предлагаешь себя в экономки? - спросил мистер Хоуп, повернувшись спиной к огню и с высоты своего роста взирая на Томми.

- Я вам в самый раз подхожу, - не унимался пришелец. - С вас только кормежка и койка, ну и, к примеру, шестипенсовик в месяц. Я, как всякие, торговаться не буду.

- Не смеши меня, - сказал Питер Хоуп.

- Даже попробовать не хотите?

- Разумеется нет, это бред какой-то!

- Ну ладно. Дело ваше.

Грязная пятерня потянулась к столу и, вновь завладев счетом заведения Хэммонда, проделала всю процедуру, необходимую для упрятывания бумаги обратно от греха.

- Вот тебе шиллинг, - сказал мистер Хоуп.

- Вроде незачем, а все же спасибо.

- Пустяки! - сказал мистер Хоуп.

- Незачем, - повторило незнакомое существо. - Кто его знает, чем эта штука может потом для тебя обернуться.

- Ну что ж, - сказал мистер Хоуп, опуская монету в карман. - Нет так нет.

Существо поплелось к двери.

- Погоди! Погоди! - раздраженно проговорил мистер Хоуп.

Фигура замерла, взявшись рукой за дверь.

- Ты что, вернешься служить к Хэммонду?

- Нет. Я там не служу. Меня наняли только на пару недель, пока у них одна девушка болела. Но она вышла нынче утром.

- Кто твои родители?

На лице у Томми отразилось недоумение.

- Вы про что?

- Ну, с кем ты живешь?

- Ни с кем.

- Так что, за тобой некому присматривать… некому о тебе заботиться?

- Заботиться? Обо мне? Я не мимоза какая-нибудь!

- И куда же ты сейчас?

- Как куда? Вон.

Раздражение Питера Хоупа нарастало.

- Я спрашиваю, спать ты где будешь? Есть у тебя деньги, чтоб заплатить

за ночлег?

- Ну есть кое-какая мелочь. Только у меня насчет переночевать особых претензий нету. Куда нам с вами тягаться. Если дождик не пойдет, поспим под открытым небом.

Элизабет пронзительно мяукнула.

- Так тебе и надо! - в сердцах отозвался Питер. - Миллион раз тебе говорил, не суйся под ноги, тогда никто тебе на лапу не наступит!

По правде говоря, Питера разбирала злость на самого себя. По совершенно, как ему представлялось, непонятной причине его мысли упорно возвращались к Илфордскому кладбищу, в потаенном уголке которого была погребена та хрупкая и нежная, чья грудь оказалась слишком слаба, чтоб вдыхать туманный лондонский воздух; а рядом с нею лежит в земле еще более крохотный, более хрупкий осколок человечества, нареченный Томасом в честь единственного стоящего из родственников - именем, достаточно обыденным, как Питер не раз себе говорил. Где ты, здравый смысл, какое отношение имеет усопший и погребенный Томми Хоуп к тому, что сейчас происходит? Все это чистейшие сантименты, а сантименты были крайне ненавистны Питеру Хоупу. Не он ли строчил бесчисленное множество статей, в которых изобличал пагубное влияние сантиментов на современников? Не он ли, всякий раз обнаруживая в пьесе или в книге, клеймил их? Однако время от времени сознание Питера Хоупа пронзало подозрение: а что, если, несмотря на все это, ему самому не чужда доля сентиментальности? Многое говорило за это. Наличие подобного страха бесило Питера Хоупа.

- Подожди меня здесь, я скоро вернусь, - буркнул он, хватая изумленное создание за шарф и вытягивая на середину комнаты. - Садись и не вздумай двигаться с места.

И Питер удалился, громко захлопнув за собою дверь.

- По-моему, он малость спятил, а? - заметил Томми, обращаясь к Элизабет, как только за дверью замерли шаги Питера.

Многие имели обыкновение обращаться к Элизабет. В ней было нечто, располагавшее к общению.

- Да чего там, видно, совсем заработался! - жизнерадостно заключил Томми, усевшись, как было предписано.

Прошло минут пять, а может, и десять. После чего появился Питер в сопровождении дородной, невозмутимого вида особы, которой - в том можно было не сомневаться, судя по ее виду, - чувство изумления органически не было свойственно.

Томми поднялся.

- Вот вам… сей объект, - пояснил Питер.

Миссис Поустуисл, сжав губы, слегка поправила прическу, приняв выражение незлобивого презрения, с каким обычно взирала на все каверзы человечества.

- Понятно, - сказала миссис Поустуисл. - Как же, помню, видала ее там… по крайней мере, тогда она явно выглядела девицей. Куда подевалась твоя одежда?

- Она была не моя, - пояснил Томми. - Мне миссис Хэммонд одолжила ее на время.

- А это, что ли, твое? - спросила миссис Поустуисл, указывая на синюю шелковую блузу.

- Ага.

- И с чем ты это носила?

- С трико. Только его давно уж нет.

- С чего это ты ушла из акробаток и нанялась к миссис Хэммонд?

- Так просто бы не ушла. Здорово грохнулась.

- И где в последний раз работала?

- В труппе у Мартини.

- А до него?

- Столько всяких трупп было!

- Тебе говорили, кто ты, парень или девица?

- Чего-то не помню. По-разному, одни так говорили, другие эдак. Как кто хотел, так и называл.

- Сколько тебе лет?

- А я знаю?

Миссис Поустуисл повернулась к Питеру, который стоял, позвякивая ключами:

- Что ж, наверху есть свободная кровать. Вам решать.

- Вот уж чего бы мне вовсе не хотелось, - заметил Питер, понизив голос до доверительного шепота, - так это выглядеть идиотом.

- Воистину достойная цель для того, кто способен этого избежать, - согласилась миссис Поустуисл.

- Но все же, - продолжал Питер, - на одну ночь можно рискнуть. А завтра обмозгуем, как быть дальше.

Упоминание о “завтра” всегда сулило Питеру удачу. Стоило ему произнести это магическое слово, как у него неизменно поднималось настроение. И на его лице, обращенном к Томми, выразилась уверенность, исключающая всяческие колебания.

- Превосходно, Томми, - изрек мистер Хоуп, - сегодня ты можешь переночевать у меня. Отправляйся-ка с миссис Поустуисл, она покажет тебе твою комнату.

Черные глазки сверкнули.

- Это что, вроде проверка?

- Обо всем поговорим завтра!

Черные глазки потускнели.

- Послушайте! Скажу вам прямо: это не по совести!

- О чем ты? Что не по совести? - воскликнул Питер в недоумении.

- Вы меня хотите в тюрьму отправить!

- В тюрьму?

- Ну да! Знаю я, сами скажете, что в школу. Не вы первый такие штуки проделываете. Так не пойдет. - Ясные, черные глазки сверкнули негодованием. - Никому я ничего плохого не делаю. Я работать хочу. И могу себя прокормить. Мне не привыкать. Кому какое до этого дело?

Если б ясные черные глазки удержали в себе негодующий вызов, тогда б и Питер Хоуп удержал в себе здравый смысл. Однако Судьба распорядилась так, что глазки внезапно исторгли бурные слезы. И при виде этих слез здравый смысл Питера Хоупа отступил, посрамленный, что и дало начало многим последующим событиям.

- Что за чушь, - сказал Питер. - Да пойми же ты! Мне и в самом деле надо тебя испытать. Ведь ты же хочешь работать у меня. Вот потому я и сказал, что все подробности мы обсудим завтра. Ну же, экономки не должны плакать.

Залитая слезами мордашка вскинулась.

- Это правда? Честное-благородное?

- Честное-благородное. А теперь ступай и умойся. После подашь мне ужин.

Странноватое существо, все еще хлюпая носом, поднялось.

- Значит, с кормежкой, постелью и за шесть пенсов в неделю?

- Ну да, ну да! На мой взгляд, условия приличные, - согласился Питер Хоуп, подводя итог. - А как вам, миссис Поустуисл?

- Прибавьте к этому платье… ну, или там пиджак со штанами, - вставила миссис Поустуисл. - Это уж как водится…

- Да, разумеется, все как положено, - согласился мистер Хоуп. - Шесть пенсов в неделю плюс одежда.

Теперь Питеру в компании с Элизабет пришлось ждать возвращения Томми.

- Как бы я хотел, чтоб это оказался мальчик, - сказал вслух Питер. - Видишь ли, всему виной туманы. Ах, если б у меня были средства послать его лечиться!

Элизабет задумчиво внимала ему. Дверь распахнулась.

- Вот это уже лучше, - произнес Питер, - много лучше! Клянусь, ты выглядишь вполне прилично.

Стараниями практичной миссис Поустуисл обе стороны в конце концов сошлись на длинной юбке; выше прикрывала наготу широкая шаль, со знанием дела обмотанная вокруг фигуры. С придирчивостью истинного джентльмена Питер осмотрел руки и удовлетворенно отметил, что в чистом виде они выглядят весьма опрятно.

- Дай-ка мне свой картуз, - сказал Питер и зашвырнул его в горящий камин. Картуз ярко вспыхнул, распространяя странные ароматы.

- Там в коридоре у меня висит дорожное кепи. Можешь пока поносить. Вот тебе полсоверена, купи мне холодного мяса и пива к ужину. Все остальное, что потребуется, найдешь либо в том буфете, либо на кухне. Не приставай с бесконечными расспросами и старайся не шуметь!

С этими словами Питер вернулся к прерванной работе.

- Насчет полсоверена, это прекрасная мысль, - проговорил Питер. - Теперь, вот увидишь, почтенный Томми нам докучать не будет. Вот уж безумие в наши-то дни превратиться в няньку!

Перо Питера царапало бумагу, разбрызгивая чернила. Элизабет не сводила глаз с двери.

- Потеряли четверть часа, - сказал Питер, взглянув на часы. - Что я тебе говорил!

Статья, над которой корпел Питер, начинала причинять ему беспокойство.

- Нет, все-таки почему он отказался от шиллинга? Лукавство! - заключил Питер. - Чистое лукавство. Элизабет, старушенция, мы вышли из этой оказии с наименьшими потерями. Насчет полсоверена, это идея прекрасная.

Тут Питер разразился смешком, чем взбудоражил Элизабет.

Но все же удача не сопутствовала Питеру в тот вечер.

- У Пингла все распродано! - сообщил явившийся с покупками Томми. - Пришлось идти к Бау на Фаррингтон-стрит.

- О! - отозвался Питер, не поднимая глаз.

Томми продефилировал в маленькую кухоньку за спиной мистера Хоупа. Питер продолжал быстро строчить, стараясь наверстать упущенное время.

- Отлично! - бормотал он, сам себе улыбаясь. - Ловко я выкрутил фразочку. Ужалит как надо!

И пока он так писал, а невидимый Томми бесшумными шагами блуждал из комнаты в кухню и обратно, весьма любопытное чувство овладело Питером Хоупом: ему представилось, что он уже много лет как болен и, что удивительно, сам этого не замечал; но вот теперь наконец начинает приходить в себя и постепенно узнавать все, что окружает его. Вот она, продолговатая, с дубовыми панелями, обставленная добротной мебелью, наполненная достоинством и покоем прошлых лет комната - эта скромная, милая комната, в которой он жил и работал больше чем полжизни: как он мог забыть ее! Теперь, точно старый друг после долгой разлуки, она встречала Питера приветливой, шутливой улыбкой. Потускневшие фотографии застыли в деревянных рамках на каминной полке, среди них - лицо той нежной, хрупкой женщины со слабыми легкими.

- Господи Боже мой! - проговорил мистер Хоуп, отодвигаясь от стола. - Тридцать лет миновало. Как бежит время!.. Что такое? Позвольте, мне, должно быть, уже…

- Вы пиво любите с пеной или как? - раздался голос Томми, терпеливо ждавшего соответствующих распоряжений.

Стряхнув с себя наваждение, Питер принялся за ужин.

В тот вечер Питера осенила блестящая мысль.

- Ну да! Как же я раньше об этом не подумал? Сразу все и определится!

И с легкой душой Питер отошел ко сну.

- Томми! - сказал Питер, усаживаясь завтракать на следующее утро. - Послушай, Томми! - произнес Питер, с озадаченным видом приподнимая с блюдца чашку. - Что это такое?

- Кофей, - сообщил Томми. - Вы заказали кофей.

- Ах так! - воскликнул Питер. - На будущее, Томми, я попрошу, если ты не против, подавать мне по утрам чай.

- А мне без разницы, - заметил сговорчивый Томми, - вам же завтракать.

- Так вот, я хотел тебе заметить, Томми, - продолжал Питер, - что выглядишь ты не самым лучшим образом.

- Со здоровьем у меня порядок, - парировал Томми, - никогда никакая болячка не прицеплялась.

- Так ведь об этом можно и не знать. Случается, Томми, человек тяжко болен, но даже не подозревает об этом. А я должен быть убежден, что живу в окружении совершенно здоровых людей.

- Если вы хотите сказать, что передумали и решили от меня отделаться… - начал Томми, вздернув подбородок.

- И нечего передо мной заноситься! - оборвал его Питер, по случаю предстоящего разговора взвинтивший себя до такой степени, что сам дивился своему напору. - Если окажется, как я и предполагаю, что ты отменно крепок и здоров, я с радостью приму твои услуги. Но в этом смысле я должен быть совершенно спокоен. Таковы условия, - пояснил

Питер. - Так принято во всех почтенных семействах. Давай-ка, сбегай по этому адресу, - Питер начертал адрес на листке из блокнота, - попроси мистера Смита заглянуть ко мне перед его визитами к пациентам. Ступай немедленно, и прекратим всяческие споры.

- Только так и следует разговаривать с этим молодчиком, - сказал сам себе Питер, когда стихли шаги Томми.

Едва лишь стукнула входная дверь, Питер прокрался на кухню и налил себе кофе. Доктора Смита, изначально именовавшегося “герр Шмидт”, однако по причине расхождения взглядов со своим правительством сделавшегося англичанином и отъявленным консерватором, удручало в жизни всего одно обстоятельство: при первой встрече его ошибочно принимали за иностранца. Доктор Смит был низенький и толстый, с густыми бровями и пышными седыми усами, со столь свирепой наружностью, что детишки разражались ревом, едва завидев его. Но стоило ему лишь погладить малыша по головке и сказать “страствуй, друшок!” голосом столь нежным и мягким, ребенок тут же переставал плакать, недоумевая, возможна ли такая чудесная перемена. С Питером, который был ревностным радикалом, они давно состояли в крепкой дружбе, каждый питая снисходительное презрение к взглядам другого, смягчаемое их взаимной искренней привязанностью, причину которой, наверно, ни тот, ни другой не смог бы объяснить.

- Што, по-фашему, не так с фашей юной тефисей? - спросил доктор Смит, едва Питер изложил свою просьбу.

Питер огляделся. Дверь в кухню была закрыта.

- Почему вы решили, что это девица?

Глаза под густыми бровями округлились.

- Если это не тефиса, пощему так отета?..

- Да не одета еще! - прервал его Питер. - Я и сам хотел бы ее одеть, только не знаю, во что!

Тут Питер пересказал события вчерашнего дня.

Слезы засветились в маленьких круглых глазках доктора. Эта нелепая сентиментальность больше всего раздражала Питера в его друге.

- Петная туша! - изрек сердобольный пожилой джентльмен. - Толжно пыть, само профитение укасало путь ей… или, мошет, ему.

- К черту провидение! - рявкнул Питер. - Что оно мне-то принесло? Трущобное отродье, с которым теперь придется носиться?

- Как это в тухе ратикалов! - презрительно воскликнул доктор. - Ненафидеть прата сфоего лишь са то, что ротился не в роскоши и щистоте!

- Я вас звал не для политических дискуссий! - вскинулся Питер, стараясь сдерживаться. - Я хочу, чтобы вы сказали мне, парень это или девица, чтобы я понимал, как мне поступить.

- Што фы имеете в виту? - спросил доктор.

- Я и сам не знаю, - сознался Питер. - Если это, как я рассчитываю, парень, возможно, я смогу подыскать ему работу в какой-то конторе… пока, разумеется не привью ему некоторые зачатки цивилизации.

- А если это тефиса?

- Разве девочка ходит в штанах? - вскричал Питер. - Зачем заранее выдумывать всякие сложности!

Заложив руки за спину, Питер в одиночестве вышагивал взад-вперед по комнате, чутко прислушиваясь к каждому звуку, исходящему со второго этажа.

- Я очень надеюсь, что это мальчик, - произнес Питер, закатив глаза к потолку.

Взгляд Питера остановился на фотографии хрупкой, миниатюрной женщины в строгой рамочке на каминной полке. Тридцать лет тому назад, в этой же самой комнате, Питер вышагивал взад-вперед, заложив руки за спину, точно так же вслушиваясь в звуки, исходящие сверху и произнося те же слова.

- Как странно, - раздумчиво произнес Питер, - ах, как это странно!

Дверь отворилась. Сначала возникла цепочка от часов на круглом брюшке, потом и сам толстяк доктор. Он вошел и прикрыл за собой дверь.

- Весьма сторофое дитя, - произнес доктор. - Крайне симпатишное дитя. Тефиса.

Два пожилых джентльмена смотрели друг на друга. Элизабет, возможно, по-своему успокоившись, принялась мурлыкать.

- И как же мне теперь быть? - спросил Питер.

- Фы окасались ф фесьма щекотлифой посисии, - сочувственно согласился доктор.

- Ну и болван же я! - провозгласил Питер.

- Когта фас нету дома, са тефисей присмотреть некому, - озабоченно проговорил доктор.

- Насколько я успел заметить, - добавил Питер, - за этим чертенком нужен глаз да глаз.

- Поготите, поготите! - сказал услужливый доктор. - Я снаю, што телать!

- Что же?

Доктор придвинул свирепую физиономию к лицу Питера и произнес, с умным видом постукивая правым пальцем по правой ноздре:

- Я перу юную тефису на свое попешение!

- Вы?

- Ф моем слюшае все корасто проще. У меня есть экономка.

- Ах, да! Миссис Уэйтли.

- Она, в сущности, топрая женщина, - сказал доктор. - Только ей нато руковотить.

- Нет и нет! - вырвалось у Питера.

- Пощему фы так скасали? - встрепенулся доктор.

- Чтобы вы пестовали такую упрямицу? Это невозможно!

- Я путу топр, но тверт!

- Вы ее не знаете.

- А фи-то, дафно ли уснали ее?

- Так или иначе, я не страдаю чрезмерной сентиментальностью, что может испортить ребенка.

- Тевощки не то што мальшики, - не унимался доктор. - К ним нушен иной потхот.

- Так ведь и я не зверь, - огрызнулся Питер. - Ну хорошо, а если она окажется негодницей? Что вы о ней знаете?

- Я готоф рискнуть, - кивнул великодушный доктор.

- Нет, это несправедливо! - не унимался благородный Питер.

- Оптумайте мое претлошение, - сказал доктор. - Какой же это том, кте не ресфятся дети! Мы, англишане, опошаем том. Фи иной. Фи песшустфенный.

- Ничего не могу поделать, - признался Питер. - На мне лежит ответственность в этом деле. Девочка явилась ко мне. Выходит, что как бы я за нее в ответе.

- Ну, если фи так сшитаете, Питер… - со вздохом произнес доктор.

- Всякие сантименты - это не по моей части, - продолжал Питер. - Но долг… долг - это совсем иная вещь.

И с величием древнего римлянина Питер поблагодарил доктора и распрощался с ним. Затем Питер вызвал Томми.

- Томми, доктор вполне одобрительно высказался о твоем здоровье, - сказал Питер, не поднимая глаз от рукописи. - Так что прекрати дуться. Можешь оставаться.

- Говорили же вам! Нечего было деньгами швыряться.

- Но придется подыскать тебе другое имя.

- С чего это?

- Экономка должна быть существом женского пола.

- Терпеть не могу девчонок!

- Вообще-то я и сам о них не очень высокого мнения. Но что поделаешь! Для начала купим тебе нормальное платье.

- Ненавижу юбки. В них неудобно.

- Томми! - строго сказал Питер. - Не упрямься!

- Говорить правду не значит упрямиться! - упрямилась Томми. - В них тесно. Сами наденьте!

Платье было быстро подобрано, а затем подогнано по фигуре. Однако с именем оказалось намного труднее. Миловидная, смешливая дама с известным, весьма уважаемым и благозвучным именем является ныне почетной гостьей многих литературных салонов. Но в узком кругу старые друзья по-прежнему зовут ее Томми.

Недельный испытательный срок подошел к концу. Питеру, с его чувствительным желудком пришла в голову спасительная мысль.

- Послушай, Томми… то есть, Джейн! - сказал он. - По-моему, нам стоит нанять женщину, которая бы только готовила пищу. Тогда бы у тебя оставалось больше времени… скажем, на другие дела, Томми… то есть, Джейн…

- Какие другие? - спросила она, задрав подбородок кверху.

- Ну… в комнатах прибрать. Еще… пыль вытереть.

- Что мне, круглые сутки пыль в четырех комнатах протирать?

- Но ведь, Томми, есть еще другие поручения. Гораздо удобней посылать с поручениями человека, зная, что не отрываешь его от домашней работы.

- На что это вы намекаете? - выгнула бровь Томми. - Я и так у вас не в полную силу загружена. Я могу и то, и другое…

- Слушай, что тебе говорят! - топнул ногой Питер. - Чем скорее ты это поймешь, тем лучше для тебя. И не смей мне перечить! Глупость какая!

Тут Питер был готов высказаться и покрепче, настолько решительно он был настроен.

Не говоря ни слова, Томми вышла из комнаты. Питер подмигнул Элизабет.

Бедняга Питер! Его триумф оказался быстротечен. Через пять минут Томми вернулась, облаченная в длинную черную юбку, стянутую ремнем, синюю блузу с большим вырезом, серую в крапинку куртку, замотанная шерстяным шарфом, алые губки ее были надуты, длинные ресницы, прикрывая черные глазки, так и трепетали.

- Томми! - (Строго.) - Это что за маскарад?

- Я понимаю, я вам не подхожу. Спасибо, что устроили мне испытание. Сама виновата.

- Томми! - (Менее строго.) - Не будь идиоткой!

- Я не идиотка! У Эммы спросите. Она говорит, я хорошо готовлю. Сказала, что у меня прямо способность к этому. Она как лучше хотела…

- Томми! - (Без тени строгости.) - Садись. Эмма совершенно права. Как кухарка ты… ты подаешь надежды. Как правильно говорит Эмма, у тебя есть к этому способность. К тому же… тебе присущи оптимизм и настойчивость.

- Тогда почему вы хотите нанять кого-то вместо меня?

Ах, если б Питер смог ответить искренне! Он бы тогда сказал: “Дорогое дитя, я одинокий, старый джентльмен. И осознал я это совсем… совсем недавно. И теперь мне уже никуда от этого не деться. Моя жена и мой ребенок скончались много лет тому назад. Я был беден, я не сумел спасти их. Оттого мне было так тяжело. Стрелки часов моей жизни остановились. Ключ я упрятал далеко-далеко. Я гнал от себя воспоминания. Ты выбралась навстречу мне из безжалостного тумана, пробудила старые мечты. Не уходи же, останься…”

Быть может, тогда, несмотря на весь неукротимый бунтарский дух, Томми согласилась бы не наносить урон ему, и Питер смог бы добиться своего при меньшем ущербе для своего желудка. Но если хочешь прослыть человеком несентиментальным, значит, ты не должен произносить подобного даже самому себе. И Питеру пришлось отыскивать иные методы воздействия.

- Почему бы мне не нанять двух слуг, если мне так угодно?

Впрочем, для пожилого джентльмена это представляло явные затруднения.

- Зачем платить двоим за работу, которую может выполнить один? Значит тогда вы будете держать меня из милости?! - Черные глазки вспыхнули. - Я не попрошайка!

- Так ты действительно думаешь, Томми, то есть, Джейн… что справишься с… со всем этим? Скажем, сможешь прервать приготовление обеда и отправиться с поручением? Вот что меня заботит, Томми! Некоторые кухарки этого не любят.

- Так вы сперва дождитесь, пока я пожалуюсь, что у меня работы по горло, потом и волнуйтесь! - посоветовала Томми.

Питер вернулся к письменному столу. Элизабет подняла мордочку Питеру почудилось, что она подмигнула.

Последующие две недели выдались беспокойными для Питера, так как Томми, чьи подозрения преумножились, весьма скептически воспринимала

то, что “в интересах дела” Питеру приходилось обедать с кем-то в клубе, отправляться на ланч с каким-то редактором в ресторан “Чеширский сыр”. Подбородок немедленно взлетал кверху, взгляд черных глаз принимал угрожающее выражение. Вот уже тридцать лет ведя холостяцкий образ жизни и не имея соответствующего опыта, Питер под перекрестным допросом обычно тушевался, начинал сам себе противоречить, проваливался по основным позициям.

- Воистину, - проворчал как-то вечером Питер себе под нос, пиликая ножом по бараньей отбивной, - воистину иначе не скажешь: подкаблучник я, подкаблучник и есть!

В этот самый день Питер намеревался отправиться отобедать в один из своих излюбленных ресторанов “с добрым старым приятелем Бленкинсоппом - он в некотором роде гурман, Томми, а гурман, - это тот, кто предпочитает изысканную кухню!” Но, произнося эти слова, Питер позабыл, что три дня тому назад он уже воспользовался именем Бленкинсопп, чтобы отправиться к означенному другу на прощальный ужин по случаю отбытия последнего следующим утром в Египет. Питер был не слишком изобретателен. В особенности имена приходили ему на ум с трудом.

- Я ценю независимость в людях, - продолжал рассуждать сам с собой Питер. - Только у нее независимости с избытком. Интересно, откуда это в ней?

Но все было гораздо серьезней, чем он мог себе представить. Несмотря на свои деспотические замашки, день ото дня Томми становилась все более и более незаменимой для Питера. За последние тридцать лет Томми явилась первой слушательницей, со смехом внимавшей его остротам; она оказалась первой за тридцать лет ценительницей таланта Питера, утверждавшей, что он самый блестящий журналист на всей Флит-стрит. С Томми были связаны первые за тридцать лет заботы Питера, когда он каждую ночь украдкой поднимался по скрипучей лестнице, прикрывая рукой свечу, взглянуть, спокоен ли ее сон. Ах, если бы Томми не пеклась о нем! Если бы переключить ее на что-то другое!

Очередная спасительная мысль осенила Питера.

- Томми… то есть, Джейн! - сказал как-то Питер. - Я знаю, что я из тебя сделаю!

- И что вы учудите на этот раз?

- Я из тебя сделаю журналистку!

- Да ну вас! Хватит чепуху молоть!

- И вовсе это не чепуха! К тому же так грубо прошу мне впредь не отвечать. Как продувная бестия - а это значит, Томми, та невидимая, незаметная личность, без которой всякий журналист как без рук, - ты сможешь стать неоценимым подспорьем для меня. Ты принесешь мне барыш, Томми, притом весьма ощутимый. Я стану делать на тебе деньги!

По всей видимости, этот довод прозвучал убедительно. Питер не без тайного удовольствия отметил, что подбородок Томми остался в прежнем положении.

- Я как-то подсобляла одному парню продавать газеты, - припомнила Томми. - Он говорил, что у меня здорово получается.

- Вот видишь! - победоносно воскликнул Питер. - Тут способы иные, но в основе то же самое чутье. Решено, мы наймем женщину, чтоб она освободила тебя от домашней работы.

Подбородок дернулся вверх.

- Я могу делать ее в свободное время!

- Видишь ли, Томми, мне бы хотелось, чтобы ты везде ходила со мной… всегда была при мне.

- Сначала вы меня испытайте. Может, я для этого не гожусь.

Питер постепенно обретал мудрость змия-искусителя.

- Вот именно, Томми! Сначала поглядим, что ты умеешь. В конце концов, может выясниться, что тебе лучше остаться кухаркой!

В глубине души Питер в этом сомневался.

Однако семя упало на благодатную почву. И Томми сама себе устроила журналистский дебют.

Некая видная личность прибыла в Лондон, обосновавшись в апартаментах, специально предназначенных для нее в Сент-Джеймсском дворце. И каждый лондонский журналист говорил себе: “Вот если бы я смог взять интервью у этого Значительного Человека, какого грандиозного успеха смог бы я достичь!” Всю неделю Питер носил с собой листок с надписью: “Интервью нашего специального корреспондента с принцем N.”. В левой колонке, узенькой, были вопросы; в правой, широченной, оставалось пустое место для ответов. Однако Значительный Человек был многоопытен.

- Неужто найдется, - говорил Питер, разворачивая перед собой на столе аккуратно свернутый лист бумаги, - неужто еще найдется хоть какая-то уловка или увертка, какой-нибудь лукавый ход, какое-либо тонкое ухищрение, которое бы я не испробовал?

- Прямо как старый Мартин, который все время называл себя Мартини, - вставила Томми. - Как только наступала пора деньги выплачивать - это у нас бывало по субботам, - ну ни в жизнь его не сыскать, исчезает, и все тут. Правда, раз мне удалось его провести, - заметила она не без гордости, - вытянула из него полсоверена. Он сам потом удивлялся.

- Нет, - продолжал Питер рассуждать сам с собой, - Думаю, и в самом деле не осталось никакого способа, ни достойного, ни постыдного, какого бы я не применил!

Тут Питер закинул ненаписанное интервью в корзину для мусора и, сунув в карман записную книжку, удалился на чаепитие с некой романисткой, извещавшей в приписке к своему приглашению, что умоляет не предавать гласности их беседу.

Едва Питер повернулся к ней спиной, Томми тотчас достала лист из корзины.

Примерно через час среди туманной мглы, окутавшей Сент-Джеймсский дворец, возник некий сорванец в залатанных штанах и в куртке в крапинку,

воротник которой был поднят; он стоял и с восхищением взирал на караульного.

- Эй, молодец-удалец по уши чумазый! Тебе чего здесь? - спросил караульный.

- Да вот гляжу, нелегкое, видно, это дело - такую шишку сторожить? - высказал предположение сорванец.

- Ну, если прикинуть, дело, понятно, нелегкое, - согласился караульный.

- А вон там, где окна светятся, он спит, что ли? - спросил сорванец.

- Ага, - подтвердил караульный. - А ты часом не анархист какой? Признавайся!

- Покамест нет, не то непременно признался бы! - заверил караульного сорванец.

Окажись караульный человеком наблюдательным и проницательным, каковым он не являлся, он бы не стал так легкомысленно подходить к этому вопросу. Ибо обратил бы внимание, что глаза сорванца уже облюбовали водосточную трубу, по которой при определенной ловкости можно было бы взобраться на балкон спальни означенного принца.

- Вот бы его повидать! - произнес сорванец.

- Приятель он, что ли, тебе? - осведомился караульный.

- Ну, приятель не приятель… Но, сам знаешь, на нашей улице только о нем и говорят.

- Что ж, тогда тебе стоит поторопиться, - заметил караульный. - Нынче вечером он уезжает.

Томми переменилась в лице.

- А говорили, что в пятницу утром…

- Говорили! - сказал караульный. - Кто говорил-то, газетчики небось? - В

голосе караульного невольно прозвучали нотки, свойственные лишь людям осведомленным. - Ты слушай меня, я скажу, что тебе надо делать, - продолжал он, упиваясь непривычным ощущением собственной значительности. - Он удирает сегодня без всякого сопровождения в Осборн поездом шесть сорок с вокзала Ватерлоо. Никто, конечно, об этом не знает, кроме немногих посвященных. Такая у него манера. Терпеть не может, чтоб…

В вестибюле послышались шаги. Караульный замер, как статуя.

Прибыв на вокзал Ватерлоо, Томми тщательно осмотрела поезд, отходящий в шесть сорок. Лишь одно купе, необычно просторное, в самом конце спального вагона, помещавшегося следом за вагоном для охраны, привлекло ее внимание. На купе значилась табличка “резервировано”, и вместо обычных диванчиков там стоял стол и четыре мягких кресла. Запомнив расположение купе, Томми припустила быстрым шагом по платформе и скрылась в тумане.

Через двадцать минут, никем не замеченный, в сопровождении лишь пяти-шести раболепных должностных лиц, принц N. быстрым шагом пересек платформу и один вошел в предназначенное для него купе. Раболепные чиновники кланялись. Принц по-военному поднял руку к козырьку. Поезд шесть сорок, пыхтя, медленно отошел от платформы.

Принц N., который был полноват, хотя и старался это скрыть, редко оказывался наедине с самим собой. Когда такое случалось, он позволял себе несколько расслабиться. Ввиду того что до Саутгемптона предстояло ехать два часа, принц расстегнул туго стянутый на животе сюртук, откинул голову на спинку кресла, вытянул свои длинные ноги, положив одна на другую, и прикрыл маленькие, но грозные глазки.

На мгновение принцу показалось, что в купе повеяло ветерком. Впрочем, ощущение это тотчас прошло, и он не стал утруждать себя и открывать глаза. Потом принц увидел сон, будто кто-то помимо него находится в купе - и что этот кто-то сидит напротив. Сон был не из приятных, и принц решил открыть глаза, чтобы сбросить с себя это наваждение. Напротив него действительно сидело некое весьма чумазое маленькое существо. Оно утирало грязным носовым платком кровь с лица и рук. Если бы принц был способен удивляться, он бы непременно удивился.

- Не волнуйтесь, - успокоила его Томми. - Я не причиню вам зла. Я не из анархистов.

Принц, с помощью глубокого вздоха втянув в себя живот, принялся застегивать сюртук.

- Как вы сюда проникли? - спросил он.

- Прямо скажем, это оказалось делом нелегким, - заверила Томми, безуспешно пытаясь отыскать сухой кончик у скомканного платка. - Однако все позади, - бодро добавила она. - Главное, я здесь.

- Если вы не хотите, чтоб я сдал вас полиции в Саутгемптоне, прошу отвечать на мои вопросы! - сухо заметил принц.

Принцев Томми не боялась, но в лексиконе ее трущобного детства слово “полиция” неизменно было сопряжено со страхом.

- Мне надо было пробраться к вам.

- Это очевидно.

- По-другому никак не выходило. До вас очень уж сложно добраться. Вы такой хитрый.

- И как вам это удалось?

- Сразу после вокзала есть такой мостик с семафорами. Поезд, как выяснилось, проходит прямо под ним. Оставалось только влезть туда и подождать. Сами видите, ночь туманная, никто меня не засек. Да, кстати, вы и есть принц N.?

- Да, я принц N.

- Не дай Бог, оказался бы кто другой!

- Так, продолжайте!

- Узнав, вернее, угадав ваш вагон, я, как только он подо мной оказался, хоп - и вниз! - Тут Томми взмахнула руками, чтобы показать, как это было.

- Ну а на нем, сами знаете, фонари, - пояснила Томми, потирая лицо, - одним меня и зацепило.

- Ну а с крыши-то как сюда?

- А там уже просто. В конце вагона есть такая железная штука и ступеньки. Сходишь вниз, внутрь и за угол, и все. Мне повезло, что другая дверь у вас была не заперта. А то бы прямо не знаю что. Скажите, а нет у вас при себе какого-нибудь носового платка?

Вытянув из нарукавного кармашка платок, принц протянул его Томми.

- Так ты говоришь, мальчик…

- Я не мальчик, - пояснила Томми. - Я девочка!

Это вырвалось у нее с досадой. Доверившись своим новым друзьям как людям почтенным, Томми положилась на их утверждение, что она является существом женского пола. Но еще долгие годы мысль о том, что она упустила возможность считаться мужчиной, наполняла ее горечью.

- Девочка?!

Томми кивнула.

- О Господи! - произнес принц. - Чего только не довелось мне слышать про юных англичанок. Я-то думал, быть такого не может! Ну-ка, встаньте!

Томми повиновалась. Чего бы никогда не сделала раньше. Увидев устремленный на нее строгий взгляд из-под косматых бровей, поняла, что иначе нельзя.

- Итак, вы оказались здесь. Что же вам угодно?

- Получить у вас интервью.

И Томми протянула листок с начертанными вопросами.

Косматые брови сдвинулись.

- Что за вздор! Кто вас на это подбил? Говорите немедленно!

- Никто.

- Не лгите! Его имя?

Маленькие, грозные глазки пылали огнем. Но взгляд Томми был тверд. И под воздействием сверкнувшего в нем возмущения Значительный Человек определенно стушевался. С таким противником ему встречаться еще не доводилось.

- Я говорю правду!

- Простите покорно! - сдался принц.

И тут принца, личность воистину значительную и потому обладавшую чувством юмора, осенило: ну не забавно ли это, в конце концов, что он, виднейший государственный деятель империи, ведет разговоры в вагоне с дерзкой и нахальной девчонкой, с виду которой не более двенадцати лет. И тогда принц передвинул свое кресло поближе к Томми и, умело используя свой бесспорный дипломатический талант, вытянул из нее по крупицам всю историю.

- Я склонен, мисс Джейн, - заметил сей Значительный Муж, выслушав рассказ Томми, - согласиться с нашим другом мистером Хоупом. Должен признаться, журналистика - это как раз то, чем вам следует заняться.

- А вы позволите мне взять у вас интервью? - спросила Томми, обнажая в улыбке белые зубы.

Значительный Муж поднялся и, положив тяжелую руку на хрупкое плечо Томми, провозгласил:

- Я полагаю, вы заслужили это право!

”Каковы ваши взгляды, - принялась читать Томми, - на будущее взаимодействие политики и общественной жизни?”

- Пожалуй, лучше я сам все напишу! - предложил Значительный Муж.

- Ладно, - согласилась Томми. - А то у меня правописание хромает.

Значительный Муж придвинул кресло к столу.

- Только смотрите, ничего не пропустите! - предупредила Томми.

- Приложу все усилия, мисс Джейн, чтоб не дать вам ни малейшего повода для беспокойства, - с серьезным видом заверил ее принц, подсаживаясь к столу и берясь за перо.

Принц окончил писать к тому моменту, как поезд стал сбавлять ход. Промокнув бумагу и свернув ее, Значительный Муж поднялся.

- На обороте последней страницы я приписал кое-какие указания, - пояснил принц, - прошу вас обратить на них особое внимание мистера Хоупа. Мне бы хотелось, мисс Джейн, чтобы вы обещали мне больше никогда не предпринимать опасные акробатические трюки даже на благо такого святого ремесла, как журналистика.

- Так ведь если бы до вас не было так трудно добраться, я бы…

- Согласен, моя вина! - кивнул принц. - Теперь насчет вашей принадлежности к женскому полу нет никаких сомнений. И все же прошу вас, обещайте мне! Ну же, ведь я на многое ради вас пошел!.. Вы даже не представляете, до какой степени мне было трудно это сделать.

- Ну ладно, - с видимой неохотой сдалась Томми. Она терпеть не могла давать обещания, так как, однажды дав, выполняла их свято. - Обещаю.

- Вот вам ваше интервью.

И первые отблески фонарей Саутгемптона озарили лица стоявших и глядевших друг на друга принца и Томми. Тут принц, имевший (и не без основания) репутацию вздорного и злобного старикана, совершил нечто, совершенно для себя несвойственное: сжав в своих громадных ладонях личико в кровавых подтеках, он чмокнул Томми в щеку. На всю жизнь запомнился ей табачный запах его жестких, с проседью усов.

- И еще одно, - серьезно сказал принц. - Никому об этом ни слова. Держите рот на замке, пока не вернетесь к себе на Гоф-сквер.

- Вы что, меня за дуру считаете? - ответила Томми.

Едва лишь принц исчез, окружающие как-то странно стали поглядывать на Томми. Все принялись по непонятной, казалось, для них самих причине суетиться вокруг нее. Глядели на нее и отходили, и подходили вновь, и вновь глядели. По мере того как нарастал их интерес, нарастало и недоумение. Некоторые задавали вопросы Томми, но тот факт, что она не знала, что сказать, не говоря уже о том, что ей наказано было молчать, изумлял до такой степени, что само Любопытство в задумчивости померкло.

Ее помыли и почистили, ей предложили восхитительный ужин и, поместив в купе первого класса с табличкой “резервировано”, отправили обратно до Ватерлоо, а с вокзала - в кебе довезли до Гоф-сквер, куда Томми заявилась около полуночи, преисполненная самомнения, следы которого сохранились в ней и по сей день.

Именно так все и началось. Томми, в течение часа тарахтевшая без умолку со скоростью две сотни слов в минуту, внезапно в изнеможении уронила голову на стол и была не без трудностей подхвачена под руки и препровождена в постель. Питер в своем глубоком уютном кресле просидел у камина до поздней ночи. Обожавшая человеческое присутствие Элизабет нежно мурлыкала. И средь ночных теней явилась Питеру Хоупу его давняя, забытая мечта - мечта о создании нового, удивительного журнала-еженедельника стоимостью в один пенни, в редакторы которого он некогда прочил некого Томаса Хоупа, сына Питера Хоупа, почетного основателя и инициатора: журнала яркого, какого давно ждут, популярного и в то же время возвышенного, доставляющего радость читателям и приносящего доход владельцам.

”Ты помнишь меня? - шептала Мечта. - Мы подолгу беседовали вместе. Миновали утро и день. У нас впереди целый вечер и ночь. А утренний свет в свою очередь подарит новую надежду”.

Элизабет прекратила мурлыкать и в удивлении подняла мордочку. Питер смеялся, внимая своим мыслям.

История вторая

КАК УИЛЬЯМ КЛОДД НАЗНАЧИЛ СЕБЯ ДИРЕКТОРОМ-

РАСПОРЯДИТЕЛЕМ

Миссис Поустуисл восседала в виндзорском кресле посреди Роллс-Корт. В пору своей юности миссис Поустуисл причислялась восторженными завсегдатаями старого ресторанчика “Митра” на Чансери-лейн к тому виду худосочных особ, каковых принялся популяризировать один английский художник во дни своей славы; однако за последние годы миссис Поустуисл значительно увеличилась в размерах, сохранив при этом безмятежный облик молодости. Нельзя не отметить, что именно эти два обстоятельства вкупе способствовали некоторому увеличению ее дохода. Оказавшись в Роллс-Корт этим летним днем, случайный прохожий, претендующий на знание текущей периодики, покинул бы этот квартал, сопровождаемый странным ощущением, что физиономия праздно отдыхающей в виндзорском кресле дамы ему несомненно знакома. Перелистав едва ли не первый попавшийся из последних иллюстрированных журнальчиков, он обнаружит искомый ответ. Увидев фотографию миссис Поустуисл в нынешнем виде, любознательный прочтет под ней подпись: “Пациентка до принятия лечения профессора Хардтопа от лишнего веса”. А под фотографией рядом, где изображена миссис Поустуисл двадцать лет назад, еще в бытность ее Арабеллой Хиггинс, можно прочесть несколько измененный текст: “Пациентка после принятия лечения и т. п.”. Лица на фотографиях идентичны, однако фигура - и в этом нет никаких сомнений - претерпела некоторые изменения.

Миссис Поустуисл выехала со своим креслом на самую середину Роллс-Корт, по причине перемещения по небу солнца. Небольшая лавочка, меж окон которой красовался щит, гласивший: “Тимоти Поустуисл. Торговля бакалейными товарами и гастрономией”, осталась в тени позади миссис Поустуисл. Старые обитатели Западного Сент-Данстана еще сохранили память о субъекте джентльменского вида с густыми, пышными бакенбардами и в неизменном цветистом жилете, который время от времени возникал за прилавком. Всех клиентов он постоянно и с величием лорда-гофмейстера, опекавшего вновь представленных ко двору, препровождал к миссис Поустуисл, самого себя считая, очевидно, чисто декоративной деталью. Между тем последние лет десять никто его в лавке не видел, а миссис Поустуисл обладала граничившей с талантом способностью делать вид, что не слышит или не понимает, о чем ее

спрашивают, если отвечать не входило в ее планы. Никто ничего не знал наверняка, ограничивались лишь подозрениями. И жители Западного Сент-Данстана утратили интерес к этой проблеме.

”Вот если бы я вовсе не желала видеть его, - говорила себе миссис Поустуисл, орудуя спицами, а одним глазом поглядывая на лавку, - можно не сомневаться, я бы и со стола убрать не успела, как он бы сюда заявился. Странно все в мире устроено!”

Миссис Поустуисл с нетерпением поджидала прихода некого джентльмена, появление которого никогда не вызывало энтузиазма ни у одной из жительниц Роллс-Корт. То был некто Уильям Клодд, сборщик квартирной платы, обходивший дома Западного Сент-Данстана по вторникам.

- Ну наконец-то! - произнесла миссис Поустуисл, не рассчитывая, однако, что как раз возникший вдалеке мистер Клодд может ее услышать. - А уж я-то начала беспокоиться, что вы в спешке поскользнулись и зашиблись.

Завидев миссис Поустуисл, мистер Клодд решил поменять порядок обхода и начать с дома номер семь.

Мистер Клодд был небольшого роста, крепкий молодой человек со слегка вытянутой головой, порывистыми манерами, с некоторой лукавинкой в добрых глазах.

- Ах! - произнес мистер Клодд восхищенно, упрятывая в карман шесть монет достоинством в полкроны каждая, которые вручила ему миссис Поустуисл. - Если бы все были такими, как вы, миссис Поустуисл!

- Тогда бы отпала необходимость в таких молодцах, как вы, - резонно заметила миссис Поустуисл.

- Вообще-то, если подумать, я сделался собирателем квартирной платы только по иронии судьбы, - заметил мистер Клодд, выписывая квитанцию. - Будь моя воля, я бы решительно искоренил крупную земельную собственность. Это же позор всей нации!

- Кстати, как раз на эту тему я хотела с вами поговорить! - подхватила

дама. - Это касается моего жильца.

- Ах, так он не платит вам? Предоставьте его мне. Живо заставлю его платить.

- Нет-нет! - возразила миссис Поустуисл. - Это я могу перепутать дни, когда ему платить; он не перепутает никогда. Если меня не случается дома в назначенный час, он оставляет мне деньги в конверте на столе.

- Бывают же матери, которые так хорошо воспитывают детей! - произнес в раздумье мистер Клодд. - Мне бы в этом районе хоть парочку таких плательщиков. С какой же стати вы заговорили о нем? Чтоб я узнал, какой у вас прекрасный жилец?

- Я хотела посоветоваться с вами, - продолжала миссис Поустуисл, - как мне от него отделаться. Все это сразу выглядело как-то очень странно.

- Но почему вы хотите отделаться от него? Он что, очень шумный?

- Что вы! От кошки в доме больше шума, чем от него. Из него бы получился первоклассный взломщик!

- Поздно заявляется домой?

- Он вообще не выходит, едва лишь я закрою ставни.

- Может, доставляет вам много хлопот?

- Я бы не сказала. Чтобы узнать, дома он или нет, приходится подниматься к нему наверх.

- Тогда я ничего не понимаю, - в растерянности произнес мистер Клодд. - Если бы я не знал вас, мог бы подумать, что вы сами не понимаете, чего хотите!

- Меня от него трясет! - сказала миссис Поустуисл. - У вас есть немного времени, вы не слишком спешите?

Не было случая, чтобы мистер Клодд не спешил.

- Беседуя с вами, я забываю, что спешу! - галантно ответил он.

Миссис Поустуисл провела его в маленькую гостиную.

- Воистину комната для гостей! - отметил мистер Клодд. - Веселые тона в сочетании со сдержанностью стиля. То, что надо!

- Я расскажу вам, что произошло не далее как вчера вечером, - начала миссис Поустуисл, усаживаясь напротив гостя за ломберный столик. - С семичасовой почтой моему жильцу пришло письмо. Я видела, как за пару часов до этого он вышел из дому, и хоть проторчала в лавке все это время, не заметила, чтобы он вернулся назад. Это в его духе. Точно он не жилец, а призрак какой-то. Я поднялась к нему и, не стучась, вошла в его комнату. Вы не поверите! Почти раздетый он висел, вцепившись руками и ногами в самую верхушку кровати, - а кровать такая старинная, о четырех столбах! - голова у самого потолка. При этом он щелкал орехи и жевал. Вдруг, запустив в меня пригоршней пустых скорлупок, он стал корчить дикие рожи и забормотал себе под нос что-то невнятное.

- Я надеюсь, это была просто шутка? Никакого злого умысла? - поинтересовался мистер Клодд.

- Теперь так неделю продлится, уж это точно, - продолжала миссис Поустуисл, - все будет представлять себя обезьяной. Неделю назад он был черепахой, ползал на животе, привязав к спине чайный поднос. Стоит ему выйти за дверь, он ведет себя как обыкновенный человек, если так можно выразиться. Но когда остается дома… ах, я подозреваю, что он не совсем в себе.

- Вы удивительно проницательная женщина, миссис Поустуисл, - заметил мистер Клодд с оттенком восхищения. - Скажите, впадает ли он в буйство?

- Уж прямо не знаю, что с ним станется, если он вообразит себя каким-нибудь кровожадным чудовищем! - отвечала миссис Поустуисл. - Я несколько встревожена этим его перевоплощением в обезьяну. Не скрою от вас, если вспомнить все эти иллюстрированные издания, обезьяны способны на жуткие вещи. До сих пор, кроме того случая, когда он воображал себя молью и питался исключительно прикрывшись ковром, его устраивали образы птичек, кошек и прочих безобидных тварей, так что у

меня не было особенного повода для волнений.

- И где только вы такого откопали? - спросил мистер Клодд. - Долго ли пришлось искать, или кто-то вам его порекомендовал?

- Как-то вечером месяца два назад его привел ко мне старик Глэдмен, торговец канцелярскими товарами с Чансери-лейн. Сказал, что это какой-то его дальний родственник, немного слабоумный, но абсолютно безобидный, и что ему хотелось поместить его в такое место, где бы с ним обошлись по-человечески. Ну и, так как вот уж более месяца у меня никто не селился, а старый дурачок на вид был тих, как ягненок, и поскольку сделка казалась выгодной, я сразу ухватилась за это предложение. А старый Глэдмен, заверив, что стремится, чтобы все было как следует, дал мне подписать некий документ.

- У вас есть копия? - осведомился по-деловому мистер Клодд.

- Нет. Но я помню, о чем там шла речь. У Глэдмена документ был заготовлен заранее. До тех пор, пока мне регулярно выплачиваются деньги, а жилец не доставляет особого беспокойства и относительно здоров, он проживает и столуется у меня за семнадцать шиллингов и шесть пенсов. В тот момент эти условия не вызывали у меня никаких возражений. Так вот: поскольку, как я вам уже сказала, платит он регулярно, а что касается беспокойства, ничего особенного я сказать не могу - был бы он нормальный человек, а то ведь святой мученик, - видно, жить мне с ним под одной крышей до самой моей смерти.

- Дайте ему волю, быть может, он на недельку сделается гиеной и примется выть или станет вопить, вообразив себя ослом или кем-то еще в этом роде, и вы добьетесь желаемого беспокойства, - предложил мистер Клодд. - Вот вам и выход из ситуации.

- Так-то оно так, - задумчиво произнесла миссис Поустуисл, - но что, если ему взбредет в его, с позволения сказать, голову сделаться тигром или быком? Может статься, что к концу его перевоплощения мне уже подобный выход не потребуется.

- Предоставьте это дело мне, - заявил мистер Клодд, поднимаясь и озираясь в поисках шляпы. - Старика Глэдмена я знаю. Я с ним переговорю.

- Если получится, попробуйте взглянуть на тот документ, - посоветовала миссис Поустуисл, - потом скажете, что вы по этому поводу думаете. Надо бы что-то предпринять, лично мне бы не хотелось остаток дней своих провести в лечебнице для душевнобольных.

- Я берусь вам помочь, - заверил мистер Клодд и с тем распрощался.

Часов через пять, когда луна июльской ночи окутала серебристой мглой мрачноватые постройки квартала Роллс-Корт, снова по бугристой мостовой эхом разнеслись звуки кованых подошв мистера Клодда. Однако мистеру Клодду было не до луны и звезд, а также всякой подобной дребедени; его всегда занимали куда более существенные мысли.

- Видали старого мошенника? - поинтересовалась высунувшаяся из дверей миссис Поустуисл, препровождая затем гостя в дом.

- Прежде всего, - начал мистер Клодд, откладывая в сторону шляпу, - скажите мне, вы в самом деле окончательно решили избавиться от вашего жильца?

В ту же секунду тяжелый удар сверху, потрясший потолок, заставил мистера Клодда вскочить со стула.

- Что такое? - воскликнул он.

- Через час после того, как вы ушли, - пояснила миссис Поустуисл, - он явился с карнизом для гардин, что продают за шиллинг на Клэр-маркет. Один конец карниза он положил на каминную полку, другой привязал к спинке кресла, чтобы самому, обвившись вокруг карниза, проспать в таком виде всю ночь. А поняли вы меня совершенно верно. Я действительно хочу избавиться от этого человека.

- В таком случае, - сказал усаживаясь мистер Клодд, - выход найден.

- Слава Тебе, Господи! - воскликнула миссис Поустуисл в религиозном порыве.

- Все оказалось так, как я и предполагал, - продолжал мистер Клодд. - Наш блаженный старичок - между прочим, он приходится Глэдмену шурином, - является обладателем небольшой ежегодной ренты. Точной

суммы мне выяснить не удалось, однако я догадываюсь, что ее достаточно, чтобы обеспечить его содержание, а также гарантировать старику Глэдмену, который заправляет его делами, весьма ощутимый доход. Отправлять его в лечебницу они не хотят. Сказать, что старичок нищий, нельзя, а если поместить его в частное заведение, то это, по-видимому, будет стоить всех его денег. К тому же сами родные отнюдь не намерены ухаживать за придурком. Я выложил старому Глэдмену все начистоту, показал, что я полностью в курсе дела. Словом, я готов все хлопоты принять на себя, если, конечно, вас это устроит, и в таком случае Глэдмен готов расторгнуть с вами контракт.

Миссис Поустуисл направилась к буфету, чтобы налить стаканчик вина мистеру Клодду. Очередной громкий стук упавшего, причем весьма стремительно, тела, раздался сверху как раз в тот момент, когда миссис Поустуисл, держа стакан на уровне глаз, аккуратно наливала в него из бутылки.

- Ну разве это не беспокойство? - заметила миссис Поустуисл, подбирая осколки.

- Потерпите еще всего лишь одну ночь, - заверил ее мистер Клодд. - Завтра же утром я заберу его. А до той поры я бы вам посоветовал положить ему под его жердочку матрас, пока вы еще не легли спать. Мне бы хотелось получить его завтра в относительной исправности.

- К тому же звук падения будет не так слышен, - согласилась миссис Поустуисл.

- За здоровье непьющих! - провозгласил мистер Клодд, выпил и поднялся, чтобы уйти.

- Судя по всему, вы неплохо обделали дело в свою пользу, - заметила миссис Поустуисл. - Что ж! Кто-то вас за это осудит. А я скажу - Господь вас благослови!

- Мы прекрасно с ним поладим, - заверил ее мистер Клодд. - Я обожаю зверюшек.

На другой день рано поутру четырехколесный экипаж подъехал к воротам Роллс-Корт и увез Клодда с его Блаженным (которого с тех пор

так и стали именовать: Блаженный Клодда), а также все пожитки Блаженного Клодда, включая и гардинный карниз. И снова за стеклом веерообразного окошечка над дверью бакалейной лавки появилось объявление: “Сдается угол одинокому мужчине”, каковое по прошествии нескольких дней привлекло вникание одного необычного с виду, длинного и костлявого паренька, говорившего так странно, что миссис Поустуисл некоторое время не могла понять, чего он хочет. Вот почему и по сей день можно встретить почитателей книг “огородной школы”,

[Литературное направление конца XIX - начала XX в, широко использовавшее местный шотландский диалект и колорит. - Здесь и далее прим. перев.]

тщетно блуждающих по Западному Сент-Данстану в поисках Роллс-Корт и с огорчением узнающих, что квартала более не существует. Но это история про Малыша, а мы рассказываем про то, как начинал Уильям Клодд, ныне сэр Уильям Клодд, баронет, член парламента, владелец более двухсот газет, больших и малых журналов: Честный Билли, как мы называли его тогда.

Никто не скажет, что Клодд не заслуживает той прибыли, которую, не исключено, могла принести ему его негласная психиатрическая лечебница. Уильям Клодд был добрый человек, пока склонность к сантиментам в нем не начинала противоречить деловой хватке.

- Вреда от него никакого, - заметил мистер Клодд, обсуждая суть дела с неким мистером Питером Хоупом, журналистом с Гоф-сквер. - Ну, разве что он слегка с приветом. Так и нас с вами могло бы постичь то же самое, если бы мы изо дня в день не были заняты ровно никаким делом. Кроме детских шалостей, человеку ничего не остается. Вот я и решил, что самое лучшее - включиться в его игру и таким образом управлять ситуацией. На прошлой неделе ему вздумалось сделаться львом. Я заметил некоторую странность в его поведении, он рычал, требовал сырого мяса, а по ночам принимался рыскать по дому. Если б я стал ворчливо увещевать его, это ни к чему бы не привело. Я просто взял ружье и пристрелил его. Теперь он

стал уткой, и я стараюсь его в этом не разуверять: купил ему три фарфоровых яичка, он их часами рядышком с ванной и высиживает. С ним меньше хлопот, чем с иными нормальными.

Вновь наступило лето. Клодда можно было частенько встретить спешившим под ручку со своим Блаженным - тихим, маленьким старичком, несколько напоминающим священнослужителя, - по тем самым дворам и улицам, которые являлись полем сбора мистером Клоддом квартирной платы. Их очевидная взаимная привязанность явствовала прелюбопытнейшим образом: молодой, рыжеволосый Клодд опекал своего сухонького, седенького приятеля с отцовской снисходительностью, тогда как тот время от времени взглядывал на Клодда снизу вверх с младенческим выражением преданности и обожания.

- Нам все лучше и лучше! - заверил Клодд Питера Хоупа, когда пара повстречалась с ним на углу Ньюкасл-стрит. - Чем чаще мы бываем на свежем воздухе, чем больше у нас обнаруживается дел и забот, тем лучше, верно?

Тихонький старичок, повисший на руке Клодда, заулыбался и закивал.

- Между нами говоря, - добавил Клодд, понизив голос, - не так уж мы глупы, как иные полагают!

Питер Хоуп продолжил свой путь по Стрэнду.

- Клодд - добрый малый, да, добрый малый, - проговорил Питер Хоуп, который в силу многолетней жизни в одиночестве приобрел манеру разговаривать вслух. - Но не думаю, что он из тех, кто понапрасну тратит время.

С наступлением зимы Блаженный Клодда захворал.

Клодд припустил на Чансери-лейн.

- Говоря по правде, - признался мистер Глэдмен, - мы и не рассчитывали, что он столько протянет.

- Ну да, вы рассчитывали на его ренту, - сказал Клодд, которого нынешние его поклонники (а их немало, ибо к нынешнему времени он уже,

должно быть, миллионер) обожают именовать не иначе, как “прямым и честным англичанином”. - Может, хоть сейчас удосужитесь потрудиться и увезете его от наших туманов в теплые края, чтоб ему полегчало?

Казалось, мистер Глэдмен уже готов был обсудить этот вопрос, однако миссис Глэдмен, дамочка проворная, охотно взяла решение на себя.

- Не будем искушать судьбу, - сказала миссис Глэдмен. - Человеку семьдесят три года. К чему попусту тратить деньги? Надо смириться.

Никто не скажет, никто бы не осмелился сказать, что в подобных обстоятельствах Клодд не стремился сделать все возможное. В конце концов, вероятно, ничто бы здесь не помогло. По совету Клодда сухонький старичок превратился в мышонка и тихонечко лежал себе в норке. Если же он пытался вскакивать и заходился кашлем, Клодд, принимавший облик ужасного, черного кота, угрожал в любую минуту кинуться на него. Только смирненько лежа в постели и делая вид, что уснул, мышонок мог избежать когтей безжалостного Клодда.

Доктор Уильям Смит, урожденный Вильгельм Шмидт, пожимал пухлыми плечами:

- Нишефо нельзя потелать! Если пы не наши туманы, никокта пы иностранес не торшествовал нат Анклией! Пусть лешит покойно. Мышонок - хорошая итея!

В тот вечер Уильям Клодд поднялся на второй этаж дома номер шестнадцать по Гоф-сквер, где проживал его приятель Питер Хоуп, и энергично постучал в дверь.

- Войдите! - послышался решительный голос, не принадлежавший Питеру Хоупу.

С давних пор заветной мечтой мистера Уильяма Клодда было сделаться владельцем, хотя бы частичным, какого-нибудь журнала. Ныне, как я уже говорил, в его владении уже более двухсот периодических изданий, и, по слухам, ведутся переговоры о приобретении еще семи. Но двадцать лет тому назад фирма “Клодд и К°, лимитед” находилась в эмбриональном состоянии. Подобным же образом журналист Питер Хоуп вынашивал многие и многие годы мечту стать владельцем или совладельцем какого-

нибудь периодического издания. Питер Хоуп и по сей день не обладает ничем особенным, кроме убеждения, что, если бы такое когда-либо свершилось, всегда и повсюду его имя возбуждало бы чувства добрые и что всегда в компании нашелся бы человек, который бы воскликнул: “Милый, старый Питер! Чудесный был малый!” Хотя, быть может, подобное обладание стоит дороже, кто знает? Однако двадцать лет назад кругозор Питера Хоупа был ограничен Флит-стрит.

Питеру Хоупу, по его словам, было сорок восемь. Он был мечтатель и человек начитанный. Уильяму Клодду было двадцать с небольшим, и он был прирожденный ловкач и проныра.

Познакомились они как-то случайно в омнибусе, где Клодд одолжил Питеру, вышедшему из дома без кошелька, три пенса на проезд, и их знакомство постепенно перешло в приятельство при обоюдных симпатии и уважении. Мечтатель Питер поражался житейскому практицизму Клодда, тогда как смышленый и разбитной молодой человек терялся в восхищении перед тем, что представлялось ему необыкновенной ученостью его старшего друга. И оба сошлись во мнении, что еженедельный журнал, редактором которого явится Питер Хоуп, а распорядителем Уильям Клодд, просто обречен на успех.

- Если б нам удалось наскрести хотя бы тысячу фунтов на двоих! - вздыхал Питер.

- Значит, условились? Как только находим деньги, тут же принимаемся за журнал! - подхватывал Уильям Клодд.

Мистер Клодд повернул ручку двери и вошел. Не снимая руки с дверной ручки, он оглядел комнату. Впервые он оказался здесь. До сих пор их встречи с Питером Хоупом носили случайный характер, происходили на улице или в ресторанчике. Как давно Клодд жаждал войти в святая святых величайшего эрудита!

Просторная, отделанная дубовыми панелями комната, три высоких окна, под каждым мягкое сиденье, выходят на Гоф-сквер. Тридцать пять лет тому назад Питер Хоуп, тогда юный щеголь с удлиненными бачками, с лицом свежим и румяным, которому темные волнистые кудри придавали девический облик, в синем сюртуке, цветастом жилете, черном шелковом

шейном платке, скрепленном двумя булавками на цепочке, в серых, облегающих панталонах со штрипками, при помощи и содействии хрупкой, миниатюрной дамы в платье с низковатым вырезом и юбкой-кринолином со множеством оборок, с длинными локонами, которые при каждом повороте головы раскачивались, преобразовывал и обставлял эту комнату в соответствии с трезвыми канонами тогдашней моды, тратя на это средства гораздо большие, чем можно было ожидать от юной четы, поскольку будущее молодым всегда представляется радужным. Изысканный брюссельский ковер. “Немного ярковат!” - считали подрагивающие локоны. “Тон слегка смягчится со временем, мисс… мэм”. - Приказчик разбирался в коврах. Лишь с помощью небольшого островка под массивным столом в стиле ампир или заглядывая в недоступные углы Питер мог вспомнить, каков был тот радужный пол, по которому ступала его нога в юности. Величественный книжный шкаф, увенчанный бюстом Минервы. Да, пришлось выложить за все это немалые деньги. Но упрямые локоны невозможно было переспорить. Чтоб навести порядок, необходимо было убрать никчемные книги и бумаги Питера; локоны не допускали никаких доводов, оправдывающих беспорядок. То же относилось и к роскошному, окованному медью письменному столу: внешне он должен был соответствовать возвышенным мыслям, которые Питеру предстоит на нем поверять бумаге. И к огромному буфету, чью верхушку подпирали свирепые на вид львы из красного дерева - эта мощь была необходима, чтобы удержать все обилие серебряной посуды, которую Питер когда-нибудь приобретет для заполнения буфета. Несколько полотен маслом в тяжелых рамах. Эта солидно и строго обставленная комната пленяла едва уловимой атмосферой величия, которая ощутима в старых домах, чей покой давно никто не тревожит, где, казалось, на стенах написано: “Здесь, слившись воедино, обитают и Радость, и Печаль”. И лишь один-единственный предмет казался неуместным среди всей этой степенной обстановки - висевшая на стене гитара, украшенная нелепой, несколько выгоревшей голубой лентой.

- Мистер Уильям Клодд? - спросил решительный голос.

Клодд вошел и прикрыл за собою дверь.

- Прямо в точку попали! - отметил мистер Клодд.

- Это очевидно, - продолжал решительный голос. - Днем мы получили

вашу записку. Мистер Хоуп вернется к восьми. Будьте добры, повесьте шляпу и плащ в коридоре. На каминной полочке коробка с сигарами. Прошу прощения, не могу прерваться. Необходимо закончить, после чего я побеседую с вами.

Обладатель решительного голоса продолжал писать. Сделав все, как ему было сказано, Клодд уселся в кресло рядом с камином и закурил сигару. За письменным столом видны были лишь голова да плечи писавшего. Темные, курчавые, коротко остриженные волосы. Из одежды наружу высовывался лишь белый воротничок, под которым был завязан красный шнурок, что можно было бы расценить как мальчишескую куртку, несколько похожую на девчоночью, или девчоночью, несколько похожую на мальчишескую. Воспользовавшись гением одного английского политика - назовем это компромиссом, - мистер Клодд отметил длинные ресницы, прикрывавшие блестящие черные глазки.

”Это девочка, - заметил про себя мистер Клодд. - И прехорошенькая!”

Взгляд мистера Клодда скользнул вниз, к носу.

”Впрочем, нет, - снова заметил мистер Клодд. - Это мальчик, причем, я бы сказал, пренаглый плут”.

Персона за письменным столом, причмокнув от удовольствия, собрала исписанные листы и сложила их в стопочку. После чего, опершись локтями о стол, подпирая щеки ладонями, уставилась на мистера Клодда.

- Не спешите, не спешите, - сказал мистер Клодд. - А как кончите обзор, непременно скажите, что вы обо мне думаете.

- Прошу прощения, - отозвалась персона за письменным столом. - Привязалась нехорошая привычка рассматривать людей. Я знаю, это неучтиво. Пытаюсь отучиться.

- Скажите, как вас зовут, - продолжил мистер Клода - и извинение вам обеспечено.

- Томми, - был ответ, - то есть, Джейн…

- Вы все-таки решите как, - посоветовал мистер Клодд. - Я, конечно, сам

могу выбрать, но все-таки хочется узнать, как правильно.

- Видите ли, - пояснила персона за письменным столом, - все зовут меня Томми, потому что раньше меня так звали. А теперь зовут Джейн.

- Понял! - сказал мистер Клодд. - Ну а мне как вас называть?

Персона за письменным столом задумалась.

- Ну, если планы, которые вы с мистером Хоупом обсуждаете, действительно приведут к результату, тогда, видите ли, мы будем работать вместе и, значит, вам можно назвать меня Томми… так меня многие зовут.

- Вы слыхали о наших планах? Вам мистер Хоуп рассказывал?

- Ну а как же! - был ответ Томми. - Я у него служу.

Мгновение Клодд сомневался: не затеял ли его приятель самостоятельное конкурирующее предприятие?

- Я ему помогаю в работе, - пояснила Томми, успокаивая Клодда. - В журналистских кругах это называется “продувная бестия”.

- Понятно, - сказал Клодд. - А что вы думаете, Томми, насчет этих планов? Я стану называть вас Томми, потому что, между нами говоря, из этой идеи кое-что да получится.

Томми взглянула на него своими темными глазами. Казалось, ее взгляд пронзал Клодда насквозь.

- Ну вот, опять за старое, Томми! - пожурил ее Клодд. - Как видно, нелегко расставаться с привычкой.

- Я пытаюсь составить о вас представление. Ведь так много зависит от делового человека.

- Рад слышать такие слова, - отвечал удовлетворенный Клодд.

- Если вы окажетесь слишком умны… Будьте добры, подойдите поближе к лампе, а то мне вас плохо видно.

Клодд никак не мог понять, почему он это сделал, но он встал. Также не мог он понять почему, с самого первого момента до последнего, он поступал так, как велела Томми; единственным утешением ему служило то, что и все остальные, казалось, выглядят перед ней равно беспомощными. Клодд пересек длинную комнату и застыл по стойке “смирно” перед письменным столом, внутренне ощущая обычно не свойственное ему чувство нервозности.

- По виду не скажешь, что вы слишком умны!

Еще одно новое чувство пришлось испытать Клодду - падение в собственных глазах.

- Но вместе с тем присутствие ума в вас очевидно.

Ртутный столбик тщеславия скакнул у Клодда так высоко, что, будь он по природе менее крепок, это не преминуло бы пагубно сказаться на его здоровье.

Клодд протянул руку:

- Мы одолеем это дело, Томми! Наш главный подыщет материал, мы с тобой запустим его в ход. Ты мне нравишься!

И вошедшего в этот момент Питера Хоупа обожгло искрами, вспыхнувшими в глазах Уильяма Клодда и Томми, которую также звали Джейн. Они стояли, соединенные рукопожатием, по обе стороны письменного стола и, сами не зная чему, смеялись. И, стряхнув с себя груз многих дет, снова почувствовав себя мальчишкой, смеялся и Питер Хоуп, тоже не зная чему.

- Решено, шеф! - воскликнул Клодд. - Мы с Томми обо всем договорились. С нового года начинаем издавать журнал!

- Вы достали деньги?

- Рассчитываю достать. Почти уверен, что они от меня не уплывут.

- И хорошую сумму?

- Более или менее. Приступайте к работе.

- Я скопил кое-что, - начал Питер. - Хотелось бы больше, но пока что есть…

- Возможно, мы этим воспользуемся, - сказал Клодд. - а может, и нет. Вы занимайтесь интеллектуальной работой.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание.

- Мне кажется, Томми, - произнес Питер, - мне кажется, что бутылочка старой мадеры…

- Нет, не сегодня, - оборвал его Клодд. - Потом.

- Ну, за успех… - уговаривал Питер.

- Успех одного, как правило, означает горе для проигравшего, - заметил Клодд. - Тут, конечно, ничего не поделаешь, но сегодня об этом думать бы не хотелось. Мне пора возвращаться к своему мышонку. Доброй ночи!

Клодд пожал хозяевам руки и выскочил вон.

- Я все время думаю, - размышляя вслух, произнес Питер, - что за странная смесь этот человек! Он добр - ведь никто добрее его не обошелся с несчастным старичком. И в то же самое время… в нас всех столько всего намешано, Томми, - продолжал Питер Хоуп, - столько всего, как в мужчинах, так и в женщинах.

Питер был философ по натуре.

Вскоре старенький, седенький мышонок, утомленный кашлем, заснул навеки.

- Просил бы вас с супругой пожаловать на похороны, Глэдмен, - сказал мистер Клодд, заглядывая в лавку торговца канцелярскими товарами. И Пинсера с собой прихватите Я напишу ему уведомление.

- Не вижу в этом особой надобности, - возразил Глэдмен.

- Ведь вы трое - единственные родственники покойного. Приличие требует вашего присутствия, - не отставал Клодд - К тому же предстоит огласить завещание. Возможно, вам любопытно будет послушать.

Сухопарый старый торговец выкатил на Клодда водянистые глаза.

- Завещание? А что ему, собственно, завещать? Кроме ежегодной ренты, у него ничего не было.

- Вот заглянете на похороны, - сказал Клодд, - тогда все и узнаете. Там будет стряпчий с завещанием. Как говорят французы, все должно быть comme il faut. {Как следует по всем правилам (франц.).}

- И как я раньше не догадался, - начал мистер Глэдмен.

- Рад, что вы проявляете такой интерес к покойному, - заметил Клодд. - Жаль, что он мертв, не сможет вас отблагодарить.

- Послушайте, вы! - воскликнул старый Глэдмен, чуть было не сорвавшись на крик. - Он был беспомощный псих и не мог действовать самостоятельно. Если вы недостойным образом повлияли на…

- Увидимся в пятницу! - бросил на ходу Клодд и торопливо вышел.

Состоявшиеся в пятницу похороны протекали отнюдь не в атмосфере дружелюбного общения. Время от времени миссис Глэдмен говорила что-то яростным шепотом мистеру Глэдмену, который буркал что-то возмущенное ей в ответ. Оба только и знали, что честили Клодда на чем свет стоит. Мистер Пинсер, дородный и грузный господин, имевший отношение к Палате Общин, проявлял правительственную сдержанность. По окончании церемонии чиновник похоронного бюро выразил особую признательность собравшимся. Он расценил прошедшие похороны как наибезобразнейшее в своей практике событие и после этого какое-то время подумывал даже оставить свою профессию.

По возвращении хоронивших с кладбища Кенсэл-Грин их уже ожидал стряпчий. Клодд снова выступил в качестве радушного хозяина. На сей раз мистер Пинсер позволил себе принять стакан разведенного водой виски и пригубил его с видом, исключавшим зависимость от предрассудков. Стряпчий принял виски, не так сильно разбавленный водой. Миссис

Глэдмен, не прибегая к консультации с супругом, негодующе отказалась, причем как от своего, так и от его имени. Клодд, объясняя это тем, что всегда и во всем следует закону, также налил себе разбавленный виски и выпил “за очередную радостную встречу”. После чего стряпчий приступил к чтению завещания.

Завещание, датированное августом прошлого года, оказалось простым и коротким. Обнаружилось, что старый джентльмен, к удивлению несведущих родственников, скончался обладателем некой доли в разработке серебряных приисков, ранее признанных бесперспективными, а ныне оказавшихся процветающими. По нынешним подсчетам, доход от них оборачивался в сумму, намного превосходящую две тысячи фунтов. Старый джентльмен завещал пятьсот фунтов своему зятю, мистеру Глэдмену; пятьсот фунтов - последнему из оставшихся родственников, кузену, мистеру Пинсеру; остальное завещалось его другу, мистеру Клодду, в знак благодарности за заботу, проявленную этим джентльменом к завещавшему.

Мистер Глэдмен вскочил, в большей степени потешаясь услышанным, нежели негодуя:

- Вы полагаете, что сможете прикарманить целую тысячу да еще несколько сотен фунтов. Нет, в самом деле? - выкрикнул он Клодду, который в это время сидел перед ним, вытянув вперед ноги и засунув руки в карманы брюк.

- Именно так! - подтвердил мистер Клодд.

Мистер Глэдмен расхохотался, что, однако, не слишком разрядило атмосферу вокруг.

- Клянусь, Клодд, вы меня рассмешили, вы меня просто рассмешили! - смеясь, повторял мистер Глэдмен.

- Вы всегда отличались хорошим чувством юмора, - заметил мистер Клодд.

- Ах ты негодяй! Отъявленный негодяй! - завопил мистер Глэдмен, резко меняя тон. - Ты думаешь, закон позволит тебе облапошивать честных людей? Думаешь, мы тут будем сидеть сложа руки, а ты нас будешь

обкрадывать? Не выйдет!.. Это твое завещание… - мистер Глэдмен драматическим жестом указал костлявым перстом на стол.

- Желаете опротестовать? - поинтересовался мистер Клодд.

На мгновение мистер Глэдмен застыл, открыв рот от изумления перед хладнокровием Клодда, затем вновь обрел голос.

- Именно опротестовать! - орал он. - Ты не сможешь опровергнуть, что влиял на него, что продиктовал ему это завещание слово в слово, принудил несчастного, старого и беспомощного идиота поставить подпись! Он ведь даже не соображал, что…

- Ну, хватит разоряться! - оборвал его мистер Клодд. - Мне не доставляет удовольствия слушать ваш крик. Я вас спрашиваю, вы намерены опротестовать завещание?

- Если вы позволите, - вставила миссис Глэдмен с преувеличенной любезностью, обращаясь к мистеру Клодду, - то мы немедленно отбудем, чтобы успеть до конца рабочего дня застать своего адвоката!

Мистер Глэдмен подобрал из-под стула свою шляпу.

- Минуточку! - остановил их мистер Клодд. - Да, я содействовал ему в составлении этого завещания. Если оно вам не угодно, мы откажемся от него.

- Разумеется, неугодно, - буркнул мистер Глэдмен более умеренным тоном.

- Присядьте! - предложил мистер Клодд. - Рассмотрим другое. - Тут мистер Клодд повернулся к стряпчему. - Будьте добры, мистер Райт, зачтите предыдущее, датированное десятым июля.

В столь же коротком и простом документе мистеру Уильяму Клодду в благодарность за заботы завещалось триста фунтов, а остальное предназначалось Лондонскому Королевскому зоологическому обществу, так как больной всегда питал интерес и любовь к животным. Все прочие родственники были поименно исключены из завещания, поскольку, как значилось в нем, “никогда не проявляли к завещавшему ни малейшей

привязанности, не уделяли никаких забот, к тому же и так уже получили значительные суммы из годового дохода”.

- Позвольте заметить, - сказал мистер Клодд, так как более никто из присутствующих не решился нарушить воцарившееся молчание, - что, предлагая в качестве достойного объекта для облагодетельствования моему бедному старому другу Королевское зоологическое общество, я вспомнил, что подобный случай произошел лет пять тому назад. Тогда принятие подобного завещания предварительно обсуждалось, поскольку завещатель был не в своем уме. Потребовалось направить дело на рассмотрение в Палату Лордов, и только при положительном решении этого вопроса Обществу удалось получить свою долю.

- Тем не менее, - заметил мистер Глэдмен, облизывая пересохшие губы, - вы, мистер Клодд, не получите ничего, ни пенни, даже этих ваших трехсот фунтов, какого бы умника вы из себя ни корчили. Деньги моего шурина пойдут на оплату судебных издержек!

Тут поднялся мистер Пинсер и ясно и четко проговорил:

- Если в нашем семействе и есть умалишенный, хоть я и недоумеваю, откуда что берется, так это, мне кажется, вы, Натаниэл Глэдмен!

Разинув рот, мистер Глэдмен уставился на родственника. А мистер Пинсер величественно продолжал:

- Что касается моего бедного старого кузена Джо, я согласен, у него были причуды. Но и только. От себя лично я готов поклясться, что в августе прошлого года он находился во вполне здравом рассудке и был вполне способен составить завещание самостоятельно. Что же касается другого, датированного июлем, то, мне кажется, этим завещанием можно пренебречь.

Выразившись таким образом, мистер Пинсер снова сел. Спустя некоторое время у мистера Глэдмена начали появляться, признаки речи.

- Не будем ссориться! - прощебетала веселым тоном миссис Глэдмен. - Какая неожиданность, пятьсот фунтов! Живи сам и дай жить другим, вот мой девиз!

- Черт побери, ну и мудреное дело! - пробормотал мистер Глэдмен, все еще бледный с лица.

- Ах, выпей чего-нибудь, расслабься! - посоветовала его супруга.

Подкрепленные мощью суммы в пятьсот фунтов, мистер и миссис Глэдмен отправились домой в кебе. Мистер Пинсер остался и прокутил всю ночь в обществе стряпчего и мистера Клодда за счет последнего.

Завещанный остаток составил тысячу двести шестьдесят девять фунтов и несколько шиллингов. Капитал новой компании, “учрежденной с целью осуществления издательской, распространительской, печатной и рекламной деятельности, а также иных смежных с этой областью занятий и служб” был объявлен в тысячу фунтов в фунтовых акциях и выплачен полностью. Уильям Клодд, эсквайр, имел долю, согласно договору, четыреста шестьдесят три фунта; Питер Хоуп, магистр гуманитарных наук, проживающий по Гоф-стрит, 16, также четыреста шестьдесят три; мисс Джейн Хоуп, приемная дочь вышеозначенного Питера Хоупа (истинное имя которой никому, в том числе и ей самой, известно не было), обычно называемая Томми, - три фунта, выплаченных ею лично после отчаянного сражения с Уильямом Клоддом; миссис Поустуисл, проживающая в Роллс-Корт, - десять фунтов, выплаченных за нее самим учредителем; мистер Пинсер, Палата Общин, также десять (по сей день не выплачено); доктор Смит (урожденный Шмидт) - пятнадцать фунтов; Джеймс Дуглас Александер Кэлдер Мактир (в обиходе “Малыш”), проживавший в ту пору в передней комнате первого этажа у миссис Поустуисл, - один фунт, оплаченный гонораром за его стихотворение “Песнь моего пера”, опубликованное в первом же номере журнала.

Выбор названия для журнала вызвал долгие размышления. Отчаявшись, учредители назвали свой журнал “Хорошее настроение”.

История третья

КАК ГРИНДЛИ-МЛАДШИЙ ПРИОБЩИЛСЯ К ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДЕЛУ

Нет в Уэст-Сентрал квартала, который за последние пятьдесят лет изменился бы менее, чем Невиллс-Корт, который начинается от Грейт-Нью-стрит и простирается до Феттер-Лейн. Вдоль северной его оконечности по-прежнему тянется причудливый ряд маленьких, низеньких лавочек, существовавших еще и во время правления короля Георга Четвертого (и наверняка торговавших тогда несколько побойчее). В южной части - все те же три солидных на вид дома, при каждом небольшой садик, приятно контрастирующие на фоне мрачных построек давних времен, возведенных, как утверждают, еще при жизни королевы Анны.

В одно солнечное летнее утро, лет пятнадцать назад от момента фактического начала нашей истории, из самого большого из этих домов вышел и направился через садик, в ту пору аккуратно ухоженный, некий Соломон Эпплярд, толкая перед собой детскую коляску. У кирпичной с деревянным верхом изгороди, отделявшей сад от улицы, Соломон остановился, заслышав за спиной голос миссис Эпплярд, вещавшей со стороны крыльца:

- Учти, если снова опоздаешь к обеду, можешь на глаза мне не показываться. Нечего все время трубку курить, думай о ребенке! И осторожней, когда переходишь улицу!

И миссис Эпплярд исчезла во мраке прихожей.

С осторожностью катя колясочку, Соломон вышел за пределы Невиллс-Корт без особых происшествий. Тихие улочки влекли Соломона в западном направлении. Свободная скамейка в тени парка Кенсингтон-Гарденс с видом на Лонг-Уотер манила присесть и отдохнуть.

- Последние новости! - взмахнул газетой мальчишка перед Соломоном. - “Санди Таймс”? “Обсервер”?

- Послушай, мальчик! - медленно выговаривая слова, начал мистер Эпплярд. - Можно хотя бы утром отдохнуть от газет человеку, который шесть дней в неделю и по восемнадцать часов в сутки только их и видит? Убери прочь! Даже запаха их не выношу!

Убедившись, что особа в коляске продолжает спокойно посапывать, Соломон вытянул ноги и закурил трубочку.

- Езекия!

Это восклицание сорвалось с губ Соломона Эпплярда при виде приближающегося невысокого плотного мужчины в удивительно неуклюже сидящем на нем костюме из тонкого сукна.

- А, Сол, старина!

- Смотрю, вроде ты, - сказал Соломон, - а потом думаю: нет, невозможно, чтоб это был Езекия; он, верно, в церкви.

- Побегай себе! - сказал Езекия, обращаясь к мальчугану лет четырех, которого вел за руку. - Но чтоб я тебя все время видел. Играй как хочешь, только не смей пачкать свой новый костюмчик, иначе больше никогда его не наденешь! Сказать по правде, - продолжал Езекия, адресуясь к приятелю, как только его единственный сын и наследник удалился на почтительное расстояние, - утро уж больно соблазнительное. Не так-то уж часто удается подышать свежим воздухом.

- Как успехи?

- Дела продвигаются прямо-таки семимильными шагами, - отвечал Езекия, - семимильными шагами! Но, конечно, и работать приходится все больше и больше. С шести утра и до поздней ночи.

- Да, на мой взгляд, - ответил Соломон, который был по природе слегка пессимистом, - ничего в жизни бесплатно не дается, кроме несчастий.

- Нелегко поддерживать себя на уровне, - продолжал Езекия. - А вокруг посмотришь - у людей на уме только одни забавы. Обратишься к ним по-христиански, они и слушать тебя не захотят! И куда только мир катится, прямо не знаю! Ну, а печатное дело как продвигается?

- Печатное дело, - ответил его собеседник, вынимая трубку изо рта и принимая вид несколько озабоченный, - печатное дело, судя по всему, вещь тяжелая. Средства - вот что заботит меня… вернее, отсутствие их. Джанет, конечно, у меня бережливая. Нет, Джанет у меня много не тратит.

- А у меня с моей Энни, - вставил Езекия, - все наоборот. Только бы ей удовольствия, веселья, сегодня в Рошервиль, завтра в Хрустальный

дворец… Все лишь бы деньги тратить.

- Да, она всегда была любительница развлечений, - вспомнил Соломон.

- Развлечений! - воскликнул Езекия. - Поразвлекаться немного я и сам не прочь. Но ведь за ее развлечения надо платить! Какое же это развлечение!

- Иногда я спрашиваю себя, - произнес Соломон, глядя прямо перед собой, - зачем мы все это затеяли?

- Зачем затеяли что?

- Работаем как проклятые, лишаем себя всякого удовольствия. К чему все это? К чему…

Звуки, раздавшиеся из коляски, прервали нить размышлений Соломона Эпплярда. Единственный выживший сынок Езекии Гриндли, чьи поиски развлечений не увенчались успехом, незаметно подкрался к скамейке. Коляска! Опыт подсказывал ему, что именно этот предмет может явиться источником забав. Потревожить ее содержимое было сопряжено с риском. Либо оно захнычет, и тогда придется бежать со всех ног, спасаясь - и, к сожалению, в девяти случаях из десяти, безуспешно - от бури справедливого возмездия. Либо оно загукает, и тогда небеса смилостивятся и благодать воссияет над твоей головой. И в том, и в другом случае удалось бы избежать той смертельной скуки, каковая является результатом бесконечной добродетели. Мастер Гриндли, кому судьба указала на валявшееся на земле павлинье перо, поглядывая одним глазом на увлеченного беседой папашу, развернул множество покровов, заслонявших мисс Гельвецию Эпплярд от окружающего мира, и, предвосхищая на четверть века самое любимое занятие всякого юного британца, принялся щекотать пером носик леди, лежавшей в коляске. Мисс Гельвеция Эпплярд, пробудившись, сделала точь-в-точь то, что всякая нынешняя британская девица предприняла бы в аналогичных обстоятельствах: прежде всего она окинула быстрым оценивающим взглядом объект мужского пола, поглощенный этим занятием. Окажись он ей не по нраву, она, тут уж можно не сомневаться, отвергла бы его заигрывания, как и всякая ее последовательница в наши дни в подобных же условиях, а именно: выразила бы недвусмысленный протест. Однако мастер Натаниэл Гриндли даме приглянулся, и потому то, что иная бы сочла наглостью,

было воспринято как надлежащий способ завязать знакомство. Мисс Эпплярд мило улыбнулась - более того, выказала явное поощрение действиям мастера Гриндли.

- Единственная? - спросил с видом многоопытного отца Гриндли.

- Да, она у меня единственная, - ответил Соломон уже менее пессимистически.

С помощью младшего Гриндли мисс Эпплярд переместилась в сидячее положение. Гриндли-младший продолжал оказывать ей знаки внимания, особо приятные из которых были встречены явным удовольствием со стороны леди.

- Как славно они вдвоем смотрятся, а? - шепнул Езекия своему приятелю.

- Никогда не видал, чтоб она с кем-то еще так играла, - заметил Соломон также шепотом.

Неподалеку часы на церковной башне пробили двенадцать. Соломон Эпплярд поднялся, вытряхивая пепел из трубки.

- А почему бы нам как-нибудь не пообщаться подольше? - вопросительно сказал Гриндли, пожимая приятелю руку.

- Загляни к нам как-нибудь в воскресенье, - предложил Соломон. - И наследника с собой прихвати.

Соломон Эпплярд и Езекия Гриндли пришли в этот мир почти одновременно, с разрывом в пару месяцев, лет тридцать пять тому назад. И жили в паре сотен ярдов друг от друга: Соломон - в доме издателя и книготорговца на восточной стороне Хай-стрит небольшого городка Йоркшир; Езекия - в доме бакалейщика напротив, по западной стороне той же улицы. Оба женились на фермерских дочках. Природная склонность Соломона к веселью была подправлена судьбой путем соединения его с избранницей, наделенной йоркширским практицизмом; и именно этот практицизм влечет за собой все остальное, что ведет скорее к успеху в делах, чем к счастью в личной жизни. При прочих равных Езекия мог бы сделаться соперником Соломона в претензиях на надежную и

спасительную руку Джанет, если бы добродушная хохотушка Энни Глоссоп - надо полагать, подталкиваемая Судьбой к моральному благоденствию, - не влюбилась вдруг в него. Езекия ни минуты не колебался, выбирая между достоинствами Джанет и тремя сотнями золотых соверенов приданого Энни. Золотые монеты являлись фактом значительным; что же до ценных качеств супруги, то всякий серьезный и волевой муж способен их развить, во всяком случае, сумеет покончить с женским легкомыслием. Оба они, Езекия, влекомый своим тщеславием, Соломон - тщеславием своей жены, с разницей в один год перебрались в Лондон. Езекия открыл бакалейную лавку в Кенсингтоне, районе, от которого многие знающие его люди отговаривали как от места безнадежного. Однако Езекия обладал инстинктом человека, умеющего делать деньги. Соломон, оглядевшись немного, присмотрел себе просторный и солидный дом в Невиллс-Корт в качестве многообещающей основы для издательского дела.

Это было десять лет тому назад. Оба приятеля, отказывая себе в удовольствиях, поглощенные своими трудами, редко виделись друг с другом. Беспечная Энни родила своему суровому супругу двух деток, которые не задержались на этом свете. Натаниэл Джордж, которому повезло дождаться своей очереди и появиться на свет номером третьим, выжил и, счастливым образом унаследовав характер матери, как солнечный лучик, озарил верхние комнаты над лавкой на Хай-стрит в Кенсингтоне. Сделавшаяся болезненной и раздражительной, миссис Гриндли обрела покой после своих трудов.

Ангел-хранитель миссис Эпплярд, столь же расчетливый, сколь и его протеже, выжидал, и только когда Соломон достаточно развернулся со своими делами, направил к ним в дом аиста с малюткой-дочкой. Позднее он послал им мальчика, но замкнутая жизнь Сент-Данстана не пришлась тому по вкусу, и он вернулся обратно, выбыв таким образом из нашей, как и из всех прочих историй. И осталось теперь продолжать род Гриндли и род Эпплярдов лишь Натаниэлу Джорджу, в ту пору имевшему пять лет от роду, и Джанет Гельвеции, едва начавшей жить, но воспринимающей жизнь со всей серьезностью.

Голых фактов на свете не существует. Лишь люди ограниченные, такие, как топографы, аукционисты и прочая подобная публика, могут утверждать, что сад, отделявший старый дом в георгианском стиле от

Невиллс-Корт, представляет собой только полоску земли в сто восемнадцать на девяносто два фута, где произрастает ракитник - золотой дождь, шесть лавровых кустов и карликовая деодора. Для Натаниэла Джорджа и Джанет Гельвеции то была легендарная земля Туле, “пределы которой невозможно обойти человеку”. По воскресеньям, если шел дождь, они играли в огромном и мрачном печатном цехе, где недвижно стояли огромные молчаливые великаны, железными своими руками готовые в любой момент схватить шалунишку. Но когда Натаниэлу Джорджу исполнилось восемь, а Джанет Гельвеции четыре с половиной, Езекия запустил в оборот знаменитый “Соус Гриндли”, каковой придавал пикантность шницелям и бифштексам, превращал в истинное чудо холодную баранину и вскружил Езекии голову - а она по причине большого ума была отнюдь не маленькая, - отчего усохло его черствое сердце. Гриндли и Эпплярды перестали ходить друг к другу. Если у человека есть мозги, полагал Езекия, сам должен понимать, что появление Соуса изменило положение вещей. Если бы все оставалось по-прежнему, возможность поженить детей представлялась бы весьма заманчивой; однако теперь сын великого Гриндли, чье имя, написанное огромными буквами, глядело со всех вывесок, имел возможность рассчитывать на более достойную партию, нежели дочь печатника. Соломон, внезапно сделавшись ярым сторонником принципов средневекового феодализма, провозгласил, что уж лучше его единственное дитя, чей дед был автором “Истории Кеттлуэлла” и еще кое-каких трудов, умрет и будет похоронено в земле сырой, чем станет женой сына бакалейщика, даже если тот унаследует некое состояние, нажитое на отравлении почтенной публики смесью горчицы и кислого пива. Это случилось за много лет до того, как Натаниэл Джордж и Джанет Гельвеция встретились вновь, а к тому времени, когда это случилось, они уже успели позабыть друг о друге.

Езекия С. Гриндли, невысокий, плотный, важного вида джентльмен, восседал под пальмой в роскошно обставленной гостиной своего огромного дома в Ноттинг-Хилл. Миссис Гриндли, тощая, бесцветная женщина, приводившая своим видом в отчаяние собственную портниху, сидела в кресле, подставленном как можно ближе, насколько позволяла массивная и величественная накладная медь, к камину, и дрожала. Гриндли-младший, молодой статный блондин, с глазами, которые представительницы противоположного пола находили привлекательными,

стоял, засунув руки в карманы, прислонясь к статуе Дианы, которую кто-то основательно лишил одежды, и чувствовал себя явно не в своей тарелке.

- Я зарабатываю деньги, и делаю это быстро. Тебе только остается их тратить, - говорил Гриндли-старший своему сыну и наследнику.

- Я и стараюсь, отец.

- В этом я не слишком уверен, - возразил Гриндли-старший. - Тебе следует доказать, что ты достоин их тратить. Не думаешь ли ты, что я надрываюсь все эти годы только для того, чтобы потворствовать прихотям молодого безмозглого кретина? Я завещаю свои деньги только тому, кто достоин меня. Вам ясно, сэр? Человеку, достойному меня самого!

Миссис Гриндли открыла было рот. Мистер Гриндли сверкнул на нее своими маленькими глазками. Фраза застряла у нее в горле.

- Ты что-то хотела сказать? - напомнил ей супруг.

Миссис Гриндли пролепетала что-то невразумительное.

- Если это достойно быть услышанным, если это соответствует направлению дискуссии, тогда прошу! - Мистер Гриндли подождал немного. - Если же нет, если вы сами считаете свою мысль недостойной продолжения, зачем тогда рот раскрывать?

Тут мистер Гриндли снова обратился к своему сыну и наследнику:

- Успехи твои в школе не слишком велики. В сущности, я разочарован твоей успеваемостью.

- Я думаю, мне не хватает сообразительности, - заметил младший Гриндли в свое оправдание.

- Но почему? Почему тебе ее не хватает?

Этого его сын и наследник не мог объяснить.

- Ты же мой сын, как можешь ты не быть сообразительным! Все это леность, сэр! Леность, и больше ничего!

- Я постараюсь преуспеть в Оксфорде, сэр! Честное благородное слово!

- Да уж постарайся, - настоятельно произнес его отец. - Ибо, предупреждаю, от этого зависит твое будущее. Ты меня знаешь. Я хочу гордиться тобой, хочу, чтобы ты стал достоин имени Гриндли. В противном случае, мой мальчик, ничего, кроме имени, тебе не останется.

Старый Гриндли слов на ветер не бросал, и сын его знал об этом. Инстинкт и принципы старого пуританства были сильны у старика, составляя, возможно, основу его характера. Праздность вызывала у него презрение; любовь к удовольствиям иным, нежели удовольствие делать деньги, была в его глазах равносильна тяжкому греху. Гриндли-младший искренне вознамерился преуспеть студентом Оксфорда и имел на то основания. Обвинив себя в недостатке сообразительности, он был к себе несправедлив. Юноша обладал и умом, и энергией, и характером. Но наши достоинства так же, как и наши недостатки, могут явиться изрядной помехой. Юный Гриндли обладал одним из тех восхитительных достоинств, которое в высшей степени требует постоянного контроля: он был компанейский парень. Перед обворожительным обаянием его дружелюбия пал даже оксфордский снобизм. Соус и его достойная уважения реклама были позабыты, маринады не шли в расчет. Избежать такого естественного результата личной популярности потребовало бы гораздо большей воли, чем та, которой обладал юный Гриндли. Какое-то время истинное положение дел оказывалось вне внимания Гриндли-старшего. Казалось, чего проще, “расслабившись” в этом семестре, сказать себе, что надо “поднажать” в следующем; трудности возникали лишь с началом очередного семестра. Возможно, и удалось бы юному Гриндли утаить правду о своем поведении, скрывая от глаз отца следы своих преступлений, если бы не одна печальная оказия. Возвращаясь как-то в колледж с другими подобными умниками часа в два ночи, юный Гриндли, дабы избежать лишнего шума, вздумал вырезать алмазом перстня стекло и таким образом проникнуть через окно к себе в комнаты, располагавшиеся на первом этаже. Но по ошибке он вломился в спальню ректора колледжа, - подобное несчастье, впрочем, может приключиться с каждым, кто, с вечера принявшись пить шампанское, к утру перешел на виски. Юный Гриндли, уже получивший до того два предупреждения, на сей раз был выдворен из Оксфорда. Тут-то, разумеется, и выплыли на свет все три беспечных года его учебы. Старый Гриндли, который, сидя в своем рабочем кресле, полчаса проговорил на повышенных тонах со своим сыном, в конце

концов, то ли по причине физической усталости, то ли для достижения особого драматического эффекта, решил говорить медленней и сдержанней:

- Я предоставлю тебе, мой мальчик, последний шанс, всего один шанс. Я хотел сделать из тебя джентльмена… возможно, то была моя ошибка. Теперь я попытаюсь сделать из тебя бакалейщика.

- Кого?

- Бакалейщика, сэр… ба-ка-лей-щи-ка, бакалейщика, человека, который стоит за прилавком в белом переднике и без всякого пиджака. Того, кто продает покупателям - пожилым леди, юным девицам - чай, сахар, цукаты и все такое прочее. Того, кто встает в шесть утра, открывает ставни, выметает свою лавку, моет окна и витрины; того, кто имеет всего лишь полчаса на обед, едва успевая проглотить свою солонину с хлебом. Того, кто в десять вечера прикрывает ставни, прибирает в лавке, ужинает и ложится спать с мыслью, что день не прошел зря. Я хотел поберечь тебя. Я был не прав. Ты пройдешь через все ступени этого ремесла, как некогда прошел и я. Если по завершении двух лет ты научишься верно распоряжаться своим временем, кое-что уразумеешь, во всяком случае, сделаешься человеком, тогда ты сам придешь и скажешь мне спасибо.

- Боюсь, сэр, - проговорил Гриндли-младший, чья симпатичная физиономия стала к концу разговора бледной как мел, - что из меня выйдет не слишком ловкий бакалейщик. У меня, сэр, видите ли, нет никакого опыта в этом деле…

- Слава Богу, хоть это ты соображаешь, - сухо оборвал его отец. - Да, ты прав. Даже бакалейное дело требует выучки. Мне это обойдется в кое-какие деньги, но это будут последние средства, которые я на тебя потрачу. В первый год тебе надо подучиться, поэтому я подкину тебе кое-что на жизнь. Побольше, чем я имел в твои годы, - ну, скажем, фунт в неделю. Но потом содержать себя будешь сам.

Гриндли-старший поднялся.

- Даю тебе сроку до вечера. Ты уже не мальчик. Не примешь мое предложение - живи своим умом. Словом, либо делай, как я сказал, либо поступай как знаешь.

Юный Гриндли, твердостью характера во многом пошедший в отца, испытывал сильное искушение поступить по-своему. Но, удерживаемый, с другой стороны, природной мягкостью, унаследованной от матери, не мог противостоять ее слезам и потому принял в тот вечер условия, предложенные Гриндли - старшим, испросив единственное: чтоб отец оказал ему милость и избрал для его обучения бакалейному делу какой-либо отдаленный район, где юный Гриндли был бы лишен возможности повстречать старых приятелей.

- Я уже позаботился об этом, - ответил его отец. - Мне не хотелось бы унижать тебя больше, чем нужно для твоего же блага. Лавка, которую я для тебя присмотрел с учетом принимаемых тобой условий, как раз находится в отдаленном квартале, о чем ты и просишь. Пройдешь Феттер-Лейн и свернешь за угол, в переулок. Там мало кого встретишь, только печатники да сторожа. Поселишься в доме некой миссис Поустуисл, она, по-моему, женщина вполне здравомыслящая. Будешь жить и столоваться там, а по субботам тебе надлежит получать почтовый перевод на шесть шиллингов, из которых останутся средства и на одежду. С собой можешь взять столько одежды, сколько потребуется на первые полгода, но не больше. К концу года, если угодно, можешь перейти в другую лавку, и с миссис Поустуисл тогда договаривайся сам. Если угодно, можешь отправляться туда завтра. В любом случае с завтрашнего утра дома ты не живешь.

Миссис Поустуисл была дородная, спокойная дама с философским складом ума. Одна, без всякой посторонней помощи, она вела торговлю в своей маленькой бакалейной лавке в Роллс-Корте на Феттер-Лейн. Но все вокруг быстро менялось. Мелкие бакалейные лавочки исчезали одна за другой, а на их месте вырастали громадные здания, где сотни железных прессов, не умолкая ни днем, ни ночью, печатали и печатали, распространяя по свету песнь Всемогущего Пера. Временами крохотная лавочка не могла вместить обилие покупателей. Миссис Поустуисл, будучи по натуре не слишком поворотливой, в конце концов по здравом размышлении, преодолев в себе природную нелюбовь к переменам, решила взять себе кого-нибудь в помощники.

Юный Гриндли, спрыгнув с подножки четырехколесного кеба на Феттер-Лейн, пересек площадь, сопровождаемый плюгавеньким уличным мальчонкой, с трудом тянущим небольшой сундучок. Юный Гриндли остановился на пороге маленькой лавочки и приподнял шляпу

- Миссис Поустуисл?

Дама медленно приподнялась со стула за прилавком

- Я мистер Натаниэл Гриндли, ваш новый помощник!

Плюгавый уличный мальчонка с грохотом кинул сундучок на пол. Миссис Поустуисл с ног до головы оглядела своего нового помощника.

- Неужели? - удивилась миссис Поустуисл. - Вот уж никогда бы не подумала, если бы встретила вас просто так на улице. Но раз вы сами утверждаете, что вы помощник, так тому, значит, и быть. Входите!

Плюгавый уличный мальчишка, получив, к своему изумлению, шиллинг, удалился.

Выбор Гриндли-старшего оказался точен. Миссис Поустуисл жила по принципу, что, хотя в нашем мире мало кто умеет разбираться в собственных делах, все же в своих каждый разбирается лучше, чем в чужих. Если импозантные, образованные молодые люди, раздающие шиллинги плюгавым уличным мальчишкам, считают, что им надо сделаться умелыми и способными помощниками бакалейщицы, это их личное дело. А дело миссис Поустуисл - обучить их этому ремеслу и, ради ее же собственного блага, проследить, чтоб они выполняли все как надо. Так пролетел месяц. Миссис Поустуисл отметила, что ее новый помощник старателен, усерден, несколько неуклюж, зато улыбчив и смешлив, и все его оплошности, за которые иной бы получил строгое взыскание, лишь вносят милое разнообразие в скуку повседневности.

- Были бы вы из тех женщин, кто стремится нажить состояние, - сказал некий Уильям Клодд, старый друг миссис Поустуисл, когда Гриндли-младший спустился в погреб смолоть кофе, - я бы научил вас, что сделать. Откройте кондитерскую по соседству со школой для девиц и выставьте в витрине вашего помощника. От покупательниц отбоя не будет

- Есть тут какая-то тайна, - сказала миссис Поустуисл.

- Какая тайна?

- Если бы я знала какая, я бы не называла это тайной, - ответила миссис

Поустуисл, которая в некотором роде имела вкус к слову.

- Где вы его раздобыли? В лотерею, что ли, выиграли?

- Джонс, торговый агент, направил его ко мне, я и опомниться не успела. Хоть я хотела помощника, а вовсе не ученика, однако плата за обучение приличная, да и рекомендации как нельзя лучше.

- Гриндли, Гриндли, - пробормотал Клодд. - Интересно, не сродни ли он тому, который приготовил новый Соус?

- С виду, на мой взгляд, этот поприличней, - в раздумье произнесла миссис Поустуисл.

Уже давно обсуждался между соседями вопрос о создании нового почтового отделения в округе. С этим вопросом обратились за помощью к миссис Поустуисл. Гриндли-младший, желая хоть чем-нибудь разнообразить свое новое, замкнутое существование, решил попробовать себя на новом поприще.

Два месяца ушло на подготовку. Юный Гриндли разрывался между продажей бакалейных товаров и выдачей писем и телеграмм, он был в восторге от этих перемен.

Внимание Гриндли-младшего было сосредоточено на сворачивании кулечка, чтобы отпустить четверть фунта мармелада. Покупательница, чрезвычайно юная леди, стремилась ускорить его действия, нервно постукивая монеткой по прилавку. Это мало помогало, а скорее мешало. Гриндли-младший не достиг мастерства в заворачивании кулечков - кончик в самый последний момент непременно разворачивался, и содержимое высыпалось на пол или на прилавок. Обычно добродушный Гриндли-младший при свертывании кулечков становился раздражительным.

- Побыстрее, молодой человек! - торопила чрезвычайно юная леди. - Меньше чем через полчаса у меня встреча.

- Ах ты, черт! - проговорил Гриндли-младший, когда бумага в четвертый раз приняла свою изначальную форму.

Следом за чрезвычайно юной леди стояла другая, постарше, с возмущенным видом сжимая в руке телеграммный бланк.

- Ну же, ну! - укоризненно повторяла чрезвычайно юная леди.

Пятая попытка оказалась наиболее удачной. Чрезвычайно юная леди удалилась, заметив, что нельзя мальчишкам доверять взрослую работу, так как они копаются целую вечность. Леди постарше, высокомерная особа, вручила Гриндли-младшему телеграмму с просьбой отослать немедленно.

Юный Гриндли вынул из кармана карандаш и принялся считать слова.

- “Digniori”, а не “digniorus”, - заметил он, исправляя ошибку, - “datur digniori”, {Дается более достойному (лат.)} дательный падеж, единственное число.

Гриндли-младший произнес это резко, все еще не избавившись от раздражения, которое вызвала у него борьба со свертыванием кулечка.

Высокомерная леди впервые перевела свой взгляд, устремленный до этого куда-то далеко за пределы бакалейной лавочки, непосредственно на юного Гриндли.

- Благодарю вас! - сказала высокомерная леди.

Гриндли-младший вскинул глаза и немедленно, к собственной досаде, ощутил, что краснеет. Он легко заливался краской, что ему немало досаждало.

Высокомерная леди тоже залилась краской. Она краснела редко, но если краснела, то ненавидела себя в эти минуты.

- Один шиллинг и пенни, - сказал Гриндли-младший.

Отсчитав деньги, высокомерная леди удалилась. Украдкой выглядывая из-за жестянки сухого печенья с тмином, Гриндли-младший отметил, как, проходя мимо витрины, леди обернулась и посмотрела назад. Она была очень хорошенькая, эта надменная леди. Гриндли-младшему пожалуй что, приглянулись ее черные ровные бровки, красивой формы трепетные губы, не говоря уже о пышных и мягких каштановых волосах и чудных смуглых

щечках, которые то вспыхивали, то бледнели под взглядом мужчины.

- Если у вас нет других дел и если нет оснований так долго держать ее в руках, можете отправить телеграмму! - заметила миссис Поустуисл.

- Ее только что принесли! - пояснил Гриндли-младший, несколько уязвленный.

- Я заметила по часам, вы пялитесь на нее уже целых пять минут! - парировала миссис Поустуисл.

Гриндли-младший сел за телеграфный аппарат. Имя отправительницы было Гельвеция Эпплярд, Невиллс-Корт.

Прошло три дня, исключительно бесцветных дня для Гриндли-младшего. На четвертый у Гельвеции Эпплярд возник случай отправить очередную телеграмму - на сей раз на родном языке.

- Шиллинг четыре пенса, - со вздохом сказал Гриндли-младший.

Мисс Эпплярд вынула сумочку. Других посетителей в лавке не было.

- Откуда вы знаете латынь?- поинтересовалась мисс Эпплярд небрежным тоном.

- Немного учил в школе. Случилось, что как раз эту фразу запомнил, - признался Гриндли-младший, недоумевая, почему ему вдруг сделалось стыдно за самого себя.

- Мне всегда бывает жаль, - заметила мисс Эпплярд, - если я сталкиваюсь с человеком, довольствующимся жизнью худшей, чем та, на которую он мог рассчитывать благодаря своим способностям.

Что-то в тоне и манерах мисс Эпплярд напомнило Гриндли-младшему его бывшего ректора. Казалось, каждый из них своим путем пришел к общему философскому неприятию внешнего мира, смягченному сдержанным интересом к отдельной человеческой личности.

- Не хотите ли попытаться подняться… совершенствоваться… стать образованней?

Маленький, невидимый чертенок, сидящий внутри Гриндли-младшего и безмерно забавляющийся происходящим, шептал ему, что ответить должно только утвердительно, что и произошло.

- Вы позволите мне помочь вам?- осведомилась мисс Эпплярд.

Та простая и сердечная благодарность, с которой Гриндли-младший принял ее предложение, доказывала мисс Эпплярд истинность утверждения, что делать добро другим доставляет высочайшее наслаждение.

Мисс Эпплярд явилась подготовленной к возможному согласию.

- Советую начать с этого, - предложила она. - Я здесь отметила места, которые вам следует заучить наизусть. Помечайте все, что вам непонятно, и я объясню вам, когда… когда мне случится проходить мимо.

Гриндли-младший взял у нее из рук книгу - “Вводный курс Белла изучения классического наследия для начинающих” - и сжал ее в своих руках. Цена ей была девять пенсов, но для Гриндли-младшего эта книга, казалось, представляла необыкновенную ценность.

- Сначала вам придется нелегко, - предупредила его мисс Эпплярд, - но старайтесь! Вы заинтересовали меня, попытайтесь меня не разочаровать!

И мисс Эпплярд, преисполненная чувствами Гипатии,

[Гипатия (Ипатия из Александрии, 330 - 413) - женщина-ученый, математик, астроном и философ-неоплатоник.]

удалилась, унося с собою свет и забыв оплатить телеграмму. Мисс Эпплярд относилась к тому классу девиц, которых юные леди, кичащиеся своей глупостью и необразованностью, презрительно называют “синий чулок”. Иными словами, обладая умом, мисс Эпплярд ощущала необходимость им пользоваться. Соломон Эпплярд, вдовец и рассудительный пожилой джентльмен, чье издательское дело процветало,

от всего сердца поощрял свою дочь к этому, не видя пользы в женщине, остающейся не более чем куклой, а по мере привыкания к ней - и вовсе пустой игрушкой. Вернувшись из Гиртон-колледжа, мисс Эпплярд могла похвалиться знаниями в разных науках, но только не в житейских, каковые, приобретенные слишком рано, не всегда приносят пользу молодым людям или девицам. Серьезная, неиспорченная девушка, мисс Эпплярд задалась целью помочь человечеству. Что может быть полезней, чем помочь этому бедному, но смышленому молодому помощнику бакалейщицы воспарить к знаниям, ощутить любовь к возвышенному! То, что Гриндли-младший оказался при этом весьма благообразным и обаятельным юным помощником бакалейщицы, к делу не имело никакого отношения - так сказала бы вам сама мисс Эпплярд. Себя она убеждала в том, что, будь юноша и менее привлекателен на вид, это ничего бы в ее отношении к нему не изменило Ей и в голову не приходило, что подобные отношения могут таить в себе опасность.

Будучи убежденной последовательницей радикальных взглядов, мисс Эпплярд иной возможности для помощника бакалейщицы, кроме как видеть в дочери состоятельного издателя лишь милостивую снисходительную патронессу, себе и не представляла. Но чтобы узреть в этом для себя опасность! Как вы можете такое подумать! Она взглянула бы на вас с таким высочайшим презрением, что вы устыдились бы собственных подозрений.

Не зря мисс Эпплярд верила в человечество: ей достался в высшей степени многообещающий ученик. Гриндли-младший под руководством Гельвеции Эпплярд достиг поистине выдающихся успехов. Его рьяность и энтузиазм прямо-таки тронули душу Гельвеции Эпплярд. Надо отметить, что в процессе учебы у Гриндли-младшего возникало немало вопросов. С течением времени их становилось все больше. Но стоило Гельвеции Эпплярд дать объяснение, как все становилось понятным. Она сама дивилась собственной мудрости, тому, что в такой короткий срок сумела вывести этого молодого юношу из тьмы к свету. Особо вдохновляло ее то благоговейное внимание, с каким он слушал ее. Вне всякого сомнения, юноша талантлив. Подумать только, ведь если б не ее интуиция, он остался бы навсегда прозябать в этой бакалейной лавке! Спасти этот самородок от забвения, отшлифовать его - такова была задача нашей умненькой Гипатии. Двух-трех визитов в неделю в лавку бакалейщицы с Роллс-Корт было явно недостаточно, просвещение требовало большего. Классной

комнатой для них явился Лондон в утренние часы: его большие, широкие, тихие и пустые улицы, подернутые утренним туманом парки, где тишину нарушал лишь любовный щебет черных дроздов, их радостные переклички; старые садики, теряющиеся в узких проулках. Натаниэл Джордж с Гельвецией Эпплярд присаживались на скамейку в час, когда вокруг не возникало ни души, лишь изредка, быть может, прошагает полицейский или мелькнет гуляка-кот. Джанет Гельвеция объясняла Натаниэл Джордж, не сводя с нее своих лучистых глаз, казалось, не уставал упиваться ее мудростью

Временами, усомнившись в правильности своего поведения, Джанет Гельвеция с усилием заставляла себя вспомнить, что она - дочь Соломона Эпплярда, владельца крупного издательского предприятия, а юноша - простой бакалейщик. Когда-нибудь, слегка поднявшись, благодаря ей, по социальной лестнице, Натаниэл Джордж женится на девушке своего круга. Раздумывая о подобной перспективе для Натаниэла Джорджа, Джанет Гельвеция невольно испытывала некоторую горечь. Она с трудом могла себе представить ту, которая станет невестой Натаниэла Джорджа. Она надеялась, что он не сделает ложного выбора. Подающие надежды молодые люди часто выбирают себе таких жен, которые скорее становятся обузой, чем подругой жизни.

Как-то в конце осени они прогуливались воскресным утром и беседовали в тенистом парке у Линкольнс-Инн. Имелось в виду, что они беседуют по-гречески. На самом же деле беседа проистекала совсем на ином языке. Молодой садовник, поливавший цветы, ухмыльнулся, когда они проходили мимо. Усмешка не была оскорбительной, скорее дружелюбной. Но мисс Эпплярд не понравилось, что, глядя на нее, кто-то усмехается. Что в ней такого смешного? Может, внешний вид не в порядке? Может, с одеждой что-то не так? Нет, невозможно! Никто из дам Сент-Данстана не был более взыскателен к себе, выходя из дома. Мисс Эпплярд бросила взгляд на своего спутника: аккуратный, тщательно причесанный, хорошо одетый молодой человек. И тут внезапно мисс Эпплярд осознала, что они с Гриндли-младшим держатся за руки. Это прямо-таки возмутило мисс Эпплярд.

- Как вы посмели! - воскликнула мисс Эпплярд. - Вы меня ужасно рассердили. Как вы посмели!

Смуглые щеки запылали. В золотисто-карих глазах засверкали слезы.

- Оставьте меня сию же минуту! - приказала мисс Эпплярд.

Вместо этого Гриндли-младший схватил ее за обе руки.

- Я люблю вас! Я обожаю вас! Я боготворю вас! - выпалил юный Гриндли, позабыв про все, что толковала ему мисс Эпплярд насчет нелепости тавтологии.

- Вы не имеете права! - проговорила мисс Эпплярд.

- Это выше моих сил, - жалобно сказал юный Гриндли. - Но если бы только это!

Кровь отлила от лица мисс Эпплярд. Помощник бакалейщицы осмелился в нее влюбиться, при том, что она столько сил положила на его образование. Какой ужас!

- Я не бакалейщик, - продолжал юный Гриндли, глубоко осознавая всю тяжесть своего преступления. - Я хочу сказать, я не настоящий бакалейщик!

И тогда Гриндли-младший очистил свою душу, выложив всю печальную и ужасную историю бессовестного обмана, которым он, презреннейший из негодяев, каких только видывал свет, опутал достойнейшую и прекраснейшую из девушек, сумевшую превратить мрачный Лондон в волшебный и сказочный город.

Поначалу смысл произнесенного был не полностью осознан мисс Эпплярд; лишь пару часов спустя, сидя в одиночестве в своей комнате (Гриндли-младшего, к счастью для него, не было с нею рядом), смогла она постичь все значение услышанного. Комната была большая и занимала целую половину верхнего этажа просторного дома в георгианском стиле, что в Невиллс-Корт; но даже в этой комнате мисс Эпплярд стало тесно.

- Целый год… почти целый год, - говорила мисс Эпплярд, обращаясь к бюсту Уильяма Шекспира, - я надрывалась изо всех сил, обучая его основам латыни и прорабатывая с ним первые пять томов Эвклида!

Как уже отмечалось, к счастью, Гриндли-младший находился в этот момент далеко отсюда. Бюст Уильяма Шекспира с возмутительно непротивленческим видом взирал на мисс Эпплярд.

- По-моему, было бы лучше, - размышляла вслух мисс Эпплярд, - если бы он сразу все мне рассказал… так он должен был сделать… я бы, разумеется, никогда не стала иметь с ним никаких дел. По-моему, - продолжала мисс Эпплярд, - если человек влюблен, если, конечно, он действительно влюблен, он не отдает себе полностью отчета в своих поступках. По-моему, надо быть снисходительней. Но, ах!.. стоит только подумать…

И в этот момент, несомненно, в комнату проскользнул ангел-хранитель Гриндли-младшего, ибо мисс Эпплярд, крайне досадуя на философскую индифферентность бюста Уильяма Шекспира, отвернулась от него и, отворачиваясь, поймала свое отражение в зеркале. Мисс Эпплярд подошла к зеркалу поближе. Даме вечно приходится подправлять себе прическу! И вот, стоя перед зеркалом, мисс Эпплярд, сама не зная почему, принялась подыскивать аргументы, оправдывающие Гриндли-младшего. В конце концов, разве не умение прощать составляет основную прелесть в женщине? Все мы несовершенны. Ангел-хранитель Гриндли-младшего ухватился за спасительную соломинку.

В тот вечер Соломон Эпплярд восседал в своем кресле с видом обескураженным. Насколько он мог разобраться в происходящем, некий молодой человек, помощник бакалейщицы, который на самом деле не помощник бакалейщицы, - хотя, разумеется, не его в том вина, а вина его папаши, старого остолопа, - повел себя в высшей степени отвратительно. Хотя, если поразмыслить, не настолько уж недостойно он себя повел и в целом поступил даже весьма порядочно, принимая во внимание тот факт что он, собственно, ни в чем и не виноват. Разумеется, Гельвеция крайне на него рассердилась, хотя, с другой стороны, сама не знала, как ей дальше поступить, поскольку не могла определить, нравится ей молодой человек или нет. И знай она обо всем заранее, все было бы в порядке и ничего бы такого не случилось. И во всем случившемся - ее вина, хотя во многом - не только ее. Однако из них двоих виновата только она, хотя не могла же она предвидеть, как все обернется. И как он сам, Соломон Эпплярд, считает: следует ли ей рассердиться не на шутку и тогда в жизни своей ни за кого другого не выйти замуж, или же правильней будет встать выше этого и

отдать руку единственному в мире человеку, которого она способна любить?

- Вы не подумайте, батюшка, что я хотела вас обмануть. Я бы сказала вам сразу же, вы же знаете, но все случилось так внезапно…

- Постой, постой, - сказал Эпплярд, - что-то не припомню, ты имя-то его назвала мне?

- Натаниэл, - ответила мисс Эпплярд. - Разве я не сказала?

- А фамилии его, верно, ты не знаешь, да? - поинтересовался отец.

- Гриндли, - ответила мисс Эпплярд, - он сын того Гриндли, который придумал Соус.

Тут мисс Эпплярд испытала одно из крупнейших в ее жизни потрясений. До сих пор она не могла вспомнить, чтобы хоть раз отец воспрепятствовал исполнению какого-либо из ее желаний. Оставшись вдовцом вот уже двадцать лет тому назад, главное счастье для себя он видел в ублажении единственной дочери. Однако на сей раз он впервые вспылил, заявив, что никогда не допустит, чтоб его дочь вышла замуж за сына Езекии Гриндли. Также впервые в жизни мольбы и даже слезы мисс Эпплярд ни к чему не привели.

Нечего сказать, веселый оборот приняла наша история! То, что Гриндли-младший может восстать против воли собственного родителя и тем самым, возможно, лишить себя наследства, обоим молодым людям казалось не самым худшим выходом из положения. При этом Натаниэл Джордж пылко восклицал:

- Не нужны мне эти деньги, я проживу и без его помощи! Если я потеряю вас, никакие деньги в мире не возместят мне этой утраты!

Джанет Гельвеция, хотя вслух и высказывала свое неодобрение таким неподобающим отношением сына к отцу, втайне сочувствовала этому порыву. Однако сама она и помыслить не могла, чтобы ослушаться родного, любящего отца. Как же быть?

Быть может, некий Питер Хоуп, живший поблизости на Гоф-сквер,

сумел бы помочь своим мудрым советом молодым людям разрешить тяжкую для них дилемму? Питер Хоуп, редактор и совладелец журнала-еженедельника “Хорошее настроение”, стоимостью в один пенни, был весьма уважаем Соломоном Эпплярдом, издателем вышеупомянутого журнала.

- Старина Хоуп - отличный малый, - часто внушал Соломон своему управляющему. Без крайней необходимости не надо ему докучать, и все будет в лучшем виде. На него можно положиться.

Питер Хоуп сидел за своим письменным столом, напротив него устроилась мисс Эпплярд. Гриндли-младший сидел на мягкой тахте у среднего из окон. Помощник редактора “Хорошего настроения” стояла у камина, заложив руки за спину.

Случай представлялся Питеру Хоупу крайне сложным.

- Разумеется, - пояснила мисс Эпплярд, - я ни за что не выйду замуж без согласия отца!

Питер Хоуп счел подобные намерения безупречными.

- С другой стороны, - продолжала мисс Эпплярд, - ничто не заставит меня выйти замуж за того, кого я не люблю.

Мисс Эпплярд полагала, что в таких обстоятельствах ей ничего иного не остается, как заняться миссионерской деятельностью.

Опыт Питера Хоупа подсказывал ему, что порой молодые люди меняют принятые решения.

Молчание присутствующих определенно свидетельствовало о том, что в данном случае опыт Питера Хоупа оказался несостоятелен.

- Я немедленно отправлюсь к отцу, - заявил Гриндли-младший. - Я скажу ему, что не мыслю жизни без мисс Эпплярд. Я знаю, что будет… я знаю, какие намерения засели у него в голове! Он отречется от меня, и тогда я отправлюсь в Африку!

Питер Хоуп никак не мог взять в толк, как может способствовать

разрешению обсуждаемого вопроса отъезд Гриндли в дебри Африки.

Гриндли-младший полагал, что именно дебри Африки подходящее место, чтобы уйти от здешней суетной жизни.

Питер Хоуп высказал подозрение, что благоразумие, которое, по мнению Питера Хоупа, обычно служило Гриндли-младшему путеводной звездой, в данный момент изменило ему.

- Я говорю серьезно, сэр, - не унимался Гриндли-младший, - я… - Гриндли-младший хотел было сказать “достаточно образован”, однако, смекнув, что насчет образования лучше в присутствии Гельвеции Эпплярд не упоминать, проявил разум и такт, произнеся: - …не дурак какой-нибудь! Я сумею сам зарабатывать на жизнь! И я хочу уехать отсюда!

- Мне кажется… - начала помощник редактора.

- Послушай, Томми… то есть, Джейн, - остановил ее Питер Хоуп. При людях он всегда называл ее Джейн, если только не волновался. - Я знаю, что ты хочешь сказать. И слышать этого не желаю!

- Я просто хотела… - вновь начала помощник редактора, и в голосе ее послышалась явная обида.

- Я определенно знаю, что ты хочешь сказать, - вскинулся Питер. - Я это вижу по твоему вздернутому подбородку! Ты готова их поддержать и предложить, чтоб каждый уговорил своего родителя…

- Да нет же! - сказала помощник редактора. - Я только…

- Неправда, - настаивал Питер. - Зря я позволил тебе присутствовать при разговоре. Мог бы предположить, что ты непременно вмешаешься.

- …хочу сказать, что нам в редакции нужен человек. Вы ведь сами знаете! И если бы мистер Гриндли согласился за скромную плату…

- К черту скромную плату! - вскричал Питер.

- …тогда бы ему не пришлось отправляться в Африку.

- Ну и что это решает? - раздраженно спросил Питер. - Даже если молодой человек проявит такое… такое упрямство, такое непочтение и отринет собственного отца, который столько лет трудился ради его блага, как можно преодолеть препятствие в виде возражения мистера Эпплярда против этого брака?

- Неужто вы не видите, что… - начала помощник редактора.

- Нет, не вижу! - рявкнул Питер.

- Если он объявит своему отцу, что, кроме мисс Эпплярд, он в жизни ни на ком не женится, отец лишит его наследства, потому что для него этот брак…

- …дело немыслимое! - с уверенностью подхватил Гриндли-младший.

- Вот именно! Старый Гриндли перестает считать его своим сыном, и какие тогда могут быть возражения у мистера Эпплярда насчет этого брака?

Питер Хоуп вскочил и принялся долго, стараясь быть убедительным, объяснять никчемность и бесполезность подобного плана.

Но что значит благоразумие старости против порыва юности, стремящейся к своей цели? Несмотря на все возражения, бедный Питер был втянут в заговор. На следующее утро Гриндли-младший стоял перед своим отцом в его частной конторе на Хай-Холборн.

- Мне очень жаль, сэр, - сказал Гриндли-младший, - если я не оправдал ваших надежд.

- На кой черт мне твое сочувствие! - отозвался Гриндли-старший. - Прибереги его пока для себя!

- Надеюсь, сэр, мы расстанемся друзьями, - произнес Гриндли-младший, протягивая руку.

- За что ты меня презираешь? - спросил Гриндли-старший. - Все эти двадцать пять лет я жил только ради тебя.

- Я не презираю вас, сэр, - ответил Гриндли-младший. - Не могу сказать, что люблю, впрочем, мне кажется, что вам… вам это и не нужно. Но я, сэр, хорошо к вам отношусь, я уважаю вас. И… мне очень жаль, что приходится вас огорчать, сэр.

- Так ты собираешься отказаться от всего - от планов на будущее, от наследства, ради… ради этой девицы?

- Не то чтобы от всего, сэр, - честно и откровенно отвечал Гриндли-младший.

- Да, не так я представлял себе твое будущее, - проговорил старик, помолчав. - Может, оно и к лучшему. Должно быть, я слишком хотел, чтоб все вышло по-моему. Господь покарал меня.

- Хорошо ли идет торговля, отец? - спросил юноша с печалью в голосе.

- А тебе-то что за дело? - отозвался родитель. - Теперь ты отрезанный ломоть. Теперь вот уходишь от меня победителем…

Не зная, что сказать, Гриндли-младший просто обнял сухонького старика.

И в этот самый момент блестящий план, задуманный Томми, оказался повержен в пух и прах. Старый Гриндли снова посетил большой дом в Невиллс-Корт и долго просидел, запершись с Соломоном в его конторе на втором этаже. Был поздний вечер, когда Соломон отпер дверь конторы и позвал Джанет Гельвецию.

- Я знавал вас много лет назад, - сказал, поднимаясь ей навстречу, Езекия Гриндли. - Вы тогда были совсем малышка.

Вскоре Соус, возмутитель спокойствия, перестал существовать, будучи вытеснен новейшим пикантным изобретением. Гриндли-младший окунулся в изучение издательского дела. Старый Эпплярд как будто только этого и дожидался. Спустя полгода его обнаружили бездыханным в конторе. Гриндли-младший сделался издателем журнала “Хорошее настроение”.

История четвертая

МИСС РЭМСБОТЭМ ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ

Мало кому из мужчин приходило в голову рассматривать мисс Рэмсботэм как объект для вступления в брак. Наделенная от природы множеством женских качеств, способных возбуждать симпатию, с другой стороны, она всецело была лишена каких бы то ни было свойств, способных вызывать страсть. Уродки кое-кому из мужчин кажутся привлекательными; тому мы имеем немало свидетельств в жизни. Мисс Рэмсботэм была дама исключительно приятной наружности. Рослая, здоровая телом и духом, наделенная талантами, независимая, неунывающая, счастливая обладательница веселого нрава вкупе с чувством юмора, она оказалась совершенно обделена той женской мягкостью, которая внушает желание обладать. Являясь идеалом супруги, мисс Рэмсботэм никуда не годилась как возлюбленная. Мужчина становился ей другом. Мысль о том, что мужчина способен сделаться ее любовником, вызывала у нее искренний и веселый смех.

Нельзя сказать, чтобы она с презрением относилась к любовным чувствам; чего-чего, а ума у нее хватало, она была не настолько глупа.

- Если в вас кто-то влюблен и это личность сильная и достойная, - признавалась мисс Рэмсботэм кое-кому из немногих своих близких подруг, при этом ее широкая, улыбчивая физиономия на мгновение подергивалась мечтательной грустью, - ах, конечно же, это классно!

Ибо мисс Рэмсботэм питала склонность к речи американцев и даже не без заметных трудов научилась говорить с легким, но явным американским акцентом, когда в течение полугода ездила по Штатам, куда была направлена одним сознательным профсоюзным журналом для сбора надежной информации об условиях труда работниц текстильной промышленности.

Будучи единственным в ней признаком манерности, американский акцент, в чем можно было не сомневаться, использовался мисс Рэмсботэм во вполне практических целях и не без основания.

- Вы и представить себе не можете, - поясняла она, смеясь, - какую услугу он мне оказывает. Для современной женщины “Я - американка” звучит так же, как “Sum Romanum”.

[“Я - римский гражданин!” (лат.) - в свое время самоутверждение античного римлянина как носителя неотъемлемых гражданских прав, олицетворение самоутверждения личности высшего порядка.]

Тотчас распахиваются все двери. Если я, позвонив в дверной колокольчик, скажу: “Ах, будьте добры, я пришла взять интервью у мистера такого-то для такой-то газеты”, - лакей устремит свой взгляд куда-то поверх моей головы и скажет, чтобы я подождала в прихожей, пока он пойдет и выяснит, примет меня мистер такой-то или нет. Но стоит мне сказать: “Вот визитка, парень. Ступай скажи хозяину, что мисс Рэмсботэм ожидает в зале, и будет неплохо, если он пошевелится!” - бедняга тут же попятится, пока не споткнется и не грохнется на ступеньки, а любезный джентльмен сбежит по лестнице, не переставая извиняться, что заставил меня прождать целых три с половиной минуты.

Но самой влюбиться в кого-нибудь, - продолжала мисс Рэмсботэм, - в такого, чтобы смотреть снизу вверх, замирая и благоговея перед ним… в такого, который наполнил бы всю жизнь, вдохнул в нее красоту, чтоб каждый день обогатился смыслом, вот это, мне кажется, еще прекрасней. Ведь работать только для себя, думать только о себе - это совсем не так увлекательно!

Вдруг примерно в этом месте своих рассуждений мисс Рэмсботэм резко подскакивала на стуле и негодующе встряхивала головой.

- Боже, что за чушь я тут плету! - заявляла она самой себе и своим слушателям. - Я имею весьма приличный доход, у меня множество друзей, я умею наслаждаться каждой минутой своего существования. Не спорю, мне бы хотелось быть хорошенькой или даже красавицей. Но нельзя же, чтоб человеку доставалось все сразу. Ведь ума мне не занимать. Возможно, когда-нибудь… но нет, только не сейчас, клянусь… пока я изменять себе не желаю.

Мисс Рэмсботэм огорчало, что никто из мужчин ни разу в нее не был влюблен, однако она находила этому объяснение.

- Ведь это так понятно! - открыла она как-то душу своей закадычной приятельнице. - Мужчинам в истории человечества предоставлено две разновидности любви, и они выбирают ту или другую в соответствии со своими возможностями и темпераментом: мужчина может пасть на колени в своем обожании физической красоты (ведь природа полностью исключает умственную красоту женщины!), или же мужчина может испытывать блаженство, беря под сильное крыло слабое и беспомощное существо. Так вот, ни то, ни другое влечение мне не подходит. Во мне нет ни прелести, ни красоты, и привлечь мужчину мне нечем…

- У каждого, - напомнила ей, желая ободрить, ее закадычная приятельница, - свое представление о красоте!

- Моя дорогая, - жизнерадостно отозвалась мисс Рэмсботэм, - но это должно быть представление такой широты и глубины, какое Сэму Уэллеру, по его честному признанию, не было свойственно. Эдакое во много тысяч раз увеличенное видение, способное и через толщу, и даже краешком глаза улавливать суть, чтобы разглядеть во мне признаки истинной красоты. Да и какой дурак вздумает увлечься такой натурой, как я, - слишком щедрой и тонкой.

Мне кажется, - вспоминала мисс Рэмсботэм, - пусть это не прозвучит неким хвастовством, но я уже могла бы однажды обзавестись своего рода супругом, если бы Судьба не указала мне на необходимость спасти его. Мы познакомились с ним в Хюйсте, небольшом, тихом курортном местечке на побережье Голландии. Он вечно ходил за мною по пятам, временами весьма одобрительно поглядывая на меня украдкой. Он был вдовец, славный такой человечек, и очень заботился о трех своих прелестных детишках. Они все меня ужасно полюбили, и, честное слово, мы бы, наверное, с ним поладили. Ты же знаешь, я очень уживчива. Но этому не суждено было статься. В одно прекрасное утро он стал тонуть, и, на беду, вокруг не оказалось никого, кроме меня, кто умел бы плавать. Я понимала, к чему все это приведет. Помнишь комедию Лабиша “Путешествие месье Перришона”? Естественно, спасенному мужчине неприятно, что кому-то пришлось спасать его жизнь. И можешь себе представить, до какой степени неприятно, если этот кто-то оказывается женщиной. Но что мне

было делать? Я потеряла бы его в любом случае - если бы он утонул или был бы мною спасен. И поскольку выбора у меня не было, я его спасла. Он ужасно меня благодарил и отбыл на следующее утро.

Такова уж моя судьба, - продолжала мисс Рэмсботэм. - Ни один мужчина никогда в меня не влюблялся, и ни один никогда не влюбится. Когда я была помоложе, то очень из-за этого огорчалась. Девчонкой я многие годы лелеяла в сердце случайно подслушанные мною слова моей тетки: они однажды шептались с моей матерью за вязанием, считая, что я не слышу их разговора. “Что сейчас можно сказать, - тихонько говорила тетка, не сводя глаз с мелькающих спиц, - дети так меняются с возрастом. На моих глазах дурнушки вырастали в настоящих красавиц. Я на твоем месте не стала бы так переживать, тем более заранее”. Моя мать была совсем недурна собой, а отец был просто красавец; казалось, мне было на что надеяться. Я воображала себя гадким утенком из сказки Андерсена и каждое утро, едва проснувшись, подбегала к зеркалу, пытаясь убедить себя, что наконец-то и я покрываюсь лебедиными перышками.

И мисс Рэмсботэм смеялась весело и от души, потому что жалости к себе в ней уже не было и следа.

- Потом я обрела надежду с новой силой, - продолжала мисс Рэмсботэм свою исповедь, - черпая ее из книг некоего направления в литературе, популярного не нынче, а лет двадцать тому назад. Героиню этих романов никогда не отличала внешняя красота, если только читатель, подобно их герою, не обладал чрезвычайно утонченной наблюдательностью. В героине было нечто большее, она была прекрасна внутренне. Я утрачивала ощущение времени, часами просиживая за чтением этих необыкновенных книг. Я убеждена, они помогли мне выработать в себе определенные навыки, которые и по сей день служат мне верой и правдой. Я завела себе за правило, если в нашем доме поселился молодой гость, непременно вставать поутру как можно раньше и неизменно появляться к завтраку свежей, бодрой, безукоризненно одетой и, по возможности, с блестящим от росы цветком в волосах, дабы показать, что я только что из сада. Подобные усилия, как правило, совершенно малозначащи для молодого гостя: сам он обычно спускается к завтраку поздно, причем с заспанным видом, потому ничего такого не способен заметить. Однако для меня самой это явилось отличной практикой. Теперь я неизменно, когда бы ни ложилась, встаю в семь утра. Я сама себе шью, в основном сама стряпаю и стараюсь, чтобы

все об этом знали. Не могу не признаться, что неплохо играю на фортепьяно и пою. К тому же глупой меня никогда нельзя было назвать. У меня нет младших братьев и сестер, заботливой опеке над которыми я могла бы себя посвятить, однако вокруг меня в доме полным-полно кузенов и кузин, которых я, если уж на то пошло, порчу чрезмерным потаканием их прихотям. Дорогая моя, даже святоша на меня не позарится! Я не из тех женщин, которые умеют вертеть мужчинами. Они для меня - восхитительные создания природы, и в целом я нахожу их весьма неглупыми. Но сердца их отданы кокетке в кудряшках, которой требуется, чтоб ее подхватили с двух сторон под обе руки; она и есть их представление об ангеле. Ни один мужчина не сможет полюбить меня, даже если и попытается. Умом я это понимаю, однако, - тут мисс Рэмсботэм понизила голос до доверительного шепота, - чего я понять не могу, так это того, что сама никак не могу влюбиться ни в какого мужчину, поскольку все они мне одинаково милы.

- Ну вот ты сама все и объяснила, - заметила закадычная приятельница, некая Сьюзен Фоссет, подобие “тетушки Эммы” из “Журнала для дам”, женщина приятная, но говорливая. - Ты слишком умна.

Мисс Рэмсботэм тряхнула головой.

- Чтобы влюбиться, надо уметь любить. Стоит мне задуматься об этом, как мне самой за себя становится стыдно.

По причине ли этой уверенности в том, что ей необходимо влюбиться, или просто нежданно-негаданно (этого она и сама, должно быть, сказать не могла), но чувство пришло к ней уже в зрелые годы, и потому было оно более сильное, чем приходилось ожидать. Одно лишь очевидно: в возрасте за тридцать эта умная, здравомыслящая, тонкая женщина принялась вздыхать, заливаться краской, вздрагивать и теряться при звуках некоего имени, внезапно став похожей на юную влюбленную девчонку.

Однажды туманным ноябрьским днем ее закадычная приятельница Сьюзен Фоссет принесла странную весть в свое богемное окружение, воспользовавшись возможностью, предоставленной ей приглашением Питера Хоупа на чаепитие, приуроченное к празднованию дня рождения его приемной дочери и помощницы в редакторском деле Джейн Хелен, в обиходе называемой Томми. Истинная дата рождения Томми была

известна только небесам. Но поскольку лишенному супруги и наследника Питеру она явилась прямо из лондонского тумана именно вечером восемнадцатого ноября, постольку Питер с друзьями сочли, что день восемнадцатое ноября следует отмечать совместным сборищем.

- Рано или поздно это станет всем известно, - заверила Сьюзен Фоссет, - так что я могу вам рассказать: наша простофиля Мэри Рэмсботэм взяла и обручилась!

- Чушь какая-то! - невольно вырвалось у Питера Хоупа.

- Вот и я собиралась сказать то же самое, как только ее увижу, - заверила Сьюзен.

- И кто же? - поинтересовалась Томми.

- Ты хочешь спросить “с кем же”, слово “обручилась” требует творительного падежа! - поправил ее Джеймс Дуглас Мак-Тир, обычно именуемый “Малыш”, который сам по-английски писал лучше, нежели выражался.

- Я и хотела сказать, с кем же? - поправилась Томми.

- А сперва как сказала? - не унимался Малыш.

- С кем, мне неизвестно, - ответила закадычная приятельница мисс Рэмсботэм, с негодующим видом пригубливая чай из чашки. - С каким-нибудь неотесанным недоумком, который сделает ее несчастной на всю жизнь.

Сомервиль, адвокат без практики, заметил, что при отсутствии надлежащих фактов такое заявление преждевременно.

- Если бы имелось в виду нечто приличное, - вставила мисс Фоссет, - она бы так долго не темнила, не стала бы ошарашивать меня, словно гром среди ясного неба. С ее стороны не было ни малейшего намека, только час назад я получила эту писульку!

Мисс Фоссет извлекла из сумочки письмо, написанное карандашом.

- Думаю, ничего страшного не произойдет, если я зачитаю его, - оправдывающимся тоном заметила мисс Фоссет. - Вы сами сможете оценить, в каком состоянии пребывает наша бедняжка.

Оставив свои чашки, участники чаепития сгрудились вокруг мисс Фоссет.

"Дорогая Сьюзен, - начала читать она, - завтра я никуда не смогу пойти с тобой. Пожалуйста, придумай за меня благовидный предлог. Никак не могу припомнить, что именно состоится. Ты не поверишь, но я обручена - я выхожу замуж. Мне самой никак не верится. Живу точно во сне. Решила пока сбежать к бабушке в Йоркшир. Мне необходимо что-то предпринять. Мне необходимо с кем-то поделиться - ты прости, дорогая, но ты слишком рассудительна, тогда как я сейчас - такая безрассудная. Я все тебе расскажу при встрече - возможно, на будущей неделе. Я так хочу, чтобы он тебе понравился. Он так хорош собой и так умен - в своем роде. Не осуждай меня. Никогда не думала, что возможно такое счастье. Такое счастье ни с чем иным нельзя сравнить. Нет слов, чтобы его описать. Передай, пожалуйста, Беркоту, чтобы вычеркнул меня из списка участников конгресса антекваров-любителей. Я чувствую, что это сейчас не для меня Я так рада, что у него нет родственников - здесь, в Англии. А то бы я так ужасно волновалась. Еще вчера я об этом не могла даже и помыслить, а сегодня я хожу на цыпочках, боюсь проснуться. Не оставила ли я у тебя свою шиншилловую накидку? Не сердись. Если бы знала наперед, я бы все тебе рассказала. Спешу. Твоя Мэри". На конверте стоит "Мэрилбоун-Роуд", и шиншилловую накидку она у меня действительно забыла, следовательно, письмо и в самом деле от Мэри Рэмсботэм. В противном случае у меня возникли бы сомнения, - сказала мисс Фоссет, складывая письмо и пряча его обратно в сумочку.

- Это люпофь! - воскликнул доктор Уильям Смит, при этом его круглая, красная физиономия просияла, изобразив поэтический восторг. - Фот што стелала люпофь, она исменила ее, префратила фнофь в юную дефису!

- Любовь, - парировала Сьюзен Фоссет, - не меняет умную и образованную женщину до такой степени, что та начинает сумбурно излагать свои мысли, подчеркивает в письме каждое слово, слово "антикваров" пишет через "е", а имя Беркотта, человека, которого она знает уже много лет, всего с одним "т". Эта женщина явно и бесповоротно

сошла с ума!

- Подождем высказываться, пока мы его не увидели, - благоразумно заметил Питер. - Я был бы безмерно рад, если бы нашей уважаемой мисс Рэмсботэм улыбнулось счастье.

- Я тоже, - сухо сказала мисс Фоссет.

- Она одна из наиболее рассудительных женщин в моем окружении, - отозвался Уильям Клодд. - Кто бы он ни был, ему весьма повезло. Пожалуй, и мне бы стоило рассмотреть подобную перспективу.

- Повезло ему или нет, - отрезала мисс Фоссет, - не про него сейчас речь.

- Полагаю, лучше сказать “о нем”, - заметил Малыш, - если говорится “речь”, то…

- Ой, ради Бога, - обратилась мисс Фоссет к Томми, - предложите этому типу положить себе что-нибудь в рот. Нет ничего хуже, когда люди учат грамматику в зрелом возрасте. Как все новообращенцы, они становятся фанатиками.

- Мэри Рэмсботэм воистину потрясающая женщина! - воскликнул Гриндли-младший, издатель журнала “Хорошее настроение”. - Прямо-таки удивительно, почему до сих пор ни один мужчина не додумался на ней жениться.

- О, эти мужчины! - вскричала мисс Фоссет. - Вам бы только безмозглое создание с хорошеньким личиком!

- Разве эти качества всегда совпадают? - со смехом спросила миссис Гриндли-младшая, урожденная Гельвеция Эпплярд.

- Исключения подчеркивают правило, - отозвалась мисс Фоссет.

- Изумительное высказывание, - с улыбкой заметила миссис Гриндли-младшая. - Иногда меня изумляет, как можно говорить, не имея представления о том, что говоришь!

- Толшно пыть, щелофек, который влюпился ф нашу драшайшую Мэри,

- задумчиво произнес доктор Смит, - лищность фоистину неопыкнофенная.

- Послушать вас, можно подумать, что она прямо-таки чудище… то есть, чудовище, - поправилась мисс Фоссет, кинув беглый взгляд на Малыша. - Я не вижу мужчины, который был бы достоин ее.

- Я хощу скасать, - пояснил доктор, - што он толшен пыть щелофек фытающийся… в смысле ума. Мущина, тостойный фнимания тостойнейшей ис шенщин.

- Скорее, он достоин внимания какой-нибудь хористки, - вставила мисс Фоссет.

- Будем надеяться на лучшее, - сказал Питер примиряюще. - Никогда не поверю, что такая умная, даровитая женщина, как Мэри Рэмсботэм, даст себя провести.

- Мой опыт подсказывает, - сказала мисс Фоссет, - что в подобных делах дают себя провести именно умные люди.

К несчастью, мисс Фоссет оказалась права. Недели через две, когда богемный кружок был впервые представлен жениху мисс Рэмсботэм, первым побуждением кружка было воскликнуть: “Боже правый! Неужто на такое можно было…” Однако, увидев преображенное лицо и дрожащие руки мисс Рэмсботэм, богемное окружение, вовремя спохватившись, вместо этого пробормотало: “Ах, как приятно познакомиться!” - и деревянным тоном выразило свои поздравления. Реджинальд Питерс оказался смазливым, на удивление глупого вида молодым субъектом лет двадцати с небольшим, с курчавыми волосами и безвольным подбородком. Однако мисс Рэмсботэм он явно представлялся молодым Аполлоном. Впервые они повстречались на одном из множества модных в те годы политических диспутов, посещение которых мисс Рэмсботэм считала полезным для сбора журналистического “материала”. Питерсу меньше чем за три месяца удалось превратить мисс Рэмсботэм, некогда обладательницу ярко выраженных радикальных взглядов, в ярую сторонницу джентльменской партии. Она буквально упивалась его маловыразительными, бесцветными политическими взглядами, над которыми совсем недавно лишь весело бы посмеялась, и ее открытое лицо излучало полное восхищение. Во всем, что не касалось ее жениха, в

вопросах - а их оказалось не так уж мало, - в которых он либо не разбирался, либо как-то не участвовал, мисс Рэмсботэм сохраняла свойственный ей здравый смысл и остроумие. Однако в его присутствии она почти не раскрывала рта, заглядывая ему в несколько водянистого вида глаза с благодарным видом ученицы, черпающей мудрость в речах учителя.

Это нелепое обожание снизу вверх, чрезмерно раздражавшее ее друзей, которое даже предмету ее любви, обладай он хотя бы толикой ума, показалось бы смешным, очевидно, доставляло мисс Рэмсботэм истинное наслаждение. По натуре эгоистичный и капризный субъект, Питерс, пользуясь услугами блестящей светской особы, извлек для себя немалую практическую пользу. Мисс Рэмсботэм, которая была знакома с множеством интересных лиц в Лондоне, доставляло упоительное удовольствие представлять своего жениха повсюду. Ее друзья снисходили к нему только ради нее; чтобы угодить ей, общались с ним, старались принять в свой круг, тщательно скрывая свою неприязнь. Свободный доступ во все увеселительные места помог Питерсу сберечь его скудные средства. Интуиции у Питерса хватало, чтобы понимать: ему, занимавшему должность судебного адвоката, связи мисс Рэмсботэм могут оказаться весьма полезными. Она нахваливала его перед известными адвокатами, водила на чаепития к судейским женам, весьма заинтересовавшимся его личностью. В ответ Питерс прощал мисс Рэмсботэм ее многие недостатки, всякий раз напоминая ей об этом. Благодарность мисс Рэмсботэм не знала границ.

- Ах, как бы мне хотелось быть помоложе и попривлекательней! - со вздохом говорила она своей закадычной приятельнице. - По мне бы, я и так неплоха; я к себе привыкла. Но Реджи так тяжело от этого. Я точно это знаю, хотя он никогда открыто об этом не говорит.

- Пусть только попробует, мерзавец! - отвечала Сьюзен Фоссет, которая после тщетных попыток в течение месяца смириться с этим молодцом, заявила в конце концов, что постарается лишь скрыть свое крайнее неприятие и на большее не способна. - Кстати, мне непонятно, к чему вообще все эти разговоры. Ведь ты же не говоришь ему, что ты молодая и красивая, верно?

- Моя дорогая, я всегда говорила ему только правду, - отвечала мисс

Рэмсботэм. - Я не собираюсь этим кичиться, мне казалось, что так лучше. Видишь ли, к несчастью, я выгляжу на свой возраст. Большинство мужчин этот факт восприняли бы иначе. Ты представить себе не можешь, какой он чудесный. Он уверил меня, что, обручаясь со мной, он все прекрасно видел и потому нет нужды сосредотачиваться на неприятном. Это такое чудо, что он увлекся мной, - он, у ног которого может оказаться половина женщин Лондона.

- Полагаю, что для них он в самый раз, - согласилась Сьюзен Фоссет. - Но уверена ли ты, что он любит тебя?

- Дорогая моя, - отвечала мисс Рэмсботэм, - вспомни высказывание Ларошфуко. “Один любит, другой соглашается быть любимым”. Мне уже довольно того, что он позволяет себя любить. Это больше, чем я имею право ожидать.

- Да ты просто дура! - открыто провозгласила закадычная подруга.

- Я знаю, - согласилась мисс Рэмсботэм, - но я никогда не знала, что быть дурой так восхитительно!

День ото дня богемное окружение дивилось и негодовало все более и более. Юный Питерс оказался даже не джентльменом. Проявлять знаки внимания он полностью предоставил ей. Именно мисс Рэмсботэм помогала Питерсу надеть пальто и лишь после этого сама накидывала свой плащ; она таскала всякие свертки, она вслед за ним входила в ресторан и выходила оттуда. Лишь заметив, что за ними кто-то наблюдает, Питерс предпринимал попытку принять на себя ритуал мужской опеки. Он грубил ей, препирался с ней при людях, открыто ею пренебрегал. Богема кипела бессильной злобой, однако вынуждена была признать: что касалось самой мисс Рэмсботэм, такого счастья, какое доставил ей этот Питерс, всеми усилиями своего содружества богемное окружение доставить ей не смогло. В глазах ее появился мягкий свет, и они тотчас наполнились необыкновенной глубиной и выразительностью. Энергия, которая так и била в этой женщине ключом, теперь пробуждалась в ней волнами, и обычно пылавшие щеки то розовели, то бледнели. Любовь вдохнула жизнь в ее густые темные волосы, и они обрели загадочность, полутона.

Эта женщина молодела на глазах. Она посвежела. В ней стало явным

спавшее до поры томление естества; в ней проснулась женственность. Голос обрел новые звучания, выдавая скрытые возможности натуры. Богемное окружение поздравило себя с тем, что, в конце концов, все это дело может возыметь неплохой результат.

Но тут обожаемый Питерс все испортил, полностью проявив свою натуру и, вопреки всем светским условностям, влюбившись сам и по-настоящему в юную продавщицу кондитерской. И лучшее, что он смог придумать в данных обстоятельствах, - это рассказать все мисс Рэмсботэм, предоставив ей самой решать, как теперь быть.

Мисс Рэмсботэм повела себя так, как предсказал бы всякий, кто ее хорошо знал. Возможно, в тиши своей маленькой и славной четырехкомнатной квартирки, что располагалась над ателье в доме по Мэрилбоун-Роуд, отослав на выходной свою строгую и важную служанку, мисс Рэмсботэм и пролила кое-какие слезы. Но даже если и так, их на лице ее не осталось и следа, дабы не омрачать благоденствие мистера Питерса. Мисс Рэмсботэм лишь поблагодарила его за откровенность и, приняв на себя толику боли, избавила их обоих от осложнений в будущем. Что было вполне понятно: ведь она знала, что по-настоящему он никогда не любил ее. Мисс Рэмсботэм считала Питерса мужчиной, который никогда не полюбит в общепринятом значении этого слова, - при этом мисс Рэмсботэм не добавляла, что сам Питерс этого мнения не разделяет, - и раз так, раз он просто позволяет себя любить, значит, они вместе будут счастливы. Но случилось иначе - что ж, хорошо, что ясность к нему пришла достаточно рано. Итак, готов ли он принять ее совет?

Мистер Питерс был искренне признателен, да и как могло быть иначе, и изъявил готовность принять любое предложение мисс Рэмсботэм. Сказал, что чувствует, как низко поступил, что ему стыдно за себя и что он во всем доверяется мисс Рэмсботэм, которую всегда считал истинным своим другом и тому подобное.

Предложение мисс Рэмсботэм было таково: мистер Питере, не будучи крепок телом, как и умом, помнится, поговаривал о том, что хочет попутешествовать. Поскольку сейчас у него никаких особых дел нет, почему бы ему не воспользоваться возможностью и не навестить своего единственного зажиточного родственника-фермера, живущего в Канаде. Тем временем пусть мисс Пегги оставит работу в кондитерской и переедет

жить к мисс Рэмсботэм. Пока стоит воздержаться от помолвки - достаточно одной договоренности. Мисс Рэмсботэм не спорит, мисс Пегги - девушка милая, славная, чудная. Но все же ей не хватает образованности, немного подучиться в манерах и поведении ведь не помешает, правда? Если же по возвращении из поездки через полгода мистер Питерс останется верен своему решению, как и Пегги будет готова выйти за него, дело будет обстоять намного проще, не так ли?

Засим последовали новые уверения в вечной благодарности. Мисс Рэмсботэм их решительно отмела. Для нее удовольствие жить в обществе молодой, неглупой девушки, просвещать ее, формировать ее характер - такое приятное занятие.

Словом, вышло так, что мистер Реджинальд Питерс на время покинул богемный крут, чем мало у кого вызвал сожаление, уступив место некой Пегги Натком, наиочаровательнейшему для мужского глаза существу. У нее были волнистые цвета льна волосы, щечки - точно лепестки дикой розы, носик - точь-в-точь такой, каким Теннисон наделил дочь своего мельника, а ротик - достойный буколик Лоутера во дни их славы. Добавьте к тому резвую грациозность котенка и чарующую беспомощность младенца в распашонке, и вы сможете простить мистеру Реджинальду Питерсу его вероломство. Переводя глаза с феи на земную женщину, богема позабыла про свои обвинения. О том, что фея была тупа, как верблюд, самодовольна, как свинья, и ленива, как негр, богема и понятия не имела. И пока фигура и внешность феи оставались без изменений, богема, что бы там кто ни говорил, почитала ее за фею. Я имею в виду мужскую часть нашей богемы.

Однако изменения в фигуре и внешности все-таки произошли. Мистер Реджинальд Питерс, обнаружив своего дядюшку старым и немощным, счел своим долгом пробыть у него больше, чем рассчитывал. Пролетел год. Мисс Пегги стала утрачивать свою кошачью грацию и заметно потяжелела. Ее кукольное личико уродовала пара угрей - один справа от нежно-розового ротика, другой на левой ноздре ее вздернутого носика. Прошло еще полгода. Мужчины стали называть ее толстушкой, а женщины толстухой. Она стала переваливаться при ходьбе, точно утка, по лестнице взбиралась пыхтя. Теперь она дышала не носом, а ртом, и богема отметила, что зубы у Нее маленькие, дрянные и неровные. Угри становились крупнее, и число их возрастало. Белоснежная кожа приобрела желтоватый

оттенок и сделалась жирной, блестящей. Манеры ребенка в сочетании с внешностью женщины, весом стоунов в одиннадцать, богема сочла совершенно несовместимыми. Сами по себе ее манеры изменились в лучшую сторону. Но при этом она осталась прежней. Новые манеры не подходили ей, не вязались с ее сущностью. Они стесняли ее, как дорогой выходной сюртук стесняет деревенщину. Пегги выучилась правильно произносить слова и грамотно составлять фразы. От этого речь ее сделалась на редкость искусственной. Тех немногих знаний, что она приобрела, оказалось достаточно, чтобы вселить в нее злобное осознание собственного беспробудного невежества.

Между тем мисс Рэмсботэм все продолжала молодеть. Если в двадцать девять она выглядела на тридцать пять, то в тридцать два она выглядела прямо-таки на двадцать пять. Богема начала опасаться, что, если этот процесс будет продолжаться с прежней скоростью, мисс Рэмсботэм придется укорачивать платья и отпускать косы. Овладевшее ею нервное возбуждение выделывало невероятное не только с ее внешностью, но и с характером. В чем-то пойдя на пользу, в другом, как ни жаль, во вред. Старые друзья, привыкшие наслаждаться ее доброжелательностью, тщетно ломали головы: чем они так не угодили ей? Теперь мисс Рэмсботэм стремилась к новым знакомствам, к новым лицам. Казалось, ее начало покидать присущее ей чувство юмора: острить в ее присутствии стало небезопасно. С другой стороны, мисс Рэмсботэм, казалось, так и ждет лести и восхищения. Прежние приятели в изумлении отодвигались на второй план, тогда как на их место рядом с мисс Рэмсботэм пробивались безмозглые молодцы, расточая комплименты по поводу ее туалетов или нашептывая ей какую-то чушь насчет ее ресниц. Завидную долю своего умственного потенциала она отозвала из журналистики, направив на оснащение своего туалета. Разумеется, она имела успех. Платья неизменно ей шли, подчеркивая все лучшее, что было присуще ее фигуре. Красавицей она никогда не была, и у нее хватало ума это понимать; однако она сделалась наконец очаровательной и весьма яркой женщиной. В то же время ей открылась дорога к тому, чтобы превратиться в тщеславную, самовлюбленную посредственность.

Как раз в разгар подобных метаморфоз однажды вечером Питер Хоуп получил от мисс Рэмсботэм записку, извещавшую о намерении посетить его на следующее утро в редакции “Хорошего настроения”. В постскриптуме она добавляла, что предпочла бы считать свой разговор с

ним приватным.

Мисс Рэмсботэм явилась в точно объявленное время. Вопреки своим привычкам, она начала разговор о погоде. Мисс Рэмсботэм придерживалась мнения, что с большой вероятностью пойдет дождь. Опыт Питера Хоупа подсказывал, что вероятность дождя существует всегда.

- Как обстоят дела с журналом? - поинтересовалась мисс Рэмсботэм.

Журнал, хотя со дня выхода не прошло еще и двух лет, продвигался неплохо.

- Мы рассчитываем в ближайшем времени, в самом ближайшем времени, - пояснил Питер Хоуп, - обойти все острые углы.

- Ах, так! - сочувственно подхватила мисс Рэмсботэм.

- Собственно, - улыбнулся Питер Хоуп, - утлы, возможно, и не слишком острые. Это как посмотреть. Однако необходим некий обходной маневр, я бы сказал, некая изворотливость.

- Вам нужно ввести, - задумчиво произнесла мисс Рэмсботэм, - пару новых разделов на популярную тему.

- Популярными темами, - заметил настороженно Питер Хоуп, предчувствуя искушение, - не стоит пренебрегать, если, конечно, удастся избежать при этом пошлости и вульгарности.

- А как насчет “Странички для дам”? - предложила мисс Рэмсботэм. - Такая страничка заставит женщину купить ваш журнал. Уверяю вас, женщины приобретают все большее и большее значение для еженедельной прессы.

- Но зачем женщине специальная страничка? - воскликнул Питер Хоуп. - Разве весь наш журнал не обращен к ее интересам?

- А вот и нет! - категорично отрезала мисс Рэмсботэм вместо объяснения.

- Ведь мы предлагаем ей литературу, драматургию, поэзию, романы,

политику высшего класса, ведь…

- Да-да, я знаю, - прервала его мисс Рэмсботэм, у которой в последнее время, вдобавок к прочим новым недостаткам, можно было заметить зачатки нетерпимости, - только подобное женщина уже может почерпнуть в десятке других журналов. Я все обдумала. - Мисс Рэмсботэм потянулась через редакторский стол к мистеру Хоупу, невольно понизив голос до доверительного шепота. - Расскажите женщине о новой моде. Обсудите проблему: в высокой шляпке или в маленькой женщина кажется моложе. Сообщите, какой нынче в моде цвет волос: рыжий или темный, каков объем талии у наших выдающихся дам. Да послушайте же! - Мисс Рэмсботэм рассмеялась, увидев совершенно обескураженное лицо Питера Хоупа. Невозможно в один момент изменить мир и природу человека! Вам следует снизойти до человеческих слабостей, чтобы заставить слушать ваши мудреные слова. Сначала обеспечьте своему журналу успех. А уж потом сделаете его действенной силой.

- Но, - заметил Питер, - ведь уже существуют подобные журналы… которые… которые посвящены как раз этому и более ничему.

- И стоят шесть пенсов! - подхватила практичная мисс Рэмсботэм. - А я забочусь о женщине из низших слоев среднего класса, которая может потратить в год на платье всего двадцать фунтов и которая двадцать часов в сутки, бедняжка, только о том и горюет! Мой дорогой друг, это принесет вам целое состояние. Только подумайте о рекламе!

Бедный Питер застонал, бедняга старый Питер, мечтатель из мечтателей. Он подумал о Томми, которой однажды предстоит без него сражаться с равнодушно-окаменелым миром. Конечно, Питеру стоило подняться в своем благородном гневе и бросить в глаза этой яркой даме-искусительнице: “Послушайте, мисс Рэмсботэм! Мой журналистский инстинкт подсказывает мне, что ваш план хорош, если судить с позиций неправедного обогащения. У него есть будущее. Лет через десять половина лондонских журналистов ухватится за него. Он сулит большие деньги. Ну и что с того? Стоит ли мне ради мирской суеты продать собственную душу, душу редактора, обратить храм Могущественного Пера в логово… в логово галантерейщика! Прощайте, мисс Рэмсботэм! Мне жаль вас. Мне жаль вас, моего бывшего сподвижника, некогда вдохновляемого стремлением к возвышенному, а ныне так низко павшего с былых высот!

Прощайте, мадам!”

Так думал Питер, барабаня пальцами по письменному столу. Однако вслух он произнес следующее:

- Этот материал требует качественного воплощения.

- Естественно, все зависит от воплощения, - согласилась мисс Рэмсботэм. - Плохое исполнение способно загубить любую идею. Тогда придется уступить ее другому журналу.

- Есть у вас кто-нибудь на примете? - спросил Питер.

- Я бы взялась сама, - ответила мисс Рэмсботэм.

- Прискорбно! - сказал Питер Хоуп.

- Но почему? - удивилась мисс Рэмсботэм. - Неужто вы не верите, что я справлюсь?

- Мне кажется, - сказал Питер, - никто бы лучше не справился. Просто мне жаль, что вы за такое беретесь, только и всего.

- Да, я хочу за это взяться! - отрезала мисс Рэмсботэм, и в голосе у нее послышались упрямые нотки.

- И сколько вы намерены за это с меня запросить? - с улыбкой спросил Питер.

- Нисколько.

- Но, моя дорогая…

- Честное слово, - пояснила мисс Рэмсботэм, - не могу же я воспользоваться гонораром с обеих сторон. Я хочу заключить честную сделку, я хочу получать за это по крайней мере триста фунтов в год, и они с готовностью заплатят мне эти деньги.

- Кто это они?

- Создатели женской одежды. Я стану одной из самых элегантных

женщин Лондона, - со смехом ответила мисс Рэмсботэм.

- Вы всегда отличались благоразумием, - заметил Питер с укоризной.

- Я хочу жить!

- Скажите, но неужели… неужели при этом обязательно надо терять здравый смысл, дорогая моя?

- Необходимо, - ответила мисс Рэмсботэм. - Женщина иначе не может. Я это на себе испытала.

- Прекрасно, - сказал Питер, - пусть будет так. - Он поднялся. Положил свою аккуратную, белую старческую ладонь на плечо мисс Рэмсботэм - Если раздумаете, непременно скажите. Я буду рад.

Словом, они договорились. “Хорошее настроение” повысило тираж и - что наиболее ценно - обрело рекламу. А мисс Рэмсботэм, как она и предсказывала, завоевала репутацию одной из наиболее элегантных женщин Лондона. И причину ее стремления к подобной репутации Питер Хоуп прозорливо предугадал. Через пару месяцев его подозрения подтвердились. Похоронив дядюшку мистер Реджинальд Питерс возвращался домой в Англию.

Его возвращения с нетерпением ожидали лишь две обитательницы маленькой квартирки на Мэрилбоун-роуд, однако каждая ожидала приезда Питерса по-разному. Мистрис Пегги, существо слишком недалекое, чтобы отдавать себе отчет в переменах, в ней происшедших, с восторгом готовилась встретить своего любимого. Независимо от занимаемой должности, мистер Реджинальд Питерс становился после смерти своего дядюшки человеком состоятельным. Наступит конец ставшей для Пегги невыносимой опеки со стороны мисс Рэмсботэм. И Пегги сделается настоящей “леди” - в том смысле, в котором она это понимает, а именно: когда можно ничего не делать, а только есть и пить и ни о чем не заботиться, кроме как о туалетах. С другой стороны, мисс Рэмсботэм, с надеждой ожидавшая возвращения на родину своего бывшего друга и почитателя, впала в странное состояние тревожной безысходности, нараставшее день ото дня по мере приближения даты прибытия Питерса.

Встреча - умышленно или случайно, кто знает? - произошла на одном из

вечерних приемов, устроенных владельцами нового журнала. Обстоятельства оказались неблагоприятными для Пегги, к которой богема начала испытывать жалость. Приятель обеих женщин, мистер Питерс, едва появившись на приеме, с нетерпением обозрел толпу, и взгляд его привлекла стоявшая в глубине зала в толпе всяческих знаменитостей высокая, обворожительная дама в роскошном туалете, чей облик всколыхнул в нем какие-то смутные воспоминания. Особенно ослепительными казались в ней обнаженные руки и шея, а также особая изысканность манер, то, как она двигалась, как разговаривала и как смеялась среди множества важных и знатных гостей. Рядом с ней семенила нервозного вида озлобленная, вульгарная, толстая, прыщавая, бесформенная молодая особа, привлекая всеобщее внимание лишь несовместимостью своего облика со здешним окружением. Обворожительная дама с роскошными плечами и шеей поздоровалась с Питерсом, и тут уж он окончательно убедился, что это была не кто иная, как мисс Рэмсботэм, прежде настолько невзрачная и равнодушная к своему внешнему виду, что он даже позабыл, как она выглядит. Услышав с досадой “Реджи!”, вылетевшее из уст безвкусно разряженной, одутловатого вида молодой особы, он с явным изумлением поклонился и извинился за то, что его подвела память, которая, как он заверил толстую даму, вечно доставляет ему неприятности.

Разумеется, Питерс возблагодарил небеса - а также мисс Рэмсботэм! - за то, что официальной помолвки не состоялось. Мечтам мистрис Пегги о завтраках, подаваемых в постель, пришел конец. Покинув квартирку мисс Рэмсботэм, девица возвратилась под материнский кров, где повседневные хлопоты и скромный достаток значительно улучшили ее фигуру и цвет лица. Так что с течением времени небеса снова улыбнулись ей, и она вышла замуж за старшего наборщика, а потому выбыла из нашего повествования.

Между тем мистер Реджинальд Питерс, сделавшись старше и, возможно, несколько умней, взглянул на мисс Рэмсботэм новыми глазами и теперь не то что уступил ее чувству, но сам возжелал ее. Богема притихла в ожидании своего участия в счастливом продолжении этого милого и вместе с тем обновленного романа. По мисс Рэмсботэм нельзя было сказать, что она кем-то еще увлеклась. Она продолжала принимать лесть и комплименты, однако с таким видом, будто принимает благодушную критику, не более того. Хотя изначально мисс Рэмсботэм и относилась к

разряду женщин, которые, будучи завоеванными, теряют свою привлекательность, ныне она с готовностью принимала ухаживания от многочисленных почтенных и достойных поклонников. Но все они вызывали у нее лишь улыбку.

- Обожаю ее за это, - объявила Сьюзен Фоссет. - Да и он стал лучше; оказывается, такое возможно. Хотя я бы предпочла, чтобы это был кто-нибудь другой. К примеру, Джек Херринг - гораздо более подходящая кандидатура. Даже Джо, хоть он и мал ростом. Но выходить замуж - ей; а она больше в жизни никого не полюбит.

И богема обзавелась подарками, заготовив их к случаю. Однако вручить их было не суждено. Через пару месяцев мистер Реджинальд Питерс снова отбыл в Канаду холостяком. Мисс Рэмсботэм выразила очередное желание возобновить приватный разговор с Питером Хоупом.

- Я могла бы продолжать рубрику “Письмо к Клоринде”, - предложила мисс Рэмсботэм. - Я уже приобрела соответствующий опыт. Только попрошу вас обычным путем платить мне за нее.

- Я был готов сделать это с самого начала! - встрепенулся Питер.

- Знаю. Я сознательно не хотела, как я вам объясняла, получать деньги с обеих сторон. Но время идет… нет, пока они не отказываются, но мне кажется, что им это стало надоедать.

- А вам? - спросил Питер.

- И мне. Я сама себе надоела! - рассмеялась мисс Рэмсботэм. - Нельзя же всю жизнь оставаться элегантной женщиной!

- Итак, вы с этим покончили?

- Надеюсь, что да, - ответила мисс Рэмсботэм.

- И больше не станете распространяться на эту тему? - поинтересовался Питер.

- Нет, по крайней мере, пока. Я бы сказала, что это нелегко объяснить.

Другие, менее сочувственно относившиеся к мисс Рэмсботэм, предпринимали отчаянные попытки разгадать таинственную перемену. Мисс Рэмсботэм не без удовольствия хитроумно уклонялась от назойливых расспросов. Получив отлуп по всем статьям, сплетники переключились на иные темы. И снова мисс Рэмсботэм обрела интерес к более свойственным ей высоким материям, и снова постепенно становилась рассудительной, открытой, той самой “умницей”, которую знала, ценила и уважала богема, - в этих чувствах было многое, только не трепетная любовь.

Спустя годы, благодаря Сьюзен Фоссет, женщине милой, но чересчур разговорчивой, уже немногие из любопытствующих получили объяснение происшедшего.

- Любовь, - сказала мисс Рэмсботэм своей закадычной приятельнице, - не подчиняется разуму. Как ты говоришь, было множество мужчин, за которых я могла бы выйти замуж, рассчитывая на счастливый брак. Но, кроме него, я никого не любила. Он был человек недалекий, самовлюбленный, скорее всего, эгоистичный. Мужчина обязательно должен быть старше женщины; он же был моложе и как личность слабее. И все-таки я любила его.

- Слава Богу, что ты не вышла за него замуж, - заметила закадычная подруга.

- Я тоже так думаю, - согласилась мисс Рэмсботэм.

- Если ты мне не доверяешь, - заметила при этом закадычная подруга, - можешь не рассказывать.

- Мне хотелось сделать как лучше, - сказала мисс Рэмсботэм. - Честное слово, я так и делала в самом начале.

- Не понимаю, о чем ты? - откликнулась закадычная подруга.

- Если б она была мне родной дочерью, - продолжала мисс Рэмсботэм, - я бы так не старалась… вначале Я пыталась ее учить, мне в самом деле хотелось хоть как-то ее просветить. Господи! Сколько времени я потратила на эту жалкую идиотку! Я дивилась собственному терпению. Она оказалась не человек, а животное. Животное! С запросами, как у животного. Есть, пить и спать - вот ее представление о счастье;

единственное, к чему она стремилась, это к мужскому обожанию, при этом у нее не хватало воли, чтобы сдерживаться и не набивать свой желудок, дабы сохранить подобное обожание. Я убеждала ее, молила, грозила. Сколько я старалась и словом и делом удержать ее от пагубного образа жизни. Я начала побеждать. Я заставила ее бояться меня. Если бы я продолжала так и дальше, я бы победила окончательно. Вытягивая ее из постели по утрам, заставляя делать гимнастику, следя за тем, что она ест и что пьет, я сумела продержать маленькое животное в форме по крайней мере месяца три. Затем мне понадобилось на несколько дней съездить в деревню; она мне поклялась, что будет соблюдать все мои наставления. Вернувшись домой, я обнаружила, что большую часть времени она проводит в постели и уплетает исключительно шоколад и пирожные. Когда я вошла на порог, она спала в кресле, свернувшись калачиком, и храпела, широко открыв рот. Я смотрела на эту картину, и в душу мне прокрался змий-искуситель. И я подумала: к чему мне тратить столько времени, тратить свой ум, свои силы на эту свинью, которую любимый мною мужчина считает ангелом и на которой намерен жениться? Да стоит ей все эти шесть месяцев дать прозябать, как ей угодно, сразу же выявится ее истинное лицо. И с этого дня я пустила все на самотек. Нет, хуже того - я признаюсь, не стану себя щадить, - я поощряла ее! Я позволила ей жечь камин у себя в спальне и питаться в постели. Я разрешала ей пить шоколад с шапкой густых сливок поверх - она это обожала. Ничто ей не доставляло большего удовольствия, чем еда. Я позволила ей самой заказывать себе блюда. Я испытывала дьявольский восторг при виде того, как ее нежные ручки и ножки становятся жирными, бесформенными, как бело-розовая кожа покрывается угрями. Мужчина любит плоть; ум, домыслы, сердце, душа - до этого ему дела нет! Об этом он никогда не думает. Эта маленькая бело-розовая свинка способна была отвратить от меня самого мудрейшего Соломона! Почему все в этом мире существует для подобных существ, в то время как мы не можем воспользоваться для защиты собственным разумом. Взгляд в зеркало всегда побуждал меня отказаться от внутреннего бунта, однако в моем характере всегда было что-то от мужчины. Меня захватил спортивный азарт. Наверное, меня преобразило именно нервное возбуждение, в котором я тогда пребывала. Мое тело наполнилось пульсирующей энергией. Времени у меня было предостаточно, чтобы ее сразить ее же оружием: животное против животного. Что ж, результат тебе известен: я выиграла битву. В том, что он влюбился в меня, не было никакого сомнения. Повсюду он ловил мой взгляд, любовался мною. Я сделалась восхитительным животным.

Мужчины воспылали ко мне страстью. И знаешь, почему я ему отказала? Он стал во всех отношениях лучше того глупого мальчишки, в которого я влюбилась; но он вернулся с парой искусственных зубов: золото блеснуло как-то у него во рту, когда он рассмеялся. Я ни в коем случае не собираюсь утверждать, дорогая моя, что на свете не существует любви - любви чистой, возвышенной, достойной человеческой личности, любви, которая идет от сердца и ниоткуда больше. Но эта любовь мне не выпала. Выпала иная! Я увидела все в истинном свете. Я влюбилась в него, потому что он был миленький курчавый мальчик. Он влюбился в Пегги, когда она была румяна, бела и изящна. Никогда не забуду, какой у него был взгляд, когда она заговорила с ним на приеме в отеле, взгляд, выражавший отвращение, ненависть. Девушка осталась такой, какой была; лишь тело ее одряхлело. Помню, какими глазами он смотрел на мои плечи и шею. Ведь когда-то я казалась старше своих лет, кожа утратила свежесть, появились морщины. Я подумала, каким он станет со временем, растолстеет, обзаведется плешью…

- Если бы ты влюбилась в того, кого надо, - заметила Сьюзен Фоссет, - ты бы не стала так рассуждать…

- Ты права, - сказала мисс Рэмсботэм. - Мужчина должен полюбить меня такой, какая я есть, просто потому, что я мила, приятна в общении и надежна как друг. Именно такого мужчину я жду.

Но он так и не пришел. Очаровательная, ясноглазая седая леди, до сих пор живущая одна-одинешенька в маленькой квартирке на Мэрилбоун-роуд, временами заглядывает в Писательский клуб. Ее имя по-прежнему мисс Рэмсботэм.

Лысоватые джентльмены, как и раньше, оживляются, беседуя с ней: она такая доброжелательная, так широко мыслит, так тонко все понимает. Но вот, заслышав бой часов, они со вздохом отрываются от нее и возвращаются домой, иные к своим глупым и сварливым половинам.

История пятая КАК ДЖОИ ЛАВРИДЖ - НА ОПРЕДЕЛЕННЫХ УСЛОВИЯХ - СОГЛАСИЛСЯ НЕ

НАРУШАТЬ КОМПАНИЮ

Наиболее ярким членом Автолик-клуба

[Автолик - в греческой мифологии сын Гермеса, ловкий разбойник, “самый вороватый из людей”, обитавший на Парнасе, похитивший стада Сисифа. Будучи дедом Одиссея, считался одним из величайших мифических хитрецов. Обучал искусствам борьбы Геракла.]

бесспорно являлся Джои Лавридж. Те, кто видел его впервые - невысокого, круглолицего, гладко выбритого джентльмена с несколько длинноватыми мягкими каштановыми волосами, разделенными посредине пробором, - принимали его за человека более юного, чем он на самом деле являлся. Рассказывали, что одна леди (ведущая романистка, как она сама себя называла), возмущенная его вежливым, но твердым отказом допустить ее в свой служебный кабинет, влепила ему однажды пощечину, полагая, что имеет дело с посыльным. Гости Автолик-клуба, будучи представлены Джои Лавриджу, просили его передать сердечные приветы его отцу, которого вспоминали по проведенным вместе школьным годам. Подобные казусы способны вывести из себя человека, лишенного чувства юмора. Джои Лавридж рассказывал эти байки сам, получая явное удовольствие от подобных шуток, - подозревали даже, что наиболее невероятные из них он сам же и сочиняет. Еще одним обстоятельством, снискавшим популярность Джои Лавриджу повсюду, было, наряду с его обаянием, остроумием, поистине милым нравом и переполненностью всяческими смешными историями то, что он намеренно предпочитал оставаться холостяком, и это ему удавалось. Предпринималось немало попыток подцепить его в мужья, и с течением лет особого спада интереса к подобной охоте не наблюдалось. Преодолев слабости и порывы, столь опасные в юношестве, обретя в зрелости уравновешенность и трезвость, являясь обладателем постоянно растущего, вложенного в надежные акции капитала вкупе с постоянно растущим доходом от собственного пера, став хозяином со вкусом обставленного дома, выходящего окнами на Риджентс-Парк, будучи изысканным кулинаром-любителем и умелым домоправителем, а также имея по большей части родственников в колониях, Джозеф Лавридж при

том, что неопытные девицы могли пройти мимо него с презрительной усмешкой, считался у дам, имевших более зрелые жизненные взгляды, тем лакомым кусочком, который куда как не часто предстает взорам незамужних женщин. Опытные лисы - как убеждают нас добродушные сельские джентльмены - вовсе не прочь потягаться с гончими. Как бы то ни было, ясным выходило одно: Джозеф Лавридж, будучи, как считалось, человеком, уверенным в себе, не выказывал особого неудовольствия в отношении подобной охоты. Возможно, в целом он и предпочитал общество мужчин, где можно более свободно смеяться и шутить, где можно бездумно и без особой осторожности тут же выкладывать все свои истории. Однако, с другой стороны, Джои не предпринимал попыток избежать женского общества, если в нем оказывался; и тогда ни один кавалер не мог сравниться с ним по части любезности, ненавязчивой внимательности. Юноши застывали в завистливом восхищении при виде того, с какой легкостью умел Джои буквально в пять минут запросто начать ворковать с ослепительной красавицей, чья царственная неприступность многие месяцы повергала их в боязливое содрогание, с какой смелостью он прямо-таки брал под свое крыло самую очаровательную девушку в зале, заставляя ее, словно по волшебству, прятать миллион своих колючек, усмиряя, рассеивая в избытке наполнявшее ее чувство высокомерия. Скорее всего, секрет его успеха заключался в том, что он не боялся женщин. Поскольку он ожидал от них лишь благожелательного общения, способности оценить его шутки - на которые не отозваться могли лишь круглые тупицы, - а также сравнительной осведомленности и рассудительности для поддержания интересной беседы, Джои не оставлял им возможности за что-либо уцепиться. Грубо говоря, приятельницы Джозефа делились на две группы: незамужние, которые сами хотели выйти за него замуж, и замужние, которые хотели женить его на ком-либо из своих приятельниц. Последние меж собой считали, что это будет просто социальная катастрофа, если Джозеф Лавридж навсегда останется холостяком.

- Вот уж поистине восхитительный муж для Бриджит!

- Или для Глэдис. Интересно, как поживает старушка Глэдис?

- Ах, какой он славный и милый малыш!

- Подумать только, такие мужчины женятся, а он, какая жалость!

- Интересно, был ли он когда-нибудь влюблен?

- Боже, дорогая, неужто ты полагаешь, что мужчина дожил до сорока и ни разу не был влюблен?

Этот вопрос сопровождался вздохами.

- Как бы хотелось надеяться, что, если такой человек женится, его избранница окажется достойной. Мужчины так легковерны.

- Меня бы не удивило, если бы у них вышло что-то с Бриджит. Она такая славная, эта Бриджит, такая чудная.

- Но я бы сказала, что ему больше подходит Глэдис. Как было бы хорошо, если бы бедняжка Глэдис смогла устроить свою судьбу.

Незамужние предпочитали не делиться своими мыслями. Каждая по размышлении находила основания считать, что Джозеф Лавридж выказал предпочтение именно ей. Каково же было ее раздражение, когда при дальнейшем размышлении она приходила к выводу, что Джозеф Лавридж выказывал подобные знаки внимания большинству ее подруг.

Тем временем Джозеф Лавридж благополучно следовал своим путем. В восемь утра экономка Джозефа входила в комнату, внося чай с сухим бисквитом. В восемь пятнадцать Джозеф Лавридж вставал и начинал делать сложные гимнастические упражнения с помощью резиновых подтяжек, что гарантировало при условии регулярных занятий придание изящества телу и эластичности мышцам. Джозеф Лавридж занимался гимнастикой регулярно в течение многих лет и лично был доволен полученным результатом, каковой, известный, впрочем, только ему одному, превышал все его ожидания. В половине девятого Джозеф Лавридж завтракал. По понедельникам, средам и пятницам он пил чай, заваренный собственноручно, ел яйцо, сваренное собственноручно, а также два тоста, один намазанный джемом, другой - маслом. По вторникам, четвергам и субботам Джозеф Лавридж вместо яйца употреблял тонкий ломтик бекона. По воскресеньям Джозеф Лавридж ел и яйцо, и бекон и вдобавок позволял себе на полчаса подольше почитать газету. В девять тридцать Джозеф Лавридж выходил из дома, отправляясь на службу в редакцию одного почтенного журнала, где состоял бессменным и уважаемым заведующим отделом городских новостей. Покинув свою

контору в половине второго, Джозеф Лавридж в час сорок пять входил в помещение Автолик-клуба и усаживался за ленч. С подобной же точностью, насколько это возможно применительно к заведующему отделом городских новостей, была организована и вся остальная жизнь Джозефа Лавриджа. В понедельник вечером Джозеф пребывал в кругу знакомых музыкантов в Брикстоне. В пятницу Джозеф посещал театр. По вторникам и четвергам он был доступен для приглашений к обеду. По средам и субботам приглашал четверых друзей отобедать к себе на Риджентс-Парк. По воскресеньям Джозеф Лавридж в любое время года предпринимал поездки за город. Специальное время он отводил и для чтения, и для размышлений. Повсюду - на Флит-стрит, в Тироле, на Темзе и в Ватикане - его можно было издалека узнать по серому сюртуку, лакированным ботинкам, коричневой фетровой шляпе и лавандового цвета галстуку. Этот человек - неисправимый холостяк. И потому, когда слух о том, что он обручился, проник под прокуренные своды Автолик-клуба, все отказывались в это поверить.

- Это невозможно! - заявил Джек Херринг. - Я лет пятнадцать близко знаю Джои. У него все расписано по минутам. Он просто не мог бы выкроить время для брака.

- Он не любитель женщин, во всяком случае до такой степени. Я знаю, он сам мне об этом говорил! - пояснил поэт Александр. - Он считает, что женщины - воплощение артистизма общества, что с ними приятно проводить время, но жить - слишком обременительно.

- Помнится мне, - заметил Малыш, - он рассказывал одну историю, вот в этой самой комнате месяца, этак, три тому назад. Возвращались они как-то небольшой компанией из Девоншира. Они весело провели там вечер, и кто-то - Джои точно не помнил кто - предложил заглянуть к нему на прощальный бокал виски. Вот сидят они в гостиной, беседуют, смеются, как вдруг появляется хозяйка, всю прелесть наряда которой, по словам Джои, составляла его пестрота. Весьма миловидная женщина, отметил Джои, только чрезмерно разговорчивая. И едва лишь возникла пауза, Джои, обратившись к сидящему рядом мужчине, по виду скучающему, шепотом заметил ему, что им самое время уйти. “Вы, пожалуй, уходите, - ответствовал джентльмен скучающего вида. - А мне, к сожалению, нельзя, видите ли, я тут живу”.

- Никогда не поверю! - сказал Сомервиль, адвокат без практики. - Вечно он сыплет своими шутками, верно, какая-нибудь дурища восприняла его всерьез.

Однако эта версия переросла в устойчивый слух, обросла деталями, утратив всю свою прелесть, и наконец обрела вид чистой констатации факта. Более недели Джои не показывался в клубе, что уже само по себе стало убийственным подтверждением молвы. Теперь всех интересовало: кто она, какова она из себя?

- Она явно не из нашего круга, а то бы мы непременно услышали что-то от ее друзей, - прозорливо заметил Сомервиль, адвокат без практики.

- Непременно, какая-нибудь препротивная куклешка, которая всех нас затанцует, а ужин подать позабудет! - с боязнью высказался Джонни Бастроуд, обычно именуемый Птенчиком. - Мужчины в возрасте вечно влюбляются в молоденьких.

- Сорок лет, - холодно заметил Питер Хоуп, редактор и один из владельцев журнала “Хорошее настроение”, - это еще не возраст.

- Но это и не юность, - упирался Джонни.

- Тебе же лучше, Джонни, если она молоденькая, - вставил Джек Херринг. - Будет с кем порезвиться. А то временами мне бывает тебя жаль, кроме взрослых, тебе и пообщаться-то не с кем!

- Да уж, в определенном возрасте все становятся скучны, - согласился Птенчик.

- Я надеюсь, - сказал Питер, - что это какая-нибудь рассудительная и славная женщина лет чуть больше тридцати. Наш Лавридж такой чудный человек, а сорок лет - прекрасный возраст для женитьбы.

- Ну вот, если я не женюсь до сорока… - начал Птенчик.

- Не стоит так убиваться, - прервал его Джек Херринг, - ты у нас такой красавчик! Вот будешь паинькой, зимой закатим бал, выведем тебя в свет и сбудем с рук - оглянуться не успеешь!

Стоял август. Джои отправился отдыхать, опять-таки не заглянув в клуб. Даму звали Генриэтта Элизабет Дуун “Морнинг пост” сообщала, что она имеет отношение к глостерширским Дуунам.

- Глостерширские Дууны, глостерширские Дууны - задумчиво повторяла мисс Рэмсботэм, журналистка, занятая светской хроникой, автор еженедельной рубрики “Письмо к Клоринде”, обсуждая проблему с Питером Хоупом в редакции “Хорошего настроения”. - Я знала одного Дуна, владельца большой дешевой лавки на Юстон-Роуд, считавшего себя аукционистом. Он прикупил себе в Глостершире небольшое имение и добавил к своему имени букву “у”. Интересно, это тот или не тот?

- Была у меня кошка по имени Элизабет, - сказал Питер Хоуп.

- Не понимаю, при чем здесь кошка!

- Собственно говоря, ни при чем, - согласился Питер. - Только я ее очень любил. Удивительно мудрое животное и, будучи кошкой, с другими сородичами совершенно не общалась и терпеть не могла гулять позже десяти вечера.

- Куда же она делась? - поинтересовалась мисс Рэмсботэм.

- Упала с крыши, - со вздохом ответил Питер Хоуп. - Гулять по крышам ей было не свойственно.

Бракосочетание состоялось за пределами Англии, в англиканской церкви в Монтре. Домой чета Лавриджей возвратилась в конце сентября. Члены Автолик-клуба решились поднести презент в виде чаши для пунша, сопроводив его своими визитками, после чего с нетерпением и любопытством ожидали быть представленными новобрачной. Однако приглашения не последовало. Равно как и сам Джои не показывался в клубе в течение месяца. Как вдруг одним пасмурным днем Джек Херринг, очнувшись после легкой дремоты, обнаружил, что сигара во рту потухла и что в курительной комнате кроме него есть еще кто-то. В дальнем углу у окна сидел Джозеф Лавридж и читал журнал. Джек Херринг в удивлении протер глаза, затем поднялся и направился через комнату.

- Сначала мне показалось, что я сплю, - описывал этот эпизод позже вечером того же дня Джек Херринг. - Передо мной сидел, попивая как ни в

чем не бывало свой послеобеденный виски с содовой, Джои Лавридж, тот, которого я знаю лет пятнадцать. И в то же время не совсем тот. Все те же знакомые черты, ничто в нем не изменилось, и все-таки он выглядел как-то по-другому. Тот же облик, та же одежда, но человек другой. Мы проговорили с полчаса: он припомнил все шутки, свойственные Джои Лавриджу. Это было непостижимо. Но вот пробили часы, и он поднялся, сказав, что должен быть дома в полшестого. И тут меня внезапно осенило: “Джои Лавридж перестал существовать; его место занял женатый человек”.

- Нас не интересуют ваши жалкие потуги предстать автором психологического романа, - заявил Сомервиль, адвокат без практики. - Нас интересует, о чем вы с ним беседовали. Несуществующий или женатый, но человек, способный употреблять виски с содовой, должен отвечать за свои поступки. Что это за фокусы, почему этот негодник позволяет себе отказываться от друзей? Может, он справлялся о ком-нибудь из нас? Просил кому-нибудь что-нибудь передать? Может быть, он приглашал кого-то из нас посетить его?

- Ну да, он справлялся практически обо всех, я этого дождался. Но ничего никому передать не просил. Сдается мне, он не слишком тоскует по старым друзьям.

- Что ж, завтра же утром отправлюсь к нему в редакцию, - заявил Сомервиль, адвокат без практики, - и, если потребуется, проникну к нему силой. Что за таинственность, в самом деле!

Однако по возвращении Сомервиль озадачил членов Автолик-клуба еще более. Джои рассуждал о погоде, о нынешнем состоянии политических партий, с нескрываемым интересом выслушивал всякие сплетни о старых друзьях, однако ни словом не обмолвился ни о себе, ни о своей супруге, чтобы прояснить ситуацию. Миссис Лавридж здорова. Родные миссис Лавридж здоровы. Но в настоящее время миссис Лавридж не принимает.

Не будучи ограничены во времени, члены Автолик-клуба решили заняться частным расследованием. Оказалось, что миссис Лавридж интересная, со вкусом одевающаяся дама в возрасте, как и надеялся Питер Хоуп, около тридцати. С одиннадцати утра миссис Лавридж занималась покупками в районе Хэмпстед-роуд. Днем в нанятом экипаже миссис Лавридж медленно разъезжала по Парку, с величайшим интересом, как

было отмечено, разглядывая пассажиров проезжающих мимо экипажей, однако не будучи знакома, по всей видимости, ни с кем из них. Как правило, экипаж подъезжал к конторе Джои в пять часов, и чета Лавриджей возвращалась домой. Будучи самым старым приятелем Джозефа Лавриджа, Джек Херринг, подстрекаемый прочими членами клуба, решил взять быка за рога и смело заявиться к нему без приглашения. Но всякий раз миссис Лавридж не оказывалось дома.

- Черт подери, ноги моей больше там не будет! - говорил Джек. - Я знаю, когда я пришел во второй раз, она была дома! Я проследил, как она вошла в дом. Да ну их к чертям, эту заносчивую парочку!

Недоумение друзей сменилось негодованием. Время от времени Джои, вернее, лишенная души его тень, наведывался в клуб, где некогда все члены с улыбкой поднимались ему навстречу. Теперь они отвечали ему резко и отворачивались от него. Как-то раз Питер Хоуп застал его там в одиночестве, стоящим заложив руки в карманы у окна. Как он сам утверждал, Питеру было пятьдесят, а может, и побольше; сорокалетние мужчины казались ему юношами. Потому Питер, который терпеть не мог недомолвок, решительно подошел к Джои и хлопнул его по плечу.

- Я хочу знать, Джои, - сказал Питер, - продолжать ли мне относиться к вам с симпатией или мне резко переменить о вас мнение. Давайте начистоту!

Джои повернулся к нему, и на лице его было написано такое страдание, что сердце Питера дрогнуло.

- Если бы вы знали, как мне тяжело! - сказал Джои. - Мне, кажется, ни разу в жизни не было так плохо, как последние три месяца.

- Я полагаю, это все из-за супруги? - осведомился Питер.

- Она славная девочка. Но у нее есть один недостаток.

- Однако он слишком велик, - продолжил Питер. - Я бы на вашем месте попытался излечить ее от него.

- Излечить! - воскликнул несчастный Джои. - Уж лучше бы вы посоветовали мне пробить собственной головой кирпичную стену. Я и

представления не имел, что такое женщины. Даже помыслить себе не мог.

- Но чем мы ей не угодили? Мы люди благопристойные, в значительной мере образованные…

- Дорогой мой Питер, неужто вы полагаете, что я ей этого не говорил, к тому же сотню тысяч раз! Ах, женщины! Стоит чему-то втемяшиться им в голову, и никакой силой это не выбьешь, только хуже сделаешь. Из всяких юмористических журналов она составила себе превратное представление о том, что такое богема. И в этом наша вина, мы создали это собственными руками. Попробуйте, убедите ее теперь, что все это клевета!

- Но почему бы ей самой не повстречаться с нами, чтобы составить собственное суждение? Ведь есть Порсон - он бы мог стать епископом. Или Сомервиль - его оксфордское произношение буквально растрачивается попусту. Ему негде себя проявить!

- Если бы только это, - признался Джо, - у нее имеются амбиции, причем связанные с происхождением. Она считает, что из неродовитых не может получиться ничего стоящего. В настоящее время у нас всего трое друзей, и, насколько я могу судить, больше не будет. Ах, дорогой Питер, вы не поверите, до какой степени это скучные люди! Скажем, семейная пара, по фамилии Холиоэйк. Они у нас обедают по вторникам, а мы у них по четвергам. Единственной их жизненной заслугой является то, что их близкий родственник состоит в Палате Лордов; сами они ровным счетом ничего из себя не представляют. Этот кузен вдовец, и ему под восемьдесят. Случилось, что он у них единственный родственник, и как только он умрет, они собираются удалиться в деревню. Еще есть один субъект, по имени Катлер, который в связи с какой-то подачкой однажды побывал в Марльборо-Хаус.

[Бывшая резиденция членов королевской семьи.]

Послушали ли бы вы его рассуждения о монаршей власти! Но самая докучливая из них - некая говорливая женщина, у которой, насколько мне удалось выяснить, даже имени, по существу, нет. На визитках у нее

значится “мисс Монтгомери”, но это ее собственное изобретение. Знать бы, кто она есть на самом деле! Это бы, несомненно, потрясло основы нашего общества. Мы сидим и рассуждаем об аристократии и более ни с кем не общаемся. Однажды я позволил себе несколько съязвить для разнообразия - рассказывая о своих встречах с принцем Уэльским, я постоянно называл его Тедди. И хоть звучало это явно хвастливо, мои собеседники приняли все как должное. Я был до такой степени изумлен, что не решился вывести их из заблуждения, в результате я сделался для них чем-то вроде божества. Они не отстают от меня, не прекращают расспрашивать. Как мне быть? Я совершенно теряюсь в их обществе. До этого мне ни разу в жизни не приходилось иметь дела с такими отъявленными идиотами. Разумеется, канонический тип известен всем, но эти, можете мне поверить, просто беспробудные. Я попытался оскорблять их, они даже не понимают, что их оскорбляют! Не знаю, что нужно сделать, чтобы их проняло, должно быть, турнуть с кресел и пихнуть посильнее коленом под зад.

- Ну а миссис Лавридж? - сочувственно спросил Питер. - Как она…

- Между нами говоря, - сказал Джои, понижая голос до необязательного шепота - они с Питером были единственными собеседниками в курительной, - я бы не смог признаться в этом нашим более молодым коллегам, но, между нами говоря, жена моя - прелестная женщина. Просто надо ее получше узнать.

- Но, судя по всему, у меня нет такой возможности, - с усмешкой заметил Питер.

- Она такая женственная, такая возвышенная, такая… такая царственная женщина, - продолжал миниатюрный джентльмен с нарастающим пылом. - У нее только один недостаток - отсутствие чувства юмора.

Как уже говорилось, Питер взирал на сорокалетних мужчин как на мальчишек.

- Мой дорогой друг, что бы вас ни побудило…

- Я знаю… я все знаю, - перебил его незрелый собеседник. - В природе так специально устроено. Поджарые смазливые зануды женятся на коротышках со вздернутыми капризными носиками. А темпераментные коротышки вроде меня предпочитают женщин серьезных, высокомерных.

Если бы все было наоборот, род человеческий состоял бы из устойчивых подвидов.

- Разумеется, если вы движимы чувством общественного долга…

- Не будьте идиотом, Питер Хоуп, - перебил его миниатюрный джентльмен. - Я люблю свою жену, как и она меня, и буду любить всегда. Я знаком с одной женщиной, которая обладает чувством юмора, и из двоих я предпочту ту, у которой его нет. Юнона - мой идеал женщины. Я готов перенести все превратности судьбы. Как можно видеть перед собой веселую щебетунью Юнону и не влюбиться в нее?

- Так вы готовы отказаться от всех своих старых друзей?

- Ни в коем случае! - в отчаянии воскликнул миниатюрный джентльмен. - Вы представить себе не можете, в какой ужас повергает меня лишь мысль об этом! Передайте им, чтоб набрались терпения. Я открыл секрет взаимоотношения с женщинами: с ними нельзя позволять себе резких действий.

Часы пробили пять.

- Теперь мне пора, - сказал Джои. - Прошу вас, Питер, не судите ее строго и передайте то же остальным. Она славная девочка. Вот увидите, она понравится и вам, и всем другим. Славная девочка! С одним лишь недостатком.

И Джои откланялся.

В тот вечер Питер старался изо всех сил изложить друзьям реальное положение вещей так, чтобы не набросить тень на миссис Лавридж. Задача была не из легких, и нельзя сказать, что Питер справился с ней наилучшим образом. Гнев и презрение по отношению к Джои обернулись жалостью к нему. Кроме того, члены Автолик-клуба испытали некоторое чувство досады в отношении себя самих.

- Да за кого принимает нас эта женщина? - воскликнул Сомервиль, адвокат без практики. - Неужто ей неизвестно, что мы обедаем с настоящими актерами и актрисами, что раз в год нас приглашают отобедать в Мэншен-Хаус?

[Официальная резиденция лорд-мэра лондонского Сити с большим банкетным залом, где устраиваются официальные приемы.]

- Неужто она не слышала о том, что существует аристократизм таланта? - в страхе вопрошал Малыш.

- Надо бы кому-то из нас перехватить эту женщину, - предложил Птенчик, - принудить ее вступить в короткую беседу. Я подумываю, чтобы предложить собственную кандидатуру.

Джек Херринг ничего не сказал и, казалось, о чем-то задумался.

На следующее утро Джек Херринг, по-прежнему пребывая в задумчивости, наведался в редакцию “Хорошего настроения”, что на Крейн-Корт, и позаимствовал у мисс Рэмсботэм справочник аристократических семейств. Дня через три Джек Херринг походя заметил членам клуба, что накануне вечером он отобедал вместе с мистером и миссис Лавридж. Члены клуба вежливо дали Джеку Херрингу понять, что считают его вруном, и наперебой потребовали объяснений.

- Если бы я у них не был, - с убийственной логикой заметил Джек Херринг, - зачем бы мне вам об этом сообщать?

Подобный ответ вызвал раздражение у клуба, еще больше подогрев любопытство его членов. Трое, действуя в интересах общего дела, торжественно вызвались принять на веру все, что говорил Джек. Однако Джек Херринг почувствовал себя уязвленным.

- Если джентльмены бросают тень на репутацию им подобного…

- Мы не бросаем тень, - пояснил Сомервиль, адвокат без практики. - Мы просто сказали, что этого не может быть. Мы не сказали, что не верим вам вообще, речь идет о единичном случае. Если вы изложите нам подробности, содержащие очевидное правдоподобие, подкрепленные фактами, которые бы не чрезмерно противоречили друг другу, мы готовы отказаться от своих естественных подозрений и допустить, что ваше

заявление точно соответствует истине.

- Как я был глуп! - сказал Джек Херринг. - Я полагал, что вас позабавит мой рассказ о том, что из себя представляет миссис Лавридж, о том, каков дядюшка миссис Лавридж. Воистину мисс Монтгомери, приятельница миссис Лавридж, - одна из удивительнейших женщин, каких мне приходилось встречать. Разумеется, это не ее настоящее имя. Но, как я уже сказал, я был глуп. Что вам эти люди - вы никогда не увидите, никогда не встретите их! Какой интерес они могут для вас представлять!

- Просто там забыли занавесить окна, и Джек вскарабкался на фонарь и оттуда подсматривал! - выдвинул свою гипотезу Малыш.

- Я снова обедаю с ними в субботу, - с вызовом произнес Джек Херринг. - Пусть кто-нибудь, только при условии, что не станет мне мешать, специально прогуляется вдоль Парка под сенью ограды и посмотрит, войду я в дом или нет. Мой экипаж подъедет к дверям в самом начале восьмого.

В качестве проверяющих вызвались отправиться Птенчик с Поэтом.

- Не возражаете, если мы прогуляемся чуть-чуть подольше на случай, если вас снова выставят за дверь? - спросил Птенчик.

- Что касается меня, то я нисколько не против, - отвечал Джек Херринг. - Только не загуливайся допоздна, мама будет волноваться.

- Это чистая правда! - позднее отчитывался Птенчик. - Дверь открыл лакей, и Джек сразу вошел внутрь. Мы прослонялись там с полчаса. Если только его не выдворили с черного хода, он говорит чистую правду.

- Он назвал себя? - спросил Сомервиль, покручивая ус.

- Нет, мы не слышали, поскольку слишком далеко находились, - пояснил Птенчик. - Но то, что это был Джек, точно; насчет этого не может быть никаких сомнений.

- Может, и так, - заметил Сомервиль, адвокат без практики.

На следующее утро в редакцию “Хорошего настроения” на Крейн-Корт наведался Сомервиль, адвокат без практики, и также попросил у мисс

Рэмсботэм справочник аристократических семейств.

- Что бы все это значило? - поинтересовалась помощник редактора.

- Вы о чем?

- Я о внезапном интересе, который у всех у вас возник к сословной знати.

- У всех у нас?

- Ну да, на прошлой неделе заходил Джек Херринг, весь день сидел над этой книгой, при этом поглядывая в развернутую перед собой “Морнинг Пост” А теперь вы.

- Ах, так Джек Херринг тоже заглядывал к вам? Так я и думал. Никому ни слова, Томми. Я после все объясню.

В следующий понедельник адвокат без практики объявил членам клуба, что он получил приглашение к Лавриджам на обед в ближайшую среду. Во вторник адвокат без практики вошел в клуб неторопливой, величавой походкой. Остановившись прямо перед старым Гослином, швейцаром, возникшим из-за своей стойки с намерением обсудить результаты состязаний по гребле в Оксфорде и Кэмбридже, Сомервиль, небрежно сняв шляпу, без единого слова протянул ее старику. Старый Гослин, будучи крайне изумлен, машинально взял шляпу, в то время как адвокат без практики, стряхнув с плеч плащ с капюшоном, легонько кинул его следом за шляпой и пошел себе дальше, даже не заметив, что старый Гослин непривычный к тому, чтобы ему легко и элегантно швыряли верхнюю одежду, принял плащ на голову, попутно уронив шляпу, и, как пишется в суфлерских текстах, был “оставлен биться в одиночку”. Адвокат без практики, войдя в курительную комнату, приподнял стул, с громким стуком поставил его на пол, а усевшись, заложил ногу за ногу и позвонил в колокольчик.

- Ишь как у вас здорово получается, - одобрительно сказал Малыш. - Прямо точь-в-точь он самый и есть!

- Вы о чем? - спросил адвокат без практики, как бы очнувшись ото сна.

- Я про клиента отеля “Адельфи”, где платят по восемнадцать пенсов за ночь, - пояснил Малыш. - Очень похоже у вас получилось!

Адвокат без практики, бормоча себе под нос что-то насчет того, что хуже нет связываться с газетчиками, того и гляди переймешь их отвратительные манеры, выпил свой виски при полном молчании окружающих. Позже Птенчик клялся на “Рекламном справочнике” Селла, что, проходя через Парк, видел, как адвокат без практики, перегнувшись через перила Роттен-Роу, поигрывал тростью с серебряным набалдашником в руках, затянутых в новые лайковые перчатки.

В конце недели как-то утром Джозеф Лавридж, выглядевший лет на двадцать моложе, чем в тот раз, когда они беседовали с Питером, заглянул в редакцию “Хорошего настроения” и поинтересовался о самочувствии Питера Хоупа, а также о том, что он думает насчет нынешней стоимости приисков “Эмма”.

Питер Хоуп высказал опасение, что горячка азартных игр может распространиться на все слои общества.

- Я хочу, чтобы вы отобедали у нас в субботу, - сказал Джозеф Лавридж. - Будет Джек Херринг. Можете взять с собою Томми.

Подавив в себе изумление, Питер Хоуп сказал, что был бы счастлив и полагает, что Томми также в субботу свободна.

- А что, разве миссис Лавридж отлучилась из города? - осведомился Питер Хоуп.

- Напротив, - отвечал Джозеф Лавридж. - Я хочу, чтобы вы с нею познакомились.

Сняв стопку книг с одного стула, Джозеф Лавридж аккуратно поместил ее на другой, после чего прошел и встал у камина.

- Вы, конечно, можете отказаться, - сказал Джозеф Лавридж, - но, если не возражаете, я хотел бы просить, чтоб вы представились, всего на один вечер, ну, скажем, герцогом Уоррингтонским.

- Простите, кем? - переспросил Питер Хоуп.

- Герцогом Уоррингтонским, - повторил Джои. - Нам как раз не хватает герцога. А Томми может представиться леди Аделаидой, вашей дочерью.

- Не сходите с ума! - сказал Питер Хоуп.

- А я и не схожу, - заметил Джозеф Лавридж. - Настоящий герцог сейчас проводит зиму в Египте. Вы вернулись на недельку, по причине важных дел. Что касается леди Аделаиды, тут все проще, таковой вообще не существует.

- Но какого черта вам потребовалось… - начал Питер Хоуп.

- Неужто вы не поняли, что я затеваю? - не унимался Джои. - Джеку первому пришла в голову эта идея. Сначала меня это пугало, но все складывается наичудеснейшим образом. Она знакомится с вами и видит, что вы джентльмен. А когда правда откроется - а это неизбежно должно произойти, - ей останется только посмеяться.

- Вы надеетесь, что это доставит ей удовольствие? - спросил Питер Хоуп.

- Это единственный путь, к тому же изумительно простой. Теперь мы об аристократичности не говорим - считаем это слишком узкой темой для разговоров. Просто развлекаемся, и все. С вами, к слову сказать, я познакомился, увлекшись движением за рациональную одежду. Вы - личность со своими причудами, обожаете общаться с богемой.

Разумеется, - продолжал Джои, - я понимаю, что рискую. Но результат стоит того. Я больше так не могу. Мы действуем не спеша и весьма осмотрительно. Джек у нас - лорд Маунт-Примроуз, который сблизился с противниками вакцинации и в обществе предпочитает не показываться. Сомервиль - сэр Фрэнсис Болдуин, выдающийся специалист по многоножкам. На будущей неделе явится Малыш под видом лорда Гаррика, который женился на балерине, некой Присси, и открыл мебельный магазин на Бонд-стрит. Сначала мне было нелегко. Она собиралась разослать уведомление в газеты, и я объяснил ей, что это пошло, - что, если к вам запросто в дом являются знатные люди, объявления в газетах считаются дурным вкусом. Она славная девочка, как я вам уже говорил, и у нее всего один недостаток. Женщины, более доверчивой, чем она, нельзя и желать. Честно говоря, я считаю, что правда

может вообще не выявиться, если мы будем вести себя с умом.

- По-моему, свой ум вы уже утратили, - заметил Питер. - Вы заходите слишком далеко.

- В нашем случае чем дальше, тем лучше, - сказал Джои. - Нам нужно помочь друг другу. Кроме того, я хочу, чтобы именно вы участвовали в этом деле. Вы привнесете с собой бессмертный дух мистера Пиквика, что способно развеять все подозрения.

- Не впутывайте меня в свои игры! - проворчал Питер.

- Учтите, - со смехом сказал Джои, - вы приходите ко мне под видом герцога Уоррингтонского и вместе с Томми, а я напишу для вас обзор городских новостей.

- Большой? - уцепился за слово Питер. Бескорыстного редактора городских новостей сыскать нелегко.

- Ну, как скажете.

- При подобной договоренности, - сказал Питер, - я готов в вашем доме корчить из себя идиота.

- Вы скоро привыкнете! - заверил его Джои. - Итак, воскресенье, восемь часов, незамысловатый вечерний костюм. Если вам нравится, можете продеть красную ленточку в петлицу. Ее можно приобрести у Эванса в Ковент-Гарден.

- А Томми зовут леди…

- Аделаида. Пусть выкажет литературный вкус, тогда ей необязательны перчатки. По-моему, она их терпеть не может. - И Джои повернулся, чтобы уйти.

- А я женат? - спросил Питер.

Джо подумал и сказал:

- На вашем месте я бы стал избегать всяких разговоров о вашем

семейном положении. У вас в прошлом были некоторые сложности в связи с браком.

- Да что вы, неужели? Вы не думаете, что это может не понравиться миссис Лавридж?

- Я уже поинтересовался на этот счет. Она славная, здравомыслящая девочка. Я пообещал не оставлять вас наедине с мисс Монтгомери, а Уиллис не должен позволять вам мешать напитки.

- Мне бы хотелось быть субъектом пореспектабельнее! - пробурчал Питер.

- Нам действительно нужен герцог, - пояснил Джои, - а этот - единственный, который подходит по всем статьям.

Обед имел исключительный успех. Войдя во вкус, Томми купила себе новую пару ажурных чулок и научилась говорить лениво растягивая слова. Питер, с возрастом сделавшийся забывчивым, представил ее как леди Александру; собственно, какая разница, оба имени начинались на “а”. Леди при встрече назвала лорда Маунт-Примроуза не иначе как “Билли” и заботливо справилась о самочувствии его мамаши. Джои выдавал свои самые восхитительные истории. Герцог Уоррингтонский называл всех без титулов, по именам, и выказывал большую осведомленность насчет богемной жизни, - более симпатичного аристократа трудно было себе вообразить. Дама, чье настоящее имя не было мисс Монтгомери, молча, с замиранием сердца наблюдала за происходящим. Хозяйка была необычайно мила и обходительна.

За этим последовали другие, проходившие с равным успехом обеды. Крут знакомых Джои, казалось, был ограничен исключительно высшими слоями британской аристократии, с одним лишь исключением: то был немецкий барон, низенький, толстый джентльмен, прикладывавший, стараясь казаться внушительным, палец к правой ноздре и при этом тянувший физиономию прямо к носу собеседника. Миссис Лавридж недоумевала, почему ее супруг не познакомил ее раньше со своими друзьями но восторг гасил в ней подозрительность. Мало-помалу члены Автолик-клуба перенимали иную манеру речи. Теперь уже друзья не могли узнать друг друга по голосу. В каждом углу клуба каждый наедине с собой

практиковался, воспроизводя интонации высшего общества. Члены клуба завели привычку обращаться друг к другу не иначе как “дорогуша” и, отказавшись от трубок, принялись курить дешевые сигареты. Многие из завсегдатаев покинули клуб.

Так могло бы продолжаться и дальше без сучка и задоринки, если бы миссис Лавридж полностью доверила все, что касалось организации общения, своему супругу и не пыталась бы помочь ему со своей стороны. Однажды в самом разгаре всей этой поры мистер Джозеф Лавридж и его супруга были приглашены на некий политического толка прием на открытом воздухе. В последний момент мистер Лавридж пойти на прием не смог. Миссис Джозеф Лавридж отправилась туда одна, где и познакомилась с различными представителями британской аристократии. Привыкшая к общению с аристократией, миссис Лавридж чувствовала себя непринужденно, вела себя мило и естественно. Супруга одного влиятельного пэра, побеседовав с ней, прониклась к ней симпатией. И миссис Джозеф Лавридж взбрело в голову пригласить эту самую леди посетить их дом на Риджент-Парк, где бы она встретилась с представителями своего круга.

- В будущее воскресенье у нас обедают лорд Маунт-Примроуз, герцог Уоррингтонский и кое-кто еще, - сказала миссис Лавридж. - Не окажете ли нам честь своим появлением? Мы с мужем, конечно, люди совсем не знатные, но с нами многие любят общаться.

Супруга влиятельного пэра взглянула на миссис Лавридж, посмотрела вокруг себя, снова взглянула на миссис Лавридж и сказала, что придет с удовольствием. Сначала миссис Лавридж хотела сообщить супругу о своем успехе, но какой-то чертенок, вселившийся в нее, принялся нашептывать, что получится гораздо интереснее, если она сохранит пока все это в тайне, а в восемь часов в воскресенье все откроется, и она преподнесет ему это как сюрприз. Ее сюрприз превзошел все ожидания.

Герцог Уоррингтонский, которому потребовалось обсудить с Джозефом Лавриджем кое-какие журналистские проблемы, прибыл в половине восьмого с серебряной звездой, приколотой к манишке, купленной накануне на Игл-стрит за восемь шиллингов и шесть пенсов. Герцог явился в сопровождении леди Александры в рубиновом ожерелье, точь-в-точь таком, в краже которого ошибочно обвиняли вот уже полгода каждый

вечер и дважды по субботам известного Джона Весельчака. Лорд Гэррик, подхватививший свою супругу (мисс Рэмсботэм) у ресторации “Матушка Красный Колпачок”, пожаловал с нею пешим ходом без четверти восемь. Лорд Маунт-Примроуз вместе с сэром Фрэнсисом Болдуином прибыли в экипаже в семь пятьдесят. Его сиятельство лорд, проиграв в орлянку, заплатил кучеру. Достопочтенный Гарри Сайкс (он же Птенчик) был препровожден в гостиную через пять минут после того. Сиятельное общество, расположившись в гостиной, благодушно беседовало, ожидая, когда пригласят к столу. Герцог Уоррингтонский рассказал анекдот про кошку, который все восприняли с недоверием. Лорд Маунт-Примроуз выразил желание узнать, случайно не то ли это животное каждый вечер в полдесятого имеет обыкновение карабкаться по ограде его милости и стучать к его милости в дверь? Достопочтенный Гарри заметил, возвращаясь к разговору о кошках, что у него была как-то собака, терьер, - но в этот момент отворилась дверь и Уиллис объявил приход леди Мэри Саттон.

Мистер Джозеф Лавридж, сидевший у камина, поднялся. Лорд Маунт-Примроуз, стоявший у рояля, опустился на стул. Леди Мэри остановилась в дверях. Миссис Лавридж направилась ей навстречу.

- Позвольте представить вам моего супруга, - сказала миссис Лавридж. - Джои, дорогой, это леди Мэри Саттон. Я познакомилась с леди Мэри на днях у О’Мейерсов, и она была настолько мила, что приняла мое приглашение. Я забыла тебе об этом сообщить.

Мистер Лавридж сказал, что счастлив познакомиться; после чего он, несмотря на свою обычную разговорчивость, как в рот воды набрал. В гостиной воцарилось молчание.

До того момента Сомервиль являлся адвокатом без практики. Тот вечер стал считаться началом его успешной карьеры. До того в нем никто не находил ничего примечательного. Сомервиль подошел к леди Мэри и протянул руку.

- Вы помните меня, леди Мэри? - сказал адвокат без практики. - Мы встречались пару лет тому назад и увлекательно беседовали. Меня зовут сэр Фрэнсис Болдуин.

Мгновение леди Мэри молчала, пытаясь что-то вспомнить. Леди Мэри была интересная, цветущая женщина лет сорока, с открытым, доброжелательным взглядом. Леди Мэри взглянула на лорда Гаррика, который что-то быстро говорил лорду Маунт-Примроузу, хотя тот его не слушал, а если бы и слушал, ничего бы не понял, так как лорд Гаррик, сам того не замечая, перешел с английского на шотландский. С него леди Мэри перевела свой взгляд на хозяйку, затем на хозяина.

Леди Мэри пожала руку, протянутую ей.

- Ах, конечно, - сказала леди Мэри, - какая я рассеянная! Ведь это же было в день моей собственной свадьбы! Прошу вас простить меня. Да, мы долго с вами беседовали. Теперь я вспоминаю.

Миссис Лавридж, чья старомодная учтивость являлась для нее предметом личной гордости, принялась знакомить леди Мэри со своими гостями и была несколько удивлена, что ее светлость, как оказалось, мало кого из них знала. Здороваясь с герцогом Уоррингтонским, ее светлость как-то странно улыбнулась. И лишь дочери герцога Уоррингтонского она заметила:

- Дорогая, вы так выросли с тех пор, как я видела вас в последний раз!

Как все и предполагали, приглашение к столу несколько задержалось.

За столом особого веселья не ощущалось. Джои рассказал всего одну историю; он рассказывал ее трижды, при этом дважды терял нить повествования. Лорд Маунт-Примроуз посыпал pate de foie gras {Паштет из гусиной печенки (франц.)} сахарной пудрой и ел его ложкой. Лорд Гаррик, выражаясь на смеси английского с шотландским, убеждал свою супругу перестать вести домашнее хозяйство, а лучше всего снять квартирку на Гауэр-стрит, поскольку, как он подчеркивал, это центральная улица. Там ей станут присылать обеды, и все проблемы будут решены. Поведение леди Александры показалось миссис Лавридж и вовсе неучтивым. Миссис Лавридж всегда отмечала в этой юной аристократке некоторую эксцентричность, но сегодня ее эксцентричность была прямо-таки несносна. То и дело леди Александра утыкалась лицом в салфетку и принималась трясти головой и раскачиваться, издавая странные, приглушенные звуки, как бы от нестерпимой физической боли. Миссис

Лавридж вслух выразила надежду, что леди Александре не стало дурно, но леди Александра оказалась неспособной даже внятно ей ответить. Дважды за время обеда герцог Уоррингтонский вставал из-за стола и принимался расхаживать по комнате; и каждый раз на вопрос, не нужно ли ему чего-нибудь, герцог кротко отвечал, что ищет свою табакерку, и тут же снова садился. Казалось, единственным лицом, которое наслаждалось происходящим, была леди Мэри.

Дамы удалились наверх в гостиную. Нарушив долгое молчание, миссис Лавридж заметила вслух, дескать, как странно, что снизу из столовой не доносится веселый шум голосов. А объяснялось это тем, что вся мужская часть общества, будучи предоставлена самой себе, немедленно поодиночке и на цыпочках прокралась в кабинет Джои благо он находился на первом этаже. Раскрыв книжный шкаф, Джои вытянул оттуда аристократический справочник Дебретта, однако не обнаружил способности разобраться в нем. Сэр Фрэнсис принял справочник из его слабых рук. Прочая аристократия, сгрудившись в уголке, молча ожидала результата.

- Кажется, я наконец-то во всем разобрался, - провозгласил сэр Фрэнсис Болдуин. - Ну да, по-моему, теперь все безошибочно ясно. Она - дочь герцога Трурского, в пятьдесят третьем сочеталась законным браком с герцогом Уоррингтонским в церкви Святого Петра, Итон-Сквер. В пятьдесят пятом у нее родилась дочь, леди Грейс Александра Уорбертон Саттон, стало быть, девочке сейчас тринадцать лет. В шестьдесят третьем состоялся развод с герцогом Уоррингтонским. Насколько я понимаю, лорд Маунт-Примроуз приходится ей троюродным братом. Я же сочетался с ней законным браком в шестьдесят шестом в Гастингсе. На мой взгляд, более тесной семейной встречи мы и придумать не могли.

Воцарилось молчание; каждому сказать было особенно нечего. Дверь отворилась, и леди Александра (а попросту Томми) вошла в кабинет.

- Не пора ли вам, хотя бы частично, переместиться наверх? - сказала леди Александра.

- Я как раз подумывал, - произнес Джои, хозяин застолья, с грустной усмешкой, - не пора ли мне утопиться. Канал совсем рядом.

- Отложим это до завтра, - предложила Томми. - Я попросила ее

светлость подбросить меня домой, и она пообещала это сделать. Эта женщина явно обладает чувством юмора. Подождите, пока я поговорю с ней.

Шестеро мужчин перешептывались, готовясь предложить некий совет, однако Томми в советах не нуждалась.

- Теперь отправляйтесь все наверх, - приказала Томми, - и постарайтесь быть полюбезнее. Она уезжает через четверть часа.

Шестеро притихших мужчин - впереди хозяин дома, в арьергарде оба супруга аристократки - устремились по лестнице наверх, при этом каждому казалось, что он вдвое потерял в весе. Шестеро притихших мужчин вошли в гостиную и расселись на стульях. Шестеро притихших мужчин пытались придумать, что бы такое сказать.

Мисс Рэмсботэм - как она после объясняла, пребывая в состоянии истерики, - подавляя клокочущие в груди звуки, подняла крышку рояля. Но единственное, что она могла вспомнить, была модная тогда в салонах песенка “Я зовусь Шампанским Чарли”. Пятеро мужчин, лишь только она взяла последний аккорд, попросили ее сыграть еще. Мисс Рэмсботэм, еле владея истерически срывающимся голосом, пояснила, что, кроме этого мотива, никакого другого не знает. Четверо мужчин попросили ее снова сыграть тот же мотив. Мисс Рэмсботэм сыграла песенку второй раз, снабдив ее невольными вариациями.

Невозмутимый Уиллис возвестил, что прибыл экипаж леди Мэри. Компания, за исключением леди Мэри и хозяйки, с большим трудом сдержалась, чтобы не выразить бурный восторг. Леди Мэри поблагодарила миссис Лавридж за необыкновенно интересный вечер и предложила Томми поехать вместе с ней. Стоило леди Мэри уехать, как буйное веселье, опрометчивое по своей внезапности, овладело остальными гостями.

Спустя несколько дней экипаж леди Мэри снова подъехал к домику на Риджентс-Парк. По счастью, миссис Лавридж оказалась дома. Экипаж долго ожидал леди Мэри у дверей. После того как экипаж отъехал, миссис Лавридж заперлась одна в своей комнате. Младшая горничная сообщила кухаркам, что, проходя мимо двери, она различила звуки, выдававшие сильные чувства.

Через какое тяжкое испытание пришлось пройти Джозефу Лавриджу, никто так и не узнал. Несколько недель не появлялся он в Автолик-клубе. Затем мало-помалу, как и подобает с течением времени, все как-то образовалось. Джозеф Лавридж стал принимать своих друзей, друзья принимали Джозефа Лавриджа. У миссис Лавридж был лишь один недостаток: она с подчеркнутой холодностью держалась с титулованными особами, когда те появлялись в ее доме.

История шестая

”ПТЕНЧИК” ПЫТАЕТСЯ УЧАСТВОВАТЬ В ДЕЛЕ

Публика тонкая и с хорошим вкусом утверждала, что журнал “Хорошее настроение” - самый блестящий, самый умный и самый литературный из всех журналов стоимостью в один пенни, какие только есть в Лондоне. Это необычайно радовало Питера Хоупа, редактора и одного из владельцев журнала Уильям Клодд, директор-распорядитель и совладелец журнала, пребывал по этому поводу в меньшем восторге.

- Нам следует поостеречься, - заметил Уильям Клодд. - нельзя, чтобы журнал получился чересчур умным. Золотая середина - вот идеал, к которому нужно стремиться.

Публика тонкая и с хорошим вкусом утверждала, что журналу “Хорошее настроение” более, чем всем остальным еженедельникам стоимостью в один пенни вместе взятым, требуется поддержка. Публика тонкая и с хорошим вкусом, во всяком случае некоторые ее представители, зашла настолько далеко, что стала этот журнал покупать. Питеру Хоупу в будущем грезилась слава и благосостояние.

Глядя по сторонам, Уильям Клодд заметил:

- Не кажется ли вам, шеф, что журнал у нас получается некоторым образом слишком элитарным?

- Почему вы так считаете? - спросил Питер Хоуп.

- Во-первых, исходя из тиража, - пояснил Клодд. - Притом, доходы за последний месяц…

- Если вы не возражаете, мне бы не хотелось слышать о доходах. Как-то не слишком приятно, когда при мне говорят о цифрах.

- Не могу сказать, что эти цифры и мне доставляют радость, - заметил Клодд.

- Все еще придет, - сказал Питер Хоуп. - Все придет со временем. Надо поднять публику до нашего уровня, в смысле образованности.

- Моя практика подсказывает, - сказал Уильям Клодд, - что как раз за образование публика склонна платить меньше всего.

- И что же нам делать? - спросил Питер Хоуп.

- Вам надо нанять секретаря, - ответил Уильям Клодд.

- Как может секретарь повлиять на увеличение тиража? - воскликнул Питер Хоуп. - К тому же мы условились, что в течение первого года будем обходиться без секретаря. К чему лишние расходы?

- Я не имею в виду секретаря в обычном смысле слова, - пояснил Клодд. - Я имею в виду парня, с которым, скажем, мне пришлось ехать в поезде до Стратфорда.

- И что же в нем такого замечательного?

- Ничего особенного. Он читал свежий номер “Дешевого романиста”. У этого журнала больше двухсот тысяч читателей. И тот парень один из них. Он сам это сказал. Покончив с чтением этого журнала, он вынул из кармана номер “Самого дешевого шутника”, а его тираж, как говорят, порядка семидесяти тысяч. Парень похохатывал над этим журнальчиком, пока мы не доехали до Боу.

- Но ведь…

- Погодите! Я сейчас все объясню. Этот парень - отражение читательской публики. Я побеседовал с ним. Больше всего он любит

читать те издания, у которых самые крупные тиражи. Он их угадывает безошибочно. Остальные, по крайней мере из тех, что ему попадались, он считает не иначе как “дрянью”. Ему нравится то, что нравится подавляющему большинству публики, покупающей журналы. Угодить его вкусам - я записал его имя и адрес, и он с удовольствием будет работать на нас за восемь шиллингов в неделю, - угодить его вкусам, значит, угодить вкусам покупающей журналы публики. Не вкусам тех, кто проглядывает журнальчик, лежащий на столике в курительном зале, бросая о прочитанном “чертовски здорово”, но вкусам тех, кто выкладывает последний пенни. Вот какой нам нужен работник.

Редактор-профессионал, обладатель идеалов, Питер Хоуп был шокирован, возмущен. Деловой человек, лишенный идеалов, Уильям Клода, - оперировал цифрами.

- Следует подумать насчет рекламодателя, - настаивал Клодд. - Я не Джордж Вашингтон, но какой смысл обманывать себя, понимая при этом сам, что обманываешь? Если бы продавалось двадцать тысяч экземпляров, можно позволить себе сделать вид, что расходится не двадцать, а сорок. Но когда на самом деле мы продаем меньше восьми тысяч - ведь это в каждого здравомыслящего человека должно вселять беспокойство!

- Ради Бога, пичкайте их еженедельно десятками столбцов отборного литературного творчества, - вкрадчиво продолжал Клодд, - но в качестве упаковки предложите двадцать пять колонок сладкой патоки. Только тогда публика это примет, а вы сделаете добро: просветите ее так, что она этого не заметит! Если же ничем ваши мысли не подсластить - она попросту рта не раскроет, только и всего!

Клодд был человеком, который умел добиваться поставленной цели. Наступило время, и Флипп (то есть Филип) Туител прибыл на Крейн-Корт, 23, исключительно ради того, чтобы сделаться секретарем редакции “Хорошего настроения”. В действительности же, и сам того не зная, он стал литературным дегустатором. Рассказы, которые Флипп читал с увлечением, немедленно издавались. Питер вздыхал, но довольствовался лишь правкой наиболее вопиющих грамматических погрешностей; эксперимент следовало проводить по всем правилам. Шутки, над которыми смеялся Флипп, шли в номер. Питер пытался утешить себя, выделяя все больше средств в фонд поддержки нуждающихся наборщиков, но это

удавалось ему лишь отчасти. Стихи, выжимавшие слезу у юного Флиппа, помещались на первую полосу. Публика тонкая и с хорошим вкусом заявила, что “Хорошее настроение” стало ее разочаровывать. Тираж журнала медленно, но неуклонно возрастал.

- Вот! - радостно восклицал Клодд. - Что я вам говорил!

- Подумать страшно… - начал Питер.

- Это точно, - весело перебил его Клодд. - Мораль: думать надо меньше!

- Вот что я вам скажу, - продолжал Клодд. - Мы сколотим целое состояние на этом журнале. После чего можно будет себе позволить и потерять немного денег, тогда-то мы и запустим журнальчик, который будет отвечать запросам только высокообразованной публики. А между тем…

Тут внимание Клодда привлекла низенькая черная бутылочка с этикеткой, стоявшая на письменном столе.

- Когда это принесли? - спросил он.

- Примерно с час тому назад, - сказал Питер.

- И с ней какой-то заказ?

- Наверное…

Питер порылся и нашел письмо, адресованное “Уильяму Клодду, эсквайру, ответственному за рекламу журнала “Хорошее настроение”. Разорвав конверт, Клодд принялся с жадностью читать его содержимое.

- Вы ведь пока не закончили работу?

- Нет, у нас работа до восьми.

- Чудесно! Мне надо, чтобы вы написали одну заметочку. Прямо сейчас, а то забудете. Для колонки “Орехи и вина”.

Питер сел за стол и начертал заголовок на чистом листе бумаги: Для кол.

“Ор. и в.”

- А что это? - полюбопытствовал Питер. - Какой-то напиток?

- Вроде портвейна, - пояснил Клодд. - только не так ударяет в голову.

- Вы считаете это достоинством? - спросил Питер.

- Разумеется. Можно больше выпить.

Питер писал:

”Обладает всеми свойствами старого виноградного портвейна, однако не вызывает пагубных последствий…”

- Я ведь не попробовал, Клодд, - намекнул Питер.

- Неважно, я попробовал.

- Ну и как, хорош?

- Изумительно! Пишите: “Изысканный, придающий бодрость”. Теперь так и будут повторять.

Питер написал: “Мне он представляется изысканным и…” Тут он отложил перо.

- И все же, Клодд, мне кажется, я должен попробовать. Видите ли, я как бы лично его рекомендую…

- Сначала допишите заметку. Я хочу успеть сдать ее в типографию. Потом положите бутылочку в карман, возьмете домой и проведете с ней вечерок.

Клодд, казалось, страшно спешил. И это лишь подогрело подозрения Питера. Он потянулся к бутылочке Клодд хотел его опередить, но Питер оказался проворней.

- Вы же не пьете безалкогольное! - предостерег Клодд. - У вас нёбо не приспособлено.

- Однако определить, “изысканный” он или нет, я, наверно, все-таки смогу? - умоляюще произнес Питер, вытягивая пробку.

- Ну это же такое коротенькое сообщение! Поставьте, не валяйте дурака! - говорил Клодд.

- Мне поставили, вот я и пью! - со смехом сказал Питер, весьма довольный своей шуткой.

Питер отлил себе полстаканчика и пригубил.

- Ну и как? - поинтересовался Клодд со злорадной улыбкой.

- Вы… вы уверены, что это портвейн? - едва слышно выдохнул Питер.

- Бутылочка та самая, - заверил его Клодд. - Давайте еще разок. Надо хорошенько распробовать.

Питер рискнул сделать еще глоток.

- Как вы полагаете, их удовлетворит, если я буду рекламировать это как некий медикамент? - вкрадчиво поинтересовался Питер. - Скажем, то, что требуется держать в доме, на случай если понадобится кого-нибудь отравить?

- Сами идите и договаривайтесь. С меня достаточно! - Клодд схватился за шляпу.

- Мне жаль… мне, право, очень жаль, - со вздохом проговорил Питер. - Но не могу же я намеренно…

Клодд снова резким движением сбросил с себя шляпу.

- Ой, да идите вы со своей сознательностью! Почему ваша сознательность забывает про ваших кредиторов? С какой стати я тут с вами надрываюсь, в то время как вы мне то и дело вставляете палки в колеса?

- Не будет ли вернее, - предложил Питер, - обратиться к более уважаемым рекламодателям, которые не станут рекламировать подобный продукт?

- Валяйте, обращайтесь! - рявкнул Клодд. - Что же вы думаете, я не обращался? Думаете, они овечки? Ухватил одну - и получил все что хочешь? Уговорить такого, и все проблемы были бы решены! Пока одного не подцепишь, другие на вас и смотреть не захотят.

- Да, это верно, - задумчиво произнес Питер. - Я сам обращался к Уилкинсону, из “Кингсли”. Он посоветовал попробовать уговорить Лэндора. Он считал, если я смогу добыть рекламу у Лэндора, тогда он сможет убедить своих сотрудников дать мне воспользоваться их рекламой.

- А стоит вам сунуться к Лэндору, тот пообещает рекламу, если вам повезет у “Кингсли”.

- Они еще к нам придут, - оптимистически заверил Питер. - Наши дела движутся все лучше и лучше. Они буквально побегут к нам.

- Им стоило бы поторопиться, пока единственное, что сбегается к нам, это счета.

- Серия статей молодого Мак-Тира вызвала оживленное внимание публики, - воскликнул Питер. - Он пообещал, что напишет нам еще несколько серий.

- За Джоуэта надо бы зацепиться, - вслух рассуждал Клодд. - За Джоуэтом, как за старым гусем, все остальные стайкой пристроятся. Только бы нам ухватиться за него, дальше будет проще простого.

Джоуэт был собственником производства знаменитого Мраморного Мыла. Поговаривали, что Джоуэт тратит ежегодно на рекламу четверть миллиона. Джоуэт был опорой и поддержкой периодических изданий. Новые издания, которым доверили рекламировать Мраморное Мыло выживали и процветали. Новый журнал, которому было отказано в опеке, чах и умирал. Джоуэт и как пробиться к нему, Джоуэт и как попасть в его орбиту - вот что являлось основным вопросом на заседаниях правлений большинства новых журналов, в числе которых было и “Хорошее настроение”.

- Я слышала, - сказала мисс Рэмсботэм, автор “Письма к Клоринде”, занимавшего две последние странички еженедельника “Хорошее настроение”, в котором она поверяла Клоринде, жившей где-то в глухой

провинции, день за днем историю высшего общества, среди которого протекала жизнь и деятельность мисс Рэмсботэм, а также рассказывала о том, какие они, представители высшего общества, что за туалеты носят, разумно или неразумно ведут себя, - так вот, я слышала, - сказала мисс Рэмсботэм однажды утром, когда темой беседы, как обычно, оказался Джоуэт, - что старик подвержен воздействию женщин.

- Я всегда считал, - сказал Клодд, - что женщина в качестве агента по рекламе - совсем неплохой вариант. При прочих равных ее, во всяком случае, за дверь не выставят.

- В конце концов все может быть, - задумчиво произнес Питер. - Женщины атлетического сложения, если так и дальше пойдет, могут освоить профессию вышибалы.

- И все же первой женщине-агенту должна улыбнуться удача, - заверил Клодд.

Помощник главного редактора навострила ушки. Однажды, давным-давно, помощник редактора умудрилась (в то время, как все прочие лондонские журналисты спасовали) взять интервью у одного знаменитого государственного деятеля. Этого помощник редактора не забывала, как не позволяла забывать и всем остальным.

- Мне кажется, я смогу обеспечить для вас рекламу, - сказала помощник редактора.

Редактор и директор-распорядитель ответили одновременно. Весьма решительно и твердо.

- Но почему? - воскликнула помощник редактора. - Ведь когда никто не смог пробиться к принцу, именно я взяла у него интервью…

- Знаем, слышали не раз, - оборвал ее директор-распорядитель. - Если бы я был твоим отцом, я бы никогда не позволил тебе этого сделать.

- Интересно, как я мог остановить ее? - вскинулся Питер Хоуп. - Она и слова мне не сказала.

- Нельзя было глаз с нее спускать!

- Глаз не спускать! Сперва заимейте собственную дочь, а уж потом и рассуждайте!

- Если заимею, - парировал Клодд, - то сумею с ней справиться.

- Каким это образом у старого холостяка появятся дети? - саркастически проговорил Питер.

- Предоставьте это дело мне. Я добуду вам рекламу до конца недели! - бубнила помощник редактора.

- Попробуй только, - отрезал Клодд, - я ее тут же выкину в корзинку!

- Но вы же сами сказали, что женщина в качестве агента по рекламе - неплохая идея! - напомнила ему помощник редактора.

- Очень возможно; но вовсе не обязательно, что ею окажешься ты! - отрезал Клодд.

- Но почему?

- Потому что нет, и все!

- Но если…

- Встретимся в типографии в двенадцать, - сказал Клодд Питеру и стремительно вышел.

- По-моему, он кретин, - заметила помощник редактора.

- Хотя это случается не часто, - заметил редактор, - но в данном случае я не могу с ним не согласиться. Гоняться за рекламодателем не женское дело.

- Да, но какая разница…

- Разница огромная! - сказал редактор.

- Ведь вы же не знаете, о чем я хочу сказать! - возразила помощник редактора.

- Я угадываю ход твоих мыслей, - парировал редактор.

- Но позвольте же мне…

- Я тебе и так позволил слишком много. Хочу начать с чистого листа!

- Я только хотела…

- Чего бы ты ни захотела, делать тебе это незачем! - объявил шеф. - Если меня кто-нибудь спросит, я вернусь в половине первого.

- Но мне кажется…

Однако Питера уже и след простыл.

- Вот все они такие, - чуть не плача сказала помощник редактора. - С ними бесполезно спорить. Чуть что-то начнешь доказывать, они немедленно за дверь. Меня это просто бесит!

Мисс Рэмсботэм рассмеялась.

- Ах, Томми, несчастная, униженная малышка!

- Можно подумать, что я не умею постоять за себя!

Подбородок Томми взмыл вверх.

- Мужайся! - сказала мисс Рэмсботэм. - Мне никогда в жизни никто не мог ничего запретить. Хотелось бы поменяться с тобой местами, но это невозможно.

- Да я бы непременно проникла к Джоуэту в контору и в пять минут вытянула бы из него рекламу! Я умею ладить с пожилыми мужчинами.

- Только ли с пожилыми? - осведомилась мисс Рэмсботэм.

Дверь отворилась.

- Есть здесь кто-нибудь? - послышался вопрос, и в дверь просунулась физиономия Джонни Балстроуда.

- Вы что, сами не видите? - взорвалась Томми.

- Это так, к слову, - пояснил Джонни Балстроуд, обычно именуемый Птенчиком, входя и прикрывая за собой дверь.

- Что вам угодно? - спросила помощник редактора.

- Ничего особенного, - ответил Птенчик.

- За ничем особенным не приходят в половине двенадцатого пополудни! - заметила помощник редактора.

- Что с вами такое? - полюбопытствовал Птенчик.

- Лопаюсь от злости! - призналась помощник редактора.

На младенческой физиономии Птенчика появилось сочувственно-вопрошающее выражение.

- Мы вне себя, - пояснила мисс Рэмсботэм, - поскольку нам не позволено мчаться на Кэннон-стрит, чтобы вырвать рекламу у старого Джоуэта, владельца мыльного производства. Мы убеждены, стоит нам надеть очаровательнейшую из своих шляпок, и Джоуэт против нас никак не устоит!

- Да и выбивать ничего не придется! - сказала помощник редактора. - Стоит мне войти к старику и изложить суть дела, как он сам выразит бурное желание помочь нам.

- А что, Клодда он видеть не хочет? - спросил Птенчик.

- Он никого не хочет видеть из тех, кто представляет какие бы то ни было новые издания! - ответила мисс Рэмсботэм. - Это я виновата. Я сдуру повсюду твердила, что старик падок до женских прелестей. Говорят, миссис Саркитт удалось добыть у него рекламу для “Лампы”. Хотя, возможно, это и не так.

- Хотел бы я быть мыльным магнатом и раздавать рекламу направо-налево! - со вздохом сказал Птенчик

- Если бы! - откликнулась помощник редактора.

- Я бы всю рекламу отдал вам, Томми!

- Мое имя мисс Хоуп! - поправила его помощник редактора.

- Прошу прощения! - сказал Птенчик. - Я уж не знаю почему, но все зовут вас Томми. Меня прямо-таки тянет назвать вас Томми.

- Была бы крайне обязана, - сказала помощник редактора, - если бы эта тяга у вас прошла.

- Извините, пожалуйста! - сказал Птенчик.

- И чтоб больше этого не повторялось! - заметила помощник редактора.

Птенчик переминался с ноги на ногу, тщетно пытаясь хоть как-то привлечь к себе внимание.

- Что ж, - сказал тогда Птенчик, - я просто заглянул, и все. Могу я чем-нибудь помочь?

- Нет, - с благодарностью отозвалась помощник редактора.

- Тогда всего хорошего, - сказал Птенчик.

- Всего хорошего, - сказала помощник редактора.

С выражением полной безысходности на лице Птенчик медленно спускался вниз по лестнице. Большинство членов Автолик-клуба по крайней мере раз в день заглядывали сюда узнать, не надо ли чем помочь Томми. Некоторым из них везло. Всего лишь вчера Порсон - грузный, маловыразительный джентльмен - был направлен до самого Плейстоу справиться о состоянии поврежденной руки мальчика, подручного печатника. Юный Александр, чьи стихи некоторые просто не понимали, был командирован на поиски по всему Лондону дешевого издания “Архитектуры” Мейтлэнда. Вот уже две недели прошло с тех пор, как Джонни было поручено увезти отсюда неисправный орган; больше ему ничего не доверялось.

Испытывая горечь в сердце, Джонни завернул за угол на Флит-стрит. И столкнулся нос к носу с мальчишкой, несшим какой-то сверток.

- Извиняюсь… - мальчишка глянул Джонни в лицо и добавил: - …мисс!

И, увернувшись от оплеухи, скрылся в толпе.

Птенчик, по причине своей младенческого вида физиономии, привык к оскорблениям подобного рода, однако сегодня это рассердило его не на шутку. Как же так, ему уже двадцать два, а усы все не растут! Ну почему он ростом всего около пяти с половиной футов? Ну почему судьба наделила его розовыми щечками, по случаю чего члены собственного клуба и прозвали его Птенчиком, а уличные мальчишки нагло заигрывают с ним? Почему даже голос у него звучал как мелодичное контральто и был бы впору… И тут его осенила некая идея. Она завладевала им все больше и больше. Проходя мимо парикмахерской, Джонни вошел.

- Вас постричь, сэр? - спросил парикмахер, накидывая на плечи Джонни простыню.

- Нет, побрить, - поправил Джонни.

- Прошу прощения! - сказал парикмахер, снимая простыню и вместо нее накидывая полотенце.

- Бреетесь, сэр? - осведомился чуть позже парикмахер.

- Бреюсь, - сказал Джонни.

- Славная нынче погода, - заметил парикмахер.

- Весьма! - кивнул Джонни.

От парикмахера Джонни отправился в Друри-Лейн к Стинчкомбу, костюмеру.

- У меня роль в одном комическом представлении, - пояснил Птенчик. - Прошу вас, подберите мне все, что нужно, для костюма современной девицы.

- Вы везунчик! - сказал владелец костюмерной лавки. - Есть набор прямо для вас. Только что привезли.

- Мне бы все необходимое, - сказал Птенчик. - От ботинок до шляпки. Корсет, нижние юбки, всякие их премудрости.

- Тут все, что положено, - заверил владелец лавки, вынимая содержимое из холщового мешка. - Примерьте!

Птенчику пришлось примерить наряд вместе с ботинками.

- Как на вас сшито! - воскликнул лавочник.

- Немного свободно в груди, - высказал сомнение Птенчик.

- Сойдет, - заверил его продавец. - Пару полотенчиков подложите, будет в самый раз.

- По-моему, не слишком броско, а? - поинтересовался Птенчик.

- Броско? Я бы сказал, самый шик!

- Вы уверены, что здесь все необходимое?

- Тут все! Фигура только плосковата, а так все в ажуре, - заверил его владелец лавки.

Птенчик оставил счет, написав свое имя и адрес. Лавочник пообещал, что все будет прислано через час. Птенчик, войдя во вкус, прикупил себе пару перчаток и маленький ридикюль, после чего направился на Боу-стрит.

- Мне нужен светло-каштановый дамский парик, - сказал Птенчик мистеру Коксу, владельцу дамского салона.

Мистер Кокс предложил ему два. Примерив оба, мистер Кокс наиболее удачным признал второй.

- Ну надо же, он вам больше подходит, чем ваша собственная прическа! - воскликнул мистер Кокс.

И было обещано, что парик также прибудет через час. Преисполнившись

ощущением полноты содеянного, Птенчик, возвращаясь к себе в апартаменты на Грейт-Куин-стрит, приобрел по пути дамский зонтик и вуаль.

Тем временем через четверть часа после того, как Джонни Балстроуд вышел из лавочки мистера Стинчкомба, туда вошел Гарри Беннет, актер и член Автолик-клуба. Лавка оказалась пуста. Гарри Беннет постучал по прилавку тростью и подождал. На прилавке стопочкой лежала какая-то одежда; поверх стопки лежал листок, на котором наискосок написаны были чье-то имя и адрес. Влекомый праздным любопытством, Гарри Беннет подошел и прочел. Гарри Беннет с помощью трости принялся разметывать содержимое стопки по прилавку.

- Что вы делаете?! - вскричал входящий владелец. - Я только что все сложил!

- На кой шут, - заметил Гарри Беннет, - Джонни Балстроуду понадобились эти тряпки?

- Почем мне знать? - ответил лавочник. - Верно, домашний театр какой-нибудь. Он что, ваш приятель?

- Да, да, приятель, - отозвался Гарри Беннет. - Ей-Богу, из него преотличная выйдет девица! Вот бы посмотреть.

- Попросите у него билетик. Только вещи не пачкайте! - сказал владелец лавки.

- Непременно попрошу! - сказал Гарри Беннет и переключился на свои заботы.

Ни одежда, ни парик не прибыли в апартаменты Джонни через обещанный час, а появились там часа через три, как, впрочем, Джонни и ожидал. Почти час потратил он на переодевание и вот наконец стоял перед зеркальной дверцей гардероба преображенный. У Джонни были все основания насладиться результатом. Из зеркала на него глядела высокая, привлекательная девица - быть может, одетая несколько крикливо, она смотрелась блестяще.

- Может, стоит накинуть плащ? - подумал вслух Джонни, лишь только

солнечный лучик, просочившись через окно, озарил фигуру в зеркале. - Но ведь его у меня нет! Так и не о чем говорить, - решил Джонни, едва лишь солнечный лучик потух.

Взяв ридикюль и зонтик, Джонни тихонько отворил дверь. В доме стояла тишина. Джонни на цыпочках спустился вниз. В коридоре снова прислушался. Звуки голосов доносились из цокольного этажа. Чувствуя себя удирающим взломщиком, Джонни отодвинул засов наружной двери и высунул нос наружу. Проходивший мимо полицейский обернулся и уставился на него. Джонни тут же отпрянул назад и прикрыл дверь. Оказавшись между двух огней, перед самой дверью, но далеко от лестницы, и не имея времени на размышление, Джонни предпочел выйти. Ему почудилось, будто все, кто был на улице, устремились прямо на него. К нему быстрым шагом направилась какая-то женщина. Что она хочет ему сказать? Что можно ей ответить? К удивлению Джонни, женщина прошла мимо, не обратив на него никакого внимания. Сам не понимая, каким чудом ему удалось спастись, Джонни сделал пару шагов вперед. Двое молодых клерков обернулись на ходу, но, поймав его взгляд, красноречиво свидетельствовавший о настороженном недоброжелательстве, явно смутились и двинулась дальше. Мало-помалу Джонни перестало казаться, что человечество слишком проницательно. С каждым шагом обретая смелость, Джонни достиг Холборна. Здесь народу было больше, и никто не обращал на него внимания.

- Прошу прощения! - сказал Джонни, столкнувшись с неким тучным джентльменом.

- Это я прошу! - произнес тучный джентльмен, с улыбкой приподнимая смятую шляпу.

- Прошу прощения! - снова через несколько минут повторил Джонни, на этот раз сталкиваясь с высокой молодой особой.

- Я бы посоветовала вам хорошенько смотреть, куда идете! - угрожающе бросила высокая молодая особа.

”Да что со мной такое? - недоумевал Джонни. - Все прямо как в тумане…” Как вдруг его осенило. “Ну как же! - воскликнул про себя Джонни. - Это проклятая вуаль!”

И Джонни решил направиться в контору производителя Мраморного Мыла.

”Если пойти туда пешком, я постепенно освоюсь с новым положением, - решил Джонни. - Будем надеяться, что старый каналья на месте”.

На Ньюгейтской улице Джонни сделал передышку, приложив к груди руку.

”Как-то странно сжимает внутри! - подумал он. - Вот уж все выпучат глаза, если я зайду куда-нибудь выпить бренди!”

”Что-то мне не легчает, - с некоторой тревогой подумал Джонни, подходя к повороту на Чипсдейл. - Только бы не разболеться. Что бы это могло… - И тут спохватился: - Как же, чертов корсет! Неудивительно, что временами девицы бывают такие раздражительные!”

В конторе производителя Мраморного Мыла Джонни был встречен подчеркнуто вежливо. Мистера Джоуэта на месте не было, его ожидали не раньше пяти. Согласна ли леди подождать или она зайдет в другой раз? Леди решила подождать, раз уж она здесь оказалась. Не желает ли леди присесть в кресло? Как лучше для леди - оставить окно открытым или же закрыть его? Не видела ли леди последний номер “Таймс”?

- А может, угодно номер “Самого дешевого весельчака”? - предложил младший клерк, который был тут же отправлен на его рабочее место.

У многих старших клерков вдруг появилась потребность проходить через приемную. Двое из них высказались по поводу погоды, причем распространялись на эту тему довольно долго. Происходящее начинало веселить Джонни. Время шло, и наконец хлопанье дверей и топот суетившихся ног возвестили о прибытии шефа. Джонни с нетерпением ожидал этой встречи.

Разговор оказался короче и менее продуктивен, чем Джонни предполагал. Мистер Джоуэт был весьма занят - как правило, днем он никого не принимал, но, разумеется, леди… не скажет ли мисс…

- Монтгомери!

- Не скажет ли мисс Монтгомери, какую любезность мог бы оказать ей мистер Джоуэт?

Мисс Монтгомери объяснила цель своего прихода.

Мистера Джоуэта это одновременно возмутило и позабавило.

- Вот уж поистине, - заметил мистер Джоуэт, - вы меня обезоруживаете. От мужчин мы сумеем отбиться, но когда нас атакуют леди… помилуйте, это нечестно!

Мисс Монтгомери умоляла.

- Я обдумаю вашу просьбу, - только и пообещал мистер Джоуэт. - Зайдите ко мне снова.

- Когда? - спросила мисс Монтгомери.

- Что у нас сегодня? Четверг? Ну, скажем, в понедельник, - мистер Джоуэт позвонил в колокольчик. - Послушайтесь моего совета, - сказал пожилой джентльмен, кладя тяжелую руку на плечо Джонни, - предоставьте дела нам, мужчинам. Вы такая симпатичная девушка. Вам о себе думать надо, а не о рекламе.

Вошел клерк. Джонни поднялся.

- Так, значит, в следующий понедельник! - напомнил Джонни мистеру Джоуэту.

- Да, в четыре часа! - кивнул мистер Джоуэт. - Всего наилучшего!

Джонни вышел из конторы несколько разочарованный, однако, как он вместе с тем решил про себя, получилось у него в целом совсем неплохо. Что ж, ничего не оставалось, как ждать до понедельника. А теперь надо вернуться домой, переодеться и слегка перекусить. Джонни махнул кебмену.

- Номер двадцать восемь… Нет! Остановитесь на углу Куинс-стрит рядом с “Линкольнс Инн”, - сказал Джонни.

- Что правда, то правда, мисс, - добродушно отозвался кебмен. - На утлу-то лучше, меньше разговоров.

- Вы это о чем? - спросил Джонни.

- Не серчайте, мисс, - ответил старик. - Кто из нас не был молодым!

Джонни забрался в кеб. На углу Куинс-стрит и Линкольнс-Инн-Филдс Джонни слез. Думая о чем-то своем, он инстинктивно сунул руку в то место, где, собственно говоря, должен был находиться карман, и тут только спохватился.

”Позвольте, позвольте, а позаботился ли я о том, чтобы взять с собой деньги или нет?” - размышлял про себя Джонни, стоя на тротуаре.

- Вы в ридикюле поищите, мисс, - посоветовал кебмен.

Джонни заглянул в ридикюль. Там было пусто.

”Может, я положил их в карман?” - думал Джонни.

Отбросив вожжи туда, где лежал кнут, кебмен откинулся на спинку своего сиденья.

”Они должны быть где-то, я уверен”, - убеждал Джонни самого себя.

- Простите, что заставляю вас ждать! - произнес он вслух, адресуясь к кебмену.

- Да уж вы насчет этого не переживайте, - ответил вежливо кебмен. - Мы привыкшие. Берем по шиллингу за каждые четверть часа простоя.

- Знаем мы ваши чертовы штучки! - пробормотал Джонни себе под нос.

Рядом остановились поглазеть двое мальчишек и девчонка с младенцем.

- Убирайтесь! - велел им кебмен. - Сами когда-нибудь так же влипнете.

Ребятня слегка отступила назад, но снова потом придвинулась, причем к ним присоединились какая-то неряшливо одетая женщина и еще один мальчишка.

- Нашлось! - выкрикнул Джонни, едва сдерживая радость, когда его рука нырнула между складок.

Особа с младенцем, не слишком разобравшись в происходящем, также издала восторженный вопль. Но радость Джонни померкла; оказалось, что это не карман. Лишенный возможности задрать юбку и обозреть ее с изнанки, Джонни чувствовал, что кармана ему ни за что не обнаружить.

И вдруг в момент полного отчаяния он все же случайно натолкнулся на карман. Но он, как и ридикюль, был пуст!

- Простите, - сказал Джонни кебмену, - но я, кажется, забыла дома свой кошелек.

Кебмен заявил, что эти басни ему хорошо известны, и приготовился слезть с козел. Толпа, которая теперь насчитывала более десятка зевак, поглядывала сочувствующе. Позже Джонни пришло в голову, что стоило предложить кебмену свой зонтик: по крайней мере, зачлись бы восемнадцать пенсов. Хорошие мысли всегда приходят позже. Единственное, о чем он мечтал в тот момент, это попасть домой.

- Эй, кто-нибудь! Придержите лошадь! - выкрикнул кебмен.

К мирно дремавшей кобыле потянулось несколько рук, что повергло животное в дикий испуг.

- Эй, держи, сбежала! - заорал кебмен вслед бегущему Джонни.

- Чуть не упала! - подхватила в возбуждении толпа

- В юбках запуталась, - пояснила неряшливо одетая женщина. - С ними одна морока.

- Да нет же, нет! Снова поднялась! - радостно возвестил паяльщик, с чувством хлопая себя по ляжкам. - Ей-Богу, ну и прыткая, каналья!

К счастью, площадь оказалась относительно пуста, а Джонни проявил себя отменным бегуном. Высоко задрав все свои юбки и поддерживая их левой рукой, он пронесся через площадь со скоростью пятнадцать миль в час. Наперерез ему выскочил подручный мясника с растопыренными

руками. В последующие три месяца этот подручный пребывал в отчаянии, поскольку все кричали ему вслед: “Ага! Это ведь тот самый, которого сбила с ног и по которому пробежалась одна леди!”

Тем временем Джонни, миновав Клеменс-Инн, достиг Стрэнда. Погоня осталась далеко позади. Опустив юбки, Джонни придал себе более женственный вид. По Боу-стрит и Лонг-Айкер он благополучно добрался до Грейт-Куин-стрит. На пороге собственного дома его разобрал смех. Все, что с ним сегодня происходило, было забавно; и все же в целом он не жалел, что это уже позади. Всякой шутке в конце концов должен быть предел Джонни позвонил в колокольчик.

Дверь открылась. Джонни хотел было скользнуть внутрь, но путь ему преградила длинная и костлявая женщина

- Что вам угодно? - осведомилась она.

- Хочу войти в дом! - пояснил Джонни.

- Зачем вам входить в дом?

Вопрос показался Джонни весьма глупым. После некоторого размышления до него дошло, почему он был задан. Костлявая женщина была вовсе не мисс Пегг, его домохозяйка. Вероятно, ее приятельница.

- Не беспокойтесь, - сказал Джонни. - Я тут живу. Просто оставила дома ключ от входной двери.

- Здесь никакие дамочки не живут, - объявила костлявая. - Более того, дамочкам тут вообще не сдается.

Все это было крайне огорчительно. Джонни, при всей его радости у родного порога, не мог предвидеть подобного оборота. Значит, теперь необходимо раскрыть весь обман. Единственное, на что Джонни надеялся, что это не дойдет до слуха сотоварищей по клубу.

- Попросите миссис Пегг выйти на минутку! - предложил Джонни.

- Нету дома, - пояснила костлявая дама.

- Как… нет дома?

- Отбыла в Ромфорд, если вам угодно, навестить свою матушку.

- В Ромфорд?

- Вы что, плохо слышите? - резко парировала костлявая.

- И когда… когда она ожидается обратно?

- В шесть вечера в воскресенье, - сказала костлявая.

Джонни взглянул на нее и понял, что эта дама, расскажи он ей все как есть, чистую правду, ни за что не поверит ни одному его слову. И тут на выручку явилась спасительная мысль.

- Я сестра мистера Балстроуда, - кротко сказал Джонни, - он ждет меня.

- Вы как будто сказали, что живете здесь? - напомнила ему костлявая.

- В том смысле, что это он тут живет, - отвечал бедняга Джонни еще более кротким голосом. - Понимаете, он снимает тут, на втором этаже.

- Это мне известно, - отвечала костлявая особа. - В данный момент его нет дома.

- Нет дома?

- Он ушел в три часа.

- Так я поднимусь к нему, подожду, - предложил Джонни.

- Нет уж, не стоит, - сказала костлявая.

На мгновение Джонни пришло в голову решиться на прорыв, однако вид у костлявой дамы был весьма грозный и решительный. Такая способна на все; может, даже полицию вызовет. Джонни всегда мечтал увидеть свое имя в газетах, однако в данном случае такого желания у него почему-то не возникло.

- Пожалуйста, впустите меня! - взмолился Джонни. - Мне больше некуда

идти.

- Пойдите и слегка прогуляйтесь, - предложила костлявая. - Думаю, он скоро вернется.

- Но, видите ли…

Костлявая захлопнула дверь перед его носом.

У входа в ресторанчик на Веллингтон-стрит, откуда доносились аппетитные ароматы, Джонни остановился и принялся размышлять.

- Куда, черт подери, подевался мой зонтик? Только что был… и уже нет. Наверное, я обронил его, когда тот тупой мерзавец пытался меня задержать. Ей-богу, вот уж повезло так повезло!

Проходя мимо другого ресторанчика на Стрэнд, Джонни снова остановился.

- Где же я буду жить до конца воскресного дня? Где я буду спать? Может, телеграфировать родителям?.. Ах, черт! Какое там телеграфировать! Ведь у меня ни пенни… Смехотворная ситуация, - произнес Джонни, сам того не замечая, вслух, - право же, смехотворная ситуация. А, да пошел ты!..

Эти последние бранные слова обрушились на голову посыльного-переростка, который вознамерился полезть к Джонни с ухаживаниями.

- Ведь это надо же! - воскликнула проходившая мимо молодая цветочница. - А еще небось благородной себя выставляет!

- В нынешние времена, - заметила пуговичная торговка, расположившаяся на углу Экстер-стрит, - чуть что, каждый может тебя обложить.

Влекомый новой идеей, возникшей у него в голове, Джонни направил свои стопы к Бедфорд-стрит.

”А почему бы и нет? - рассуждал сам с собой Джонни. - Ведь у других-то подозрений не возникает! Значит, и у них не возникнет. Но если им удастся

меня разоблачить, они мне всю жизнь это припоминать будут. Хотя почему они обязательно должны меня разоблачить? Право, надо все же принимать какое-то решение!”

И Джонни ускорил шаг. У дверей Автолик-клуба он мгновение колебался но затем, собравшись с духом, толкнул вращающуюся дверь

- Пришел ли мистер Херринг… мистер Джек Херринг?

- Он в курительной, мистер Балстроуд! - ответил старый Гослин, не поднимая глаз от вечерней газеты.

- Ах, не пригласите ли вы его на минутку выйти?

Старый Гослин оторвал взгляд от газеты, снял очки, протер их, снова надел.

- Скажите ему, пожалуйста, что его ожидает мисс Балстроуд… сестра мистера Балстроуда.

Старый Гослин застал Джека Херринга как раз посредине рассуждений, касающихся личности Гамлета: был ли тот и в самом деле безумен?

- Вас ожидает леди, мистер Херринг! - провозгласил Гослин.

- Кто?

- Мисс Балстроуд, сестра мистера Балстроуда. Она ждет в вестибюле.

- Не предполагал, что у него имеется сестра, - заметил Джек Херринг.

- Погодите-ка! - сказал Гарри Беннет. - Прикройте дверь. А вы постойте! - Последние слова относились к старому Гослину, который, прикрыв дверь, возвратился к компании. - Леди в светло-лиловом платье с кружевным воротничком, с тремя оборками на юбке?

- Именно так, мистер Беннет! - подтвердил старый Гослин.

- Это сам Птенчик и есть! - заявил Гарри Беннет.

Проблема гамлетовского безумия была тотчас позабыта.

- Нынче утром я заходил к Стинчкомбу, - пояснил Гарри Беннет, - вижу, лежит это платье, а поверх счет с его адресом. Именно такое платье. Это все его шуточки… он решил над нами посмеяться.

Члены Автолик-клуба переглянулись.

- Я бы сказал, попытка, не лишенная смысла, если все, конечно, хорошенько продумано, - заметил Малыш после длительного молчания.

- Вот именно, - согласился Джек Херринг. - Всем оставаться здесь. Было бы жаль не воспользоваться случаем и не перехитрить его.

Члены Автолик-клуба покорно ждали. Через некоторое время Джек Херринг вернулся в курительную.

- Истории печальней мне в жизни слышать не доводилось, - шепотом сообщил Джек Херринг. - Бедное дитя нынче утром выехала из Девоншира, чтобы увидеться с братцем. Оказалось, его дома нет, отсутствует с трех часов дня. Девица опасается, не случилось бы с ним чего. Домохозяйка отбыла в Ромфорд навестить свою матушку. Вместо себя оставила какую-то странную особу, которая не пускает девицу на порог.

- Как это печально, когда невинное и беспомощное создание попадает в беду! - тихонько посетовал Сомервиль, адвокат без практики.

- Но это еще не все! - продолжал Джек. - У бедной девицы украли все ценное, что у ней было при себе, даже зонтик, у бедняжки теперь ни гроша! Ей нечем заплатить за обед. Негде даже спать!

- Звучит как по писаному! - заметил Порсон.

- Мне кажется, все ясно, - сказал адвокат без практики. - Произошло следующее. Он вырядился, замышляя нас посмешить, вышел из дома, забыв прихватить с собой деньги и ключ от дома. Его домохозяйка отбыла в Ромфорд, а может, и нет. Как бы то ни было, ему пришлось стучать в дверь и пускаться в объяснения. Так что он нам предлагает?.. Одолжить ему соверен?

- Одолжить ему два соверена, - ответил Джек Херринг. - Чтоб прикупить

себе надлежащий костюм.

- Не делайте этого, Джек! Судьба направила его в наши руки. Наша обязанность - продемонстрировать ему всю никчемность подобных бессмысленных эскапад!

- По-моему, нам стоит его накормить, - предложил тучный и добродушный Порсон.

- Я бы предпочел, - сказал с усмешкой Джек Херринг, - отправить его к миссис Поустуисл. Она в некотором роде моя должница. Это я помог ей открыть почтовое отделение. Оставим его там переночевать, при этом наказав миссис Поустуисл не спускать с него заботливых глаз. Завтра бедняге точно будет не до веселья и ему же первому надоест собственный розыгрыш.

Предложение выглядело довольно заманчиво. Семеро членов Автолик-клуба галантно вызвались сопроводить “мисс Балстроуд” на ее новое поселение. Джек Херринг горячо и ревностно обеспечил себе право нести ее ридикюль. “Мисс Балстроуд” было дано понять, что все семеро с радостью готовы сделать для нее все, что в их силах, и исключительно ради ее братца, наимилейшего из юных представителей человечества. Сама “мисс Балстроуд” должной благодарности явно не испытывала. Она по-прежнему считала, что, если бы хоть один из них одолжил ей пару соверенов, услуги всех остальных просто не потребовались бы. Что все члены Автолик-клуба, разумеется, в ее же интересах, категорически отвергли. Ее, напомнил ей Джек Херринг, уже и так сегодня безжалостно обокрали. Лондон таит в себе опасности для молодых и неопытных девиц. Будет гораздо лучше, если друзья брата станут охранять ее, удовлетворяя ее простейшие потребности. И хоть отказать леди для них весьма болезненно, все же благополучие сестры их дражайшего сотоварища им гораздо важней. Единственным желанием “мисс Балстроуд” было не покушаться на их драгоценное время. Джек Херринг придерживался мнения, что истинный англичанин не должен сетовать, если тратит время на то, чтобы поддержать очаровательную девушку, оказавшуюся в беде.

По прибытии в бакалейную лавочку на Роллс-Корт, Джек Херринг отозвал в сторонку миссис Поустуисл.

- Это сестра одного нашего замечательного друга, - пояснил Джек Херринг.

- Прелестная девушка, - отозвалась миссис Поустуисл.

- Завтра утром я загляну. Не спускайте с нее глаз и, самое главное, не одалживайте ей денег, - наставлял Джек Херринг.

- Я понимаю, - кивнула миссис Поустуисл.

"Мисс Балстроуд", насладившись превосходным обедом, состоявшим из холодной баранины и бутылки пива, откинулась на спинку кресла, заложив ногу за ногу.

- Мне всегда было любопытно, - заметила "мисс Балстроуд", уставившись в потолок, - насколько это приятно, курить сигареты!

- Стоит их впервые взять в рот, они весьма противны на вкус! - отозвалась миссис Поустуисл.

- Я слышала, что некоторые девушки курят сигареты, - заметила "мисс Балстроуд".

- Это нехорошие девушки, - отрезала миссис Поустуисл.

- Из моих подруг самая приличная всегда выкуривает по сигарете после ужина, - заметила "мисс Балстроуд". - Утверждает, что это успокаивает нервы.

- Застав ее с сигаретой, никогда бы не сказала, что это приличная девушка, - отозвалась миссис Поустуисл.

- Мне кажется, - произнесла "мисс Балстроуд", начавшая проявлять беспокойство, - мне кажется, стоит немного пройтись перед сном.

- Пожалуй, это нам не повредит, - согласилась миссис Поустуисл, откладывая вязанье.

- Не утруждайте себя, я одна пройдусь, - поспешила успокоить ее заботливая "мисс Балстроуд". - У вас такой усталый вид.

- Нет, я вовсе не устала, - заверила ее миссис Поустуисл. - Мне тоже не мешает пройтись.

В некотором смысле миссис Поустуисл оказалась восхитительной попутчицей. Вопросов она не задавала, отвечала только, когда заговаривала “мисс Балстроуд”, что за всю прогулку случалось нечасто. По истечении получаса “мисс Балстроуд”, сославшись на головную боль, решила вернуться и отправиться спать. Миссис Поустуисл сочла такое решение разумным.

- Уж лучше в постель, чем толкаться по улицам, - пробормотал Джонни, лишь только дверь спальни закрылась за ним, - больше ничего и не остается. Завтра, если удастся выкрасть у нее из ящика немного денег, мне непременно надо покурить. Что такое! - воскликнул Джонни, на цыпочках подкравшись к двери. - Черт побери, дверь заперта на ключ!

Усевшись на кровать, Джонни принялся обдумывать ситуацию.

”Сдается мне, - думал он, - что я никогда не смогу избавиться от этого кошмара”.

Продолжая что-то тихо бормотать, Джонни расстегнул на себе корсет.

- Слава Богу, освободился! - с жаром воскликнул юноша, ощущая, как медленно расширяется его грудная клетка. - Не то бы корсет доконал меня прежде, чем я успел от него избавиться!

Всю ночь Джонни снились сны.

В течение всего последующего дня Джонни продолжал оставаться “мисс Балстроуд”, отчаянно надеясь обрести возможность выпутаться из создавшегося положения, не будучи узнанным. Весь состав Автолик-клуба явно поглядывал на него с обожанием.

”Наверно, я и сам выглядел раньше идиотом рядом с женским полом, - рассуждал про себя Джонни. - Посмотришь на них, они словно в первый раз в жизни девицу перед собой видят!”

Члены клуба приходили по одному, приходили группками, выказывая полное свое почтение. Даже миссис Поустуисл, привыкшая оставлять без

комментариев человеческие поступки, не удержалась.

- Когда устанете, - заметила она Джеку Херрингу, - вы мне непременно скажите.

- Как только мы обнаружим ее брата, - заверил Джек Херринг, - мы тут же заберем ее от вас и отвезем к нему.

- Когда что-то ищешь, нет ничего лучше, чем взять и заглянуть в нужное место, даже если все уже кругом обсмотрено, - заметила миссис Поустуисл.

- Что вы имеете в виду? - поинтересовался Джек.

- Только то, что я сказала, - ответила миссис Поустуисл.

Джек Херринг взглянул на миссис Поустуисл. Однако лицо ее было не из числа самых выразительных.

- Почтовые дела по-прежнему идут удачно? - спросил Джек Херринг.

- Почта - это такое огромное для меня подспорье, - признала миссис Поустуисл, - я всегда буду вам благодарна.

- Что вы, не стоит! - пробормотал Джек Херринг.

Они одаривали “мисс Балстроуд” подарками - не слишком дорогими, скорее, чтоб засвидетельствовать почтение: изящными пакетиками с конфетами, бутоньерками с простенькими цветами, пузырьками духов. Сомервилю “мисс Балстроуд” намекнула, что, если он и впрямь хочет доставить ей удовольствие, а не просто треплется, - тут “мисс Балстроуд” извинилась за жаргонное выражение, которое, видно, она почерпнула у своего братца, - пусть принесет ей коробку сигарет “Мессани-2”. Таковой намек расстроил Сомервиля. Адвокат без практики выразил опасение, что он, должно быть, старомоден. “Мисс Балстроуд” подтвердила, что так оно и есть, и потеряла всякий интерес к дальнейшему с ним общению.

Члены клуба сводили ее в музей мадам Тюссо и к Монументу,

[Колонна высотой в 61, 5 м, воздвигнутая в лондонском Сити в 1671 - 1677 гг. в память о Великом лондонском пожаре.]

показали ей лондонский Тауэр. Вечером ее повели в Политехнический институт поглазеть на тень Пеппера. Куда бы они ни направлялись, повсюду им сопутствовал дух веселья.

- Вот уж действительно шумная компания! - с удивлением и завистью замечали другие гуляющие.

- Что-то девица как бы скучает! - подмечали другие, более наблюдательные.

- Да она прямо бука какая-то! - утверждали некоторые из дам.

Стойкость, с которой “мисс Балстроуд” переносила таинственное исчезновение своего брата, вызывала общее восхищение.

- Может, нам стоит телеграфировать вашим родным в Дербишир? - предложил Джек Херринг.

- Не стоит! - горячо запротестовала заботливая “мисс Балстроуд”. - Не надо их тревожить. Будет гораздо лучше, если вы одолжите мне пару соверенов и я просто-напросто вернусь домой.

- Но вас снова могут обокрасть! - со страхом воскликнул Джек Херринг. - Я буду вас сопровождать.

- Возможно, брат завтра вернется, - размышляла вслух “мисс Балстроуд”. - Он, верно, гостит у кого-нибудь.

- Как же он мог так поступить, - размышлял вслух Джек Херринг, - зная, что вы должны приехать?

- Ах, это так на него похоже! - восклицала “мисс Балстроуд”.

- Если бы у меня была такая молоденькая и хорошенькая сестра… - начинал Джек Херринг.

- Ах, не будем об этом! - обрывала его “мисс Балстроуд”. - Вы меня утомили.

Именно с Джеком Херрингом Джонни начал терять терпение. То, что чары “мисс Балстроуд”, как говорится, начисто сразили Джека Херринга, сначала казалось мастеру Джонни даже забавным. Что говорить - как Джонни сам признавался себе в горьком раскаянье, оставшись наедине с самим собой в спаленке над бакалейной лавкой, - он, несомненно, сам поощрял ухаживания этого джентльмена. Начав с обожания, Джек скоренько перешел к стадии страстного увлечения, а со стадии страстного увлечения к полному безумству. Если бы разум Джонни не был отвлечен иными проблемами, возможно, он проявил бы большую осмотрительность. В подобной ситуации, после всего того, что с ним произошло, Джонни уже больше ничему не удивлялся.

- Слава Богу, - пробормотал Джонни, задувая свечу, - что хоть миссис Поустуисл, кажется, человек надежный!

Как раз в то самое время, когда голова Джонни была готова упасть на подушку, члены Автолик-клуба обсуждали план развлечений на следующий день.

- Мне кажется, - сказал Джек Херринг, - что в Хрустальный дворец надо идти с утра, тогда там мило и тихо.

- А днем - в Гринвичскую больницу, - предлагал Сомервиль.

- А под конец, вечером, - экскурсия в Дартмур, где выступают городские менестрели, - вставил Порсон

- Вряд ли подобает вести туда юную девицу, - выразил опасение Джек Херринг. - Кое-какие из шуток…

- Мистер Брэндрэм читает “Юлия Цезаря” в Сент-Джорджиз-Холле, - выступил с предложением Малыш

- Привет! - сказал поэт Александр, появляясь в этот самый момент. - О чем у вас беседа?

- Мы обсуждаем, куда повести мисс Балстроуд завтра вечером, -

уведомил его Джек Херринг.

- Мисс Балстроуд? - переспросил поэт с некоторым удивлением. - Вы имеете в виду сестрицу Джонни Балстроуда?

- Именно эту особу, - отвечал Джек Херринг. - Но откуда вы ее знаете? Мне казалось, что вы уехали в Йоркшир.

- Вчера вернулся оттуда, - пояснил поэт. - Мы приехали вместе с ней.

- Вместе с ней?

- Мы ехали вместе от Мэтлок Бат. Да что с вами со всеми такое? - изумленно воскликнул поэт - У вас у всех лица прямо как…

- Присядьте! - сказал адвокат без практики поэту. - Давайте все спокойно обсудим.

Поэт Александр с озадаченным видом опустился на стул.

- Вы сказали, что возвратились вчера в Лондон вместе с мисс Балстроуд. Вы убеждены, что это была именно мисс Балстроуд?

- Был ли я убежден?! - вскинулся поэт. - Да я знал ее, когда она еще была младенцем!

- И в котором часу вы прибыли в Лондон?

- В три тридцать.

- И что с ней было потом? Она сказала, где собирается остановиться?

- Нет, я не спрашивал. Мы простились, и она села в кеб. У меня была назначена встреча, и я… Господи, что это такое с Херрингом?

Поднявшись, Херринг принялся расхаживать по комнате, сжав голову обеими руками.

- Не обращайте на него внимания. Итак, мисс Балстроуд, юная леди в возрасте… сколько ей лет?

- Восемнадцать… нет, только что исполнилось девятнадцать.

- Высокая, миловидная девица?

- Ну да. А что, с ней что-нибудь случилось?

- С ней ничего не случилось, - заверил его Сомервиль. - С ней как раз все в порядке. Она более или менее хорошо проводит время.

Поэт облегченно вздохнул.

- Час назад я задал ей вопрос, - проговорил Джек Херринг, который по-прежнему не отнимал рук от головы, словно желая убедиться, что она на месте, - способна ли она, по ее мнению, полюбить меня! Как вы думаете, это может выглядеть как предложение руки и сердца?

Остальные члены Клуба выразили единодушное мнение, что это, собственно говоря, можно считать предложением.

- Мне так не кажется, - запротестовал Джек Херринг. - По-моему, в этих словах содержится лишь намек!

Члены Клуба выразили суждение, что подобные увертки не к лицу истинному джентльмену.

Выходило так, что требовалось срочно что-то предпринять. Джек Херринг сел и тут же начал строчить письмо мисс Балстроуд, живущей у миссис Поустуисл.

- Вот чего никак понять не могу, так… - начал поэт Александр.

- Ради Бога, - простонал Джек Херринг, - пусть его кто-нибудь уведет отсюда и там все расскажет! Разве можно сосредоточиться в таком гаме!

- Но как же Беннет… - негромко сказал Порсон.

- Кстати, где Беннет? - послышались удивленные голоса.

Гарри Беннета никто в течение всего дня не видал.

Письмо Джека Харринга “мисс Балстроуд” было вручено адресату на

следующее утро во время завтрака. Изучив его содержание, “мисс Балстроуд” поднялась из-за стола и попросила у миссис Поустуисл одолжить ей полкроны.

- Мистер Херринг специально подчеркнул в своих наставлениях, - объяснила свой отказ миссис Поустуисл, - чтобы я ни в коем случае не одалживала вам денег.

- Вы бы прочли письмо, - сказала “мисс Балстроуд”, протягивая ей листок, - может быть, тогда вы согласитесь со мной, что Херринг попросту кретин.

Миссис Поустуисл прочла письмо и вынула полкроны.

- Используйте их частично на то, чтобы побриться, - посоветовала миссис Поустуисл. - Если, конечно, вы намерены и дальше подобным образом валять дурака.

”Мисс Балстроуд” с изумлением уставился на нее. А миссис Поустуисл безмятежно заканчивала свой завтрак.

- Ни слова им! - произнес Джонни. - Ни в коем случае, по крайней мере пока.

- Меня все это не касается, - ответила миссис Поустуисл.

Минут через двадцать истинная мисс Балстроуд, навещавшая свою тетушку в Кенсингтоне, с удивлением вскрыла конверт и прочла впопыхах нацарапанную записку следующего содержания:

”Необходимо немедленно с тобой поговорить - наедине. Не ахай, когда меня увидишь. Не волнуйся. Я тебе в два счета все объясню. ДЖОННИ”.

Объяснение заняло значительно больше времени, но наконец-то Джонни смог его завершить.

- Прекрати хохотать! - сказал Птенчик.

- Но вид у тебя такой потешный! - ответила его сестра.

- А они так не считают! - огрызнулся Птенчик. - Я их всех обдурил. Полагаю, что тебе в один день столько внимания не выпадало!

- Ты убежден, что обдурил их? - спросила сестра

- Вот приходи сама к нам в Клуб в восемь часов вечера, - сказал Птенчик, - сама увидишь. Возможно, если будешь паинькой, я тебя как-нибудь потом свожу в театр.

Сам Птенчик появился в Клубе без чего-то восемь и встретил там весьма сдержанный прием.

- Мы думали, что вы пропали, - заметил холодно Сомервиль.

- Меня вызвали внезапно… по крайне важному делу, - пояснил Птенчик. - Чрезвычайно всем вам, друзья, признателен за то, что пестовали мою сестрицу. Она мне все рассказала.

- Не стоит благодарности, - ответили единичные голоса.

- Нет, это так любезно с вашей стороны, - настаивал Птенчик. - Прямо не знаю, что бы она без вас делала.

Пустяки, заверили его члены Клуба. То, как краснели и скромно опускали головы члены Автолик-клуба, заслушивая похвалу в свой адрес, производило трогательное впечатление. Втайне сами о себе они отозвались бы иначе. Ну, может быть, вслух бы и не произнесли, но хотя бы подумали.

- О тебе, Джек, она рассказывает с таким чувством, как ни о ком другом, - заметил Птенчик, поворачиваясь к Джеку Херрингу.

- Как же, как же, ты же знаешь, мой милый, - воскликнул Джек Херринг, - ради твоей сестрички я готов…

- Знаю-знаю, мой милый, - перебил его Птенчик. - Я всегда это чувствовал.

- И не будем больше об этом! - сказал Джек Херринг.

- Она не совсем поняла смысл твоего письма, которое получила нынче утром, - продолжал Птенчик, игнорируя предложение Джека. - Она опасается, что ты счел ее неблагодарной!

- Сдается мне по здравом размышлении, - извиняющимся тоном начал Джек Херринг, - что кое в чем она меня неправильно могла понять. Я ей так и написал: временами, случается, я не совсем соображаю, что говорю и делаю.

- Это довольно странно, - сказал Птенчик.

- Ты прав, - согласился Джек Херринг. - Вчера у меня как раз был такой день.

- Сестра рассказывала, что ты был так любезен с ней, - заверил Птенчик Джека. - Сначала ей показалось не слишком вежливым то, что ты отказался одолжить ей денег. Но когда я ей все объяснил…

- Да, с моей стороны это было очень глупо, - перебил его Джек. - Теперь я это вижу. Сегодня утром я отправился к ней объясняться. Но ее уже не было, а миссис Поустуисл, как я понял, считает, что лучше все оставить как есть. Я ужасно себя за все это корю.

- Милый мой, не стоит себя ни в чем винить, - сказал ему Птенчик. - Ты вел себя достойно. Сегодня вечером она зайдет за мной в Клуб и хочет специально поблагодарить тебя за все.

- Нет, лучше не надо! - запротестовал Джек.

- Ерунда! - воскликнул Птенчик.

- Ты должен меня извинить, - отбивался Джек Херринг. - Я бы не хотел прослыть грубияном, но мне бы лучше с ней не встречаться.

- А вот и она! - воскликнул Птенчик, принимая в этот самый момент карточку из рук старого Гослина. - Ей твое поведение покажется странным.

- И все же я не могу! - повторял бедняга Джек.

- Нет, это невежливо! - заметил Сомервиль.

- Пошел ты! - заметил Джек. - Вот ты с ней и встречайся!

- Она не ко мне сюда пришла, - пояснил Сомервиль

- Нет, и к тебе! - поправил его Птенчик. - Я позабыл, она обоих вас хочет видеть.

- Если я ее увижу, - сказал Джек, - я расскажу ей всю правду!

- Знаешь ли, - сказал Сомервиль, - сдается мне, что так оно лучше всего.

Мисс Балстроуд сидела в вестибюле. Джек Херринг и Сомервиль нашли, что нынешний ее менее вызывающий туалет идет ей гораздо больше.

- Вот он! - победно провозгласил Птенчик. - Вот он, Джек Херринг! А вот Сомервиль. Ты не поверишь, мне едва удалось заставить их выйти к тебе! Бедняга Джек, он у нас всегда такой застенчивый!

Мисс Балстроуд поднялась. Сказала, что у нее нет слов, чтобы отблагодарить джентльменов за оказанную ей любезность. Казалось, мисс Балстроуд пребывает в крайнем волнении. Голос ее дрожал от полноты чувств.

- Погодите, мисс Балстроуд, - сказал Джек Херринг, - прежде всего мне хотелось бы признаться вам, что мы все время принимали вас за вашего брата, только переодетого в женское платье.

- О! - воскликнул Птенчик. - Так вот в чем дело! Ну, если бы я знал…

Птенчик осекся, решив, что лучше не продолжать. Тут Сомервиль схватил его за плечи и, резко встряхнув, поставил рядом с сестрой, так что его освещал свет газового рожка.

- Ах, мерзавец ты этакий! - сказал Сомервиль. - Ведь это ты и был!

И Птенчик, сознавая, что игра окончена, но довольный, что шутка оказалась не полностью односторонней, сознался.

В тот вечер Джек Херринг и Сомервиль, адвокат без практики, отправились с Джонни и его сестрой в театр. Мисс Балстроуд весьма

понравился Джек Херринг, о чем она и призналась своему брату. Однако Сомервиль, адвокат без практики, понравился ей даже больше, и впоследствии, будучи подвержена перекрестному опросу, когда Сомервиль уже перестал быть адвокатом без практики, она призналась Сомервилю в этом сама.

Но этот сюжет не имеет отношения к нашей истории, которая завершается тем, что мисс Балстроуд явилась на встречу, назначенную в понедельник мистером Джоуэтом “мисс Монтгомери”, и тем обеспечила рекламу Мраморного Мыла на обороте журнала “Хорошее настроение”. На целых полгода и за двадцать пять фунтов в неделю.

История седьмая

КАК ДИК ДЭНВЕРС ВЫСТУПАЛ ПРОСИТЕЛЕМ

Уильям Клодд утер лоб, отложил отвертку и, отступив на шаг, с видимым удовольствием оглядел результат своих трудов.

- Ну прямо-таки книжный шкаф! - сказал себе Уильям Клодд. - Можно хоть полчаса в этой комнате проторчать, все равно ни за что не догадаешься, что это вовсе не книжный шкаф.

А сотворил Уильям Клодд следующее: он составил по своему собственному проекту некую конструкцию как бы из четырех полок, уставленных творениями, предполагавшими концентрацию мысли и эрудиции. На самом деле это был не книжный шкаф, а простые доски, вместо же настоящих книг - одни корешки томов, содержимое которых уже давно проследовало в переработку на бумажную фабрику. Этот искусный камуфляж Уильям Клодд соорудил при помощи отвертки поверх небольшого пианино, стоящего в углу редакторского помещения “Хорошего настроения”. Несколько настоящих книг, сложенных стопкой на крышке пианино, способствовали ощущению подлинности картины. Как справедливо заметил Уильям Клодд, случайный посетитель вполне мог бы обмануться.

- Если оказаться в комнате в тот момент, когда она разучивает свои гаммы, обман живо рассеется! - заметил редактор “Хорошего настроения”, некий Питер Хоуп. Слова его прозвучали с горечью.

- Вы же не вечно здесь торчите, - сказал Клодд. - А она часами бывает дома одна. Чем ей еще заняться? Кроме того, вы скоро к этому привыкнете.

- Насколько я могу заметить, вы привыкнуть и не пытаетесь! - рявкнул Питер Хоуп. - Стоит ей сесть за пианино, как вас уж и след простыл!

- Один мой приятель, - продолжал Уильям Клодд. - семь лет проработал в конторе, располагавшейся над лавкой, торговавшей пианино, и когда лавка закрылась, у него чуть не погорело все его предприятие: он так к ней привык, что без этих звуков просто не мог работать.

- Почему бы ему не перейти сюда? - осведомился Питер Хоуп. - Второй этаж над нами не занят.

- Невозможно, - пояснил Уильям Клодд. - Он скончался.

- Вполне объяснимо, - заметил Питер Хоуп.

- В эту лавочку заходили те, кто хотел поупражняться в игре на пианино за шесть пенсов в час, и приятелю это очень нравилось, он утверждал, что это создает радостный фон для его мыслительной работы. К чему только не привыкает человек!

- Но для чего все это! - воскликнул Питер Хоуп

- Для чего! - с презрением повторил Уильям Клодд. - Всякая девушка должна уметь играть на фортепьяно. Разве это не приятно, если любимый человек попросит ее сыграть для него что-нибудь и…

- Надеюсь, вы не собираетесь открывать брачное агентство? - презрительно бросил Питер Хоуп. - Вам бы только все про любовь, женитьбу, больше ни о чем и думать не желаете!

- Когда у вас на глазах подрастает молодая девица…

- Только не у вас, а у меня! - перебил его Питер. - Вот что я все время и

пытаюсь вам втолковать. Это у меня на глазах она подрастает! И, говоря между нами, я бы просил вас в эти дела не вмешиваться.

- Как воспитатель юной девицы вы никуда не годитесь.

- Я пестую ее вот уже семь лет и обхожусь без вашей помощи! Она моя приемная дочь, а не ваша! Был бы весьма признателен, если бы ко мне не приставали со всякими советами.

- И все же хотел бы заметить…

- Благодарю вас, - саркастически произнес Питер Хоуп. - Вы крайне любезны. Возможно, если у вас окажется время, вы письменно составите мне характеристику.

- …что все до поры до времени, - невозмутимо докончил свою фразу Клодд. - Ведь восемнадцатилетней девушке требуется нечто большее, чем знание математики и классической литературы. Вам этого не понять!

- Я все прекрасно понимаю! - провозгласил Питер Хоуп. - Вам-то откуда знать, что им требуется? У вас нет детей!

- Вы, конечно, постарались на славу! - произнес Уильям Клодд покровительственным тоном, чрезвычайно раздражавшим Питера. - Только откуда вам, мечтателю, знать, что такое жизнь! Приближается пора, когда девушка должна подумать о замужестве.

- Пока еще у нее не возникает необходимости думать о замужестве, не те годы, - отрезал Питер. - Но даже если возникнет, какое отношение может ко всему этому иметь бренчание на пианино?

- Посфольте, посфольте! - встрепенулся доктор Смит, до сих пор выступавший в роли молчаливого слушателя. - Мне кашется, наш молотой трук Клотт праф! Фи так и не сумели примириться с мыслью, што она не мальшик! Фи фоспитыфали ее как мальшика!

- Стригли ей волосы! - вставил Клодд.

- Я - не стриг! - воскликнул Питер.

- Ну, водили ее к парикмахеру, что одно и то же. В свои восемнадцать она лучше разбирается в истории древних греков и римлян, чем в нарядах!

- Што есть юная дефиса? - вопрошающе произнес доктор. - Это сфеток, украшающий сат шисни, шурчаший ручей, пекуший вполь пыльной тороки, веселый оконек…

- Давайте что-нибудь одно! - прервал его Питер, являясь ярым приверженцем чистоты стиля. - Попрошу не злоупотреблять сравнениями!

- Да прислушайтесь же к голосу разума! - воскликнул Уильям Клодд. - Мы хотим… мы все хотим… чтобы наша девушка во всем была лучше всех.

- Я хочу, чтобы она… - произнес Питер Хоуп, роясь в бумагах, загромождавших его письменный стол. Нет, здесь, разумеется не было! Питер выдвинул один ящик, другой. - Мне бы хотелось, - сказал Питер Хоуп, - мне бы иногда хотелось, чтобы она не была столь изобретательна.

Старый доктор проглядывал стопки пыльных бумаг в углу. Клодд обнаружил искомое на каминной полке под полой ножкой медного подсвечника и вручил Питеру.

Был у Питера один грешок - нюхать табак в весьма ощутимых количествах, что, как он сам считал, было губительно для его здоровья. Обычно снисходительная к большинству мужских слабостей, Томми тщательно противилась именно данному пороку.

- Ты роняешь табак на сорочку и на сюртук, - приводила свои доводы Томми. - Я хочу, чтобы ты всегда опрятно выглядел. Ко всему прочему, это нехорошая привычка. Я так хочу, папочка, чтобы ты распростился с ней!

- Непременно! - соглашался Питер. - Иначе это окончательно подорвет мое здоровье. Но только не сразу… это было бы мучительно. Постепенно, Томми, постепенно!

Таким образом, был достигнут некий компромисс. Договорились, что Томми будет прятать табакерку. Табакерка должна была находиться где-то в комнате и под рукой, однако где именно, неизвестно. Питер, если уже был не в силах совладать с самим собой, мог приняться за поиски и найти

желаемое. Временами удача улыбалась Питеру и он находил табакерку с утра пораньше. Тогда он принимался с горечью бичевать себя за то, что позволил себе предаться подобному разврату. Но чаще всего хитроумие Томми побеждало, и, будучи стеснен временем, Питер был вынужден прекратить тщетные поиски. Томми всегда определяла его поражение по тому полному гордого негодования виду, с которым он иной раз встречал ее появление. И тогда ближе к вечеру Питер, отрывая взгляд от письменного стола, порой обнаруживал прямо перед носом раскрытую табакерку, а над ней пару осуждающих черных глазок, гнев которых гасился улыбкой, каковую плотно сжатые полные розовые губки пытались скрыть. И Питер, понимая, что ему будет дозволено сделать всего одну понюшку, вдыхал содержимое табакерки от души.

- Я хочу, - произнес Питер Хоуп, которому присутствие в руке табакерки придавало больше уверенности во взглядах, - чтобы она стала трезвой и умной женщиной, способной самостоятельно зарабатывать на жизнь и потому независимой. Чтобы она не была беспомощной куколкой, призывающей в слезах, чтобы какой-нибудь мужчина явился и принял на себя заботу о ней.

- Всякая женщина, - заметил Клодд, - требует того, чтобы о ней заботились.

- Быть может, иные - да, - сказал Питер, - но Томми, и это вы сами прекрасно знаете, явно не из заурядных женщин. Она обладает способностью мыслить. Она сможет самостоятельно пробиться в жизни.

- Это абсолютно не зависит от способности мыслить, - сказал Клодд. - У нее нет локтей.

- Локтей?

- Ну или они у нее недостаточно остры. Если приходится ждать под дождем последнего омнибуса, вот тут-то и выясняется, может женщина пробиться в этой жизни или нет. Томми как раз из тех, кто останется на тротуаре.

- Она как раз из тех, - отрезал Питер, - кто способен сделать себе имя и потому пользоваться услугами кеба. И хватит меня стращать!

Тут Питер, зажав большим и указательным пальцами нос, с горделивым видом нюхнул табак.

- Нет, буду стращать! - не унимался Клодд. - И тут вы меня не разубедите. У бедной девочки нет матери!

К счастью для всех присутствующих, дверь отворилась, и в тот же момент в комнате возник объект дискуссии.

- Выбила рекламу “Цветущей маргаритки” из старого Блэтчли! - провозгласила Томми, победоносно размахивая над головой листком бумаги.

- Не может быть! - воскликнул Питер. - Как тебе это удалось?

- Просто попросила, и он дал.

- Очень странно, - задумчиво протянул Питер. - Я сам только неделю назад просил об этом старого дуралея. Он категорически отказал мне.

Клодд презрительно фыркнул.

- Ты знаешь, я не люблю, когда ты занимаешься подобными делами. Это не пристало молодой девушке…

- Да все нормально! - уверила его Томми. - У него лысина!

- Какое это имеет значение! - заметил Клодд

- Имеет, - сказала Томми, - обожаю лысых.

Обхватив голову Питера, она чмокнула его в лоб - и учуяла красноречивые свидетельства того, что он нюхал табак.

- Всего одна понюшка, дорогая, - пояснил Питер. - Одна-единственная понюшка.

Томми убрала табакерку с письменного стола.

- Вот смотрите, куда я убираю ее на этот раз! - сказала она, пряча табакерку в кармашек.

Лицо у Питера вытянулось.

- Ну как твое мнение? - спросил Клодд, отведя Томми в дальний угол. - Неплохая идея, а?

- Послушайте, но где же пианино? - воскликнула Томми.

Клодд с сияющим, победоносным видом оглянулся на остальных.

- Надувательство! - пробурчал Питер.

- Никакое не надувательство! - возмущенно воскликнул Клодд. Она приняла это за книжный шкаф, значит, всякий примет! Ты сможешь сидеть здесь и часами упражняться на инструменте, - объяснил Клодд Томми, - а как только услышишь на лестнице чьи-то шаги, сразу и прекратишь.

- Да как же она сможет услыхать, если она… - воскликнул Питер, нашедший блистательный довод. - Послушайте, Клодд, вы же практичный человек, - перешел Питер на вкрадчивый тон, прибегая к Сократову методу, - а что, если мы купим ей какое-нибудь игрушечное пианино… ну, вы меня понимаете, по виду совсем как настоящее, только совершенно беззвучное, а?

Клодд покачал головой.

- Нет, это никуда не годится. Невозможно будет определить результат занятий.

- Так-то оно так! Но, с другой стороны, Клодд, не кажется ли вам, что порой результат способен охладить рвение начинающего?

Клодд выразил мнение, что с подобным расхолаживанием надо бороться.

Томми, усевшаяся за пианино, принялась играть гамму в обратном направлении.

- Что ж, мне пора забежать в типографию напротив, - сказал Клодд, подхватывая свою шляпу. - В три у меня встреча с Гриндли. А ты работай себе, работай. Регулярно, хотя бы по полчаса в день, вот и добьешься

замечательных результатов.

С этими ободряющими в адрес Томми словами Клодд исчез.

- Хорошо ему! - с горечью произнес Питер. - Вечно у него встреча в тот момент, когда она принимается за упражнения.

Казалось, в свою игру Томми вкладывает всю душу. Прохожие на Крейн-Корт останавливались, обращая встревоженные лица к окнам первого этажа дома, где помещалась редакция журнала “Хорошее настроение”, затем спешили по своим делам.

- Какие пальсы, какой мощный утар! - прокричал доктор в самое ухо Питеру. - Увитимся… вечером! Кое-што нато скасать…

Низенький, толстый доктор, взяв шляпу, удалился Томми, внезапно оборвав свои экзерсисы, подошла к Питеру и присела на ручку кресла.

- Ты сердишься? - спросила Томми.

- Да нет же, я не против громких звуков, - пояснил Питер. - Я смирюсь с этим, как только появится первый положительный результат.

- Это поможет мне выйти замуж, папа. Правда, мне это представляется несколько странным. Но так считает Билли, а Билли разбирается абсолютно во всем.

- Не могу понять, как ты, такая разумная девушка, прислушиваешься к подобной чепухе, - сказал Питер. - Это меня тревожит.

- Папа, да неужто ты ничего не понял? - воскликнула Томми. - Посмотри, как вертится Билли! Ведь он мог бы найти на Флит-стрит полдюжины журналов и зарабатывать по пять тысяч в год в качестве рекламного агента, ты же сам знаешь! А он этого не делает. Он привязан к нам. И если то, что я дурачусь на этой жестяной кастрюле, которую ему продали в качестве пианино, приносит ему хоть какое-нибудь удовольствие, ну разве это с моей стороны не правильно и не разумно, не говоря уже о симпатии и благодарности, которые я к нему испытываю? Знаешь, папа, я приготовила ему сюрприз. Вот послушай!

И Томми, соскочив с ручки кресла, побежала к пианино.

- Ну как? - спросила она, кончив играть. - Ты понял, что это было?

- По-моему, - сказал Питер, - похоже на… Послушай, это не “Родной и милый дом”, а?

Томми захлопала в ладоши.

- Ну конечно! Тебе это в конце концов самому понравится, папочка. Мы станем устраивать домашние музыкальные вечера.

- Скажи, Томми, как ты думаешь, правильно ли я тебя воспитываю?

- По-моему, неправильно, папа! Ты слишком поощряешь мою самостоятельность. Помнишь поговорку: “У хороших матерей вырастают дурные дочери”. Клодд прав. Ты меня испортил, папа. Помнишь, родной, как я впервые явилась к тебе семь лет тому назад, маленькое уличное отродье в лохмотьях, которое само даже не имело понятия, девочка оно или мальчик? И знаешь, что я про себя подумала, как только увидала тебя? “Вот сидит старый, безвольный простофиля. Вот бы мне попасть к нему в дом!” Когда барахтаешься в нищете, учишься видеть жизнь, умеешь распознавать человека по лицу, с первого взгляда.

- Помнишь, как ты готовила, Томми? Помнишь, как вбила себе в голову, будто у тебя к этому есть способность?

- Господи, как ты все это вынес! - рассмеялась Томми.

- А твое упрямство? Явилась наниматься в качестве кухарки и экономки и только в этом качестве намерена была оставаться. Если я предлагал что-либо изменить, твой подбородок немедленно взмывал кверху. Я даже не смел себе позволить часто обедать вне дома, ты терзала меня, как маленький тиран. Единственное, что ты была готова учудить в любую минуту, - это, заметив на моем лице недовольство, тут же кинуться вон из моего дома оставив меня одного. Откуда в тебе такая дикая независимость?

- Не знаю. Должно быть, от одной женщины… Возможно, моей матери, не знаю… Помню, как она сидела в постели и кашляла, мне казалось, она кашляла всю ночь напролет. К нам приходили какие-то люди - леди в

богатых платьях, напомаженные джентльмены. Мне кажется они хотели нам помочь. У многих были добрые голоса. Но неизменно на лице той женщины появлялось жесткое выражение, и она заявляла им, я уже тогда понимала, что это неправда… Это одно из самых ранних моих воспоминаний… Она заявляла, что у нас все есть, что нам не нужна ничья помощь. И они уходили, пожимая плечами. И я росла с убеждением, которое прямо-таки каленым железом было запечатлено в моем мозгу, что принимать от кого бы то ни было что-либо даром - стыдно. По-моему, это убеждение живет во мне до сих пор, даже от тебя бы я милости не приняла. Скажи, папа, я нужна тебе, я действительно тебе помогаю?

Томми произнесла это со страхом в голосе. Питер почувствовал, как дрожат ее маленькие руки на его плечах.

- Помогаешь ли ты? Господи, да ты трудишься как негр… то есть как должен был бы работать негр, хотя он так не считает. Никто, сколько бы мы ему ни платили, и вполовину так не работает, как ты. Мне бы не хотелось, юная леди, сверх надобности кружить тебе голову, но все же я скажу: у тебя есть способности. Кто его знает, может, даже талант.

Питер почувствовал, как маленькие руки сдавили ему плечо.

- Я очень хочу, чтобы наш журнал имел успех. Потому-то я и бренчу на пианино, чтобы ублажить Клодда. Разве это надувательство?

- Боюсь, что да. Но надувательство - тот благодатный смазочный материал, который побуждает весь жизненный водоворот крутиться более плавно. Все же перебарщивать нельзя, надо капать им потихоньку. Но скажи, единственное ли это надувательство с твоей стороны, Томми? - Сейчас голос Питера звучал со страхом. - Может, ты считаешь, что он лучше тебя понимает… что способен сделать большее для тебя?

- Ты хочешь, чтоб я полностью призналась, как отношусь к тебе? Нет уж, я буду выдавать тебе это понемногу, тебе это вредно слышать часто. В данном случае тебе это может вскружить голову.

- Я ревную, Томми. Я ревную тебя ко всякому, кто к тебе приближается. В старости жизнь для нас превращается в трагедию. Мы, старики, понимаем, что настанет день, и молодежь покинет родное гнездо, и мы останемся одни, притихшие, смешные птицы средь облетевших листьев и

голых ветвей. Когда у тебя будут свои дети, ты поймешь. Этот глупый разговор о замужестве! Мужчине-отцу слушать это больнее, чем женщине-матери! Мать продолжает жить в своем ребенке, отец же лишается всего, что имел.

- Послушай, папа, вспомни, сколько мне лет! К чему эти преждевременные разговоры.

- Он появится, твой жених, девочка!

- Ну да, - ответила Томми, - надеюсь, что он появится. Только не скоро еще… ну, конечно, еще очень не скоро. Ну не надо так! А то мне становится страшно.

- Тебе? Отчего же тебе страшно?

- Мне больно. Я становлюсь трусихой. Да, я хочу, чтобы это пришло. Я хочу почувствовать, что такое жизнь, испить чашу до дна, оценить ее содержимое. Это говорит во мне мальчишка. Я всегда была немножко мальчишкой. В то же время, когда верх берет женское начало, все сжимается во мне в предчувствии будущих тяжелых испытаний.

- Томми, ты говоришь так, будто любовь - что-то ужасное.

- В ней есть всякое, папа, я чувствую это. В ней, как в капле, собрана вся жизнь. Это меня и пугает.

Его дитя стояло перед ним, закрыв лицо руками. Старый Питер, никогда не умевший лгать, молчал, не зная, чем ее утешить. Но вот исчезло темное облачко, и снова на него взглянули смеющиеся глазки Томми.

- Скажи-ка, папа, нет ли у тебя каких-нибудь дел, я имею в виду вне редакции?

- Хочешь от меня отделаться?

- Видишь ли, для того, чтобы добиться результата, мне ничего не остается, как играть и играть. Необходимо много и упорно заниматься.

- Пожалуй, я смогу проглядеть написанную мной статью на набережной,

- сказал Питер.

- По крайней мере, в одном вы все должны быть мне благодарны, - сказала с улыбкой Томми, усаживаясь за пианино. - Разве я не вынуждаю вас проводить больше времени на свежем воздухе?

Оставшись одна, Томми со свойственным ей рвением и старательностью принялась за свои упражнения. Вступив в единоборство с нелегкими гаммами, Томми все ниже и ниже склонялась к развернутым перед ней “Этюдам” Черни. Подняв голову, чтобы перевернуть страницу, Томми к своему изумлению, увидела перед глазами незнакомца. Глаза у него были карие, а выражение лица добродушное. Золотившиеся в солнечном свете пушистые усы и короткая бородка клинышком, однако, не скрывали красивый рот, в уголках которого притаилась улыбка.

- Прошу прощения, - сказал незнакомец, - я стучал трижды. Возможно, вы не слышали.

- Да, не слышала! - призналась Томми, прикрывая “Этюды” Черни и вставая, при этом ее подбородок устремился так высоко, что каждый, кто был знаком с движением ее нрава, счел бы уместным скрыться с глаз долой.

- Скажите, это редакция журнала “Хорошее настроение”, не так ли? - осведомился незнакомец

- Именно так.

- Могу ли я видеть редактора?

- Он вышел.

- А помощника редактора? - рискнул незнакомец.

- Помощник редактора - я!

Незнакомец в изумлении поднял брови, в то время как Томми, наоборот, потупилась.

- Не будете ли вы добры посмотреть вот это? - Незнакомец вынул из

кармана и протянул Томми свернутую рукопись. - Она не займет у вас много времени. Конечно, я мог бы отправить ее по почте, но мне уже так надоело отправлять рукописи почтой.

В манере незнакомца было что-то одновременно и от дерзости, полной достоинства, и от застенчивости, не лишенной трогательности. Его взгляд то бросал вызов, то умолял. Томми протянула руку, взяла рукопись и удалилась вместе с нею за надежный бастион, то бишь огромный редакторский письменный стол, с одного фланга прикрываемый ширмой, а с другого - громадным вращающимся книжным шкафом и являвший в узкой комнате вид неприступной крепости. Незнакомец остался стоять.

- Что ж, неплохо, - похвалила помощник редактора. - Возможно, опубликовать стоит, но платить не будем.

- Как, даже и… и символически? Ведь я же не дилетант какой-нибудь!

Томми поджала губы.

- Стихи в издательском деле неходкий товар. За бесплатно можно раздобыть сколько угодно всяких стихов.

- Ну хотя бы полкроны? - взмолился незнакомец.

Томми кинула беглый взгляд через стол, и только тогда впервые смогла оглядеть его с ног до головы. На посетителе было длинное, поношенное коричневое пальто - собственно, длинным оно бы оказалось на мужчине обычного роста, тогда как незнакомец был необыкновенно высок, и подобное пальто на нем выглядело до смешного коротким, едва доходя ему до колен. Вокруг шеи был аккуратно обмотан и засунут глубоко под сюртук голубой шелковый шарф, так что, не видя рубашки с воротничком, есть ли она на нем в действительности, сказать было невозможно. Из рукавов торчали синие от холода руки. Вместе с тем черный сюртук и жилет, а также серые французские панталоны были, бесспорно, сшиты первоклассным портным и сидели на нем идеально. Шляпа, которую он положил на стол, отдавала восхитительным блеском, а ручку шелкового зонта венчала позолоченная голова орла с двумя рубинами вместо глаз.

- Можете оставить рукопись, если вам угодно, - предложила Томми. - Я поговорю насчет нее с редактором, когда он вернется.

- Не забудете? - не отставал незнакомец.

- Нет, - ответила Томми. - Я не забуду.

Сама того не осознавая, она не сводила с незнакомца глаз, незаметно вернулась старая привычка пристально и критически осматривать собеседника.

- Премного вам благодарен, - сказал незнакомец. - Завтра я снова зайду.

Попятившись к двери, он наконец вышел.

Томми сидела, закрыв лицо ладонями. “Этюды” Черни были позабыты.

- Заходил кто-нибудь? - осведомился Питер Хоуп.

- Нет, - сказала Томми. - Хотя… так, один человек. Оставил вот это… по-моему, неплохо.

- Старая песня, - заметил Питер, разворачивая рукопись. - Мы все начинали со стихов. Затем принимались писать романы - на поэзии не заработаешь. Теперь пишем заметки: “Как сделать брак счастливым”, “Как следует воспитывать девочек”. Вот и проходит жизнь. Так что по поводу этой рукописи?

- А, обычное дело! - сказала Томми. - Он хочет за нее полкроны.

- Вот бедняга! Дадим ему полкроны.

- Это не деловой подход! - проворчала Томми.

- Ну, как сказать, - заметил Питер. - Поместим это в рубрике “Телеграммы”.

На другой день незнакомец явился рано утром, забрал свои полкроны и оставил очередную рукопись - на сей раз очерк. Кроме того, он оставил свой зонтик с золоченой ручкой, прихватив вместо него старый дешевый зонт Клодда, который держал его здесь на случай крайне ненастной погоды. Питер счел, что очерк неплох.

- У него есть своя манера, - сказал Питер, - Он оригинально пишет. Скажи ему, чтоб пришел, я хочу с ним встретиться.

Не обнаружив своего зонта, Клодд пришел в негодование.

- Что мне с этой штукой делать! - бурчал он. - С такими только всякие пижоны в пантомиме выступают! Нет, этот малый полный идиот!

Когда незнакомец появился в следующий раз, Томми изложила ему комментарий обоих. Что касается ситуации с зонтами, то тут незнакомец скорее выразил огорчение, нежели удивление.

- Так вы считаете, что мистер Клодд не возьмет этот зонт в обмен на свой? - спросил он.

- Едва ли ваш в его вкусе, - пояснила Томми.

- Как странно! - с улыбкой заметил незнакомец. - Вот уже почти месяц я пытаюсь избавиться от этого зонтика. Когда-то, когда я предпочитал с моим зонтиком не расставаться, его обязательно кто-нибудь уносил по ошибке, оставляя вместо него какое-нибудь старье. Когда же я и в самом деле решил распроститься с ним, зонт оказался никому не нужен!

- А почему вы хотите от него избавиться? - спросила Томми. - По-моему, прекрасный зонт.

- Вы даже представить себе не можете, сколько неприятностей он мне доставляет, - сказал незнакомец. - Этот зонт для богатого человека. Мне стоит огромных усилий отправиться с ним в дешевый ресторан. Стоит мне на это решиться, как официанты принимаются предлагать мне самые дорогие блюда и рекомендовать шампанское самых изысканных марок. И бывают безмерно удивлены, когда я заказываю только отбивную и стакан пива. И мне не всегда достает смелости их разочаровывать. Поистине этот зонт для меня прямо-таки бедствие! Стоит мне его поднять, чтобы остановить омнибус, тотчас несколько кебов подъезжает ко мне и кучеры принимаются спорить, кто первый. Буквально ничего не могу сделать так, как мне хочется. Я хочу жить просто и без претензий, но он мне не позволяет.

- А вы не могли бы его потерять? - со смехом спросила Томми.

- Потерять! - рассмеялся незнакомец в свою очередь. - Вы не представляете, до чего пошли честные люди! Я сам не представлял. За последние пару недель человечество значительно выросло в моих глазах. Люди бегут за мной Бог знает откуда, чтобы всучить мне снова мой зонт - притом в дождливый день, притом те, которые не могут себе позволить подобную вещь. То же происходит с этой шляпой. - Незнакомец со вздохом взял ее в руки. - Я все время пытаюсь оставить ее где-нибудь и взять взамен что-либо умеренно поношенное. Мне упорно не дают этого сделать.

- Так почему бы вам не заложить их? - предложила практичная Томми.

Незнакомец посмотрел на нее с восхищением.

- А знаете, мне это вовсе не приходило в голову. Ну конечно же! Какая блестящая идея! Я вам очень признателен.

И незнакомец, явно окрыленный, удалился.

- Вот дуралей! - в задумчивости пробормотала Томми. - Ему платят четверть того, что ему причитается, а он довольствуется этим и говорит: “Я вам очень признателен!”

И весь остаток дня Томми с беспокойством только и думала об этом беспомощном незнакомце.

Незнакомца звали Ричард Дэнверс. Он жил на противоположной стороне Холборна в квартале Фезерстоун, но большую часть времени проводил в редакции “Хорошего настроения”.

Питеру он пришелся по душе.

- Многообещающий юноша, - считал Питер. - Его критический отзыв на мою статью “Образование женщин” свидетельствует о том, что он способен мыслить и чувствовать. Это выдает в нем ученого и мыслителя.

Секретарь редакции Флипп (по-настоящему Филип) тоже ему симпатизировал, а мнение Флиппа принято было считать

основополагающим.

- Он молодчина, - заявлял Флипп, - вовсе не задается. Человек с мозгами, хотя это не сразу бросается в глаза.

Он нравился мисс Рэмсботэм.

- Мужчин, - говорила она, - тех мужчин, о которых стоит говорить, - поясняла она, - можно разделить на две группы. На мужчин, которые должны нам нравиться, но не нравятся. И мужчин, которые нам нравятся, хотя для этого нет видимых оснований. Лично я вполне могла бы влюбиться в вашего друга Дика. Он привлекателен именно сам по себе.

Даже Томми он по-своему нравился, хотя временами она бывала с ним резка.

- Если вы пишете о большой улице, - ворчала Томми, просматривая корректуру, - почему не сказать просто “большая улица”? Зачем вы вечно называете ее “главной артерией”?

- Прошу прощения, - извиняющимся тоном заметил Дэнверс. - Но это не моя идея. Вы посоветовали мне ознакомиться с журналами для высшего общества.

- Я не просила вас в точности повторять все их огрехи! Ну вот, опять! Вечно у вас толпа - “чудовище с головой гидры”, а чай - “напиток, который освежает, но не пьянит”!

- Боюсь, я доставляю вам кучу хлопот, - заметил сотрудник журнала.

- Боюсь, что так оно и есть, - согласилась с ним помощник редактора.

- Только не думайте, я не безнадежен! - умоляюще сказал сотрудник. - Просто я вас не так понял. Впредь я буду писать на хорошем английском языке.

- Буду вам крайне признательна, - проворчала помощник редактора.

Дик Дэнверс поднялся.

- Мне бы так не хотелось получить от редакции, как вы выражаетесь, “отставку”!

Смягчившись, помощник редактора перестала запугивать сотрудника, тем более что он способен внимать критике.

- Видите ли, мисс Хоуп, я человек достаточно никчемный, - сознался Дик Дэнверс. - И меня уже начало охватывать отчаяние, как вдруг судьба свела меня с вами и вашим отцом. Общий дух здесь - я не имею в виду материальный дух, характерный для Крейн-Корт, - чрезвычайно стимулирует. Когда-то у меня были идеалы. Я стремился от них избавиться. Существуют люди, которые имеют обыкновение смеяться над такими вещами. Но теперь я вижу, что мои идеалы были не так уж плохи. Готовы ли вы помочь мне?

В каждой женщине есть что-то материнское. На мгновение Томми захотелось приголубить этого взрослого мальчугана, научить его уму-разуму. Ведь он всего лишь великовозрастное дитя! Только вырос прежде времени! Томми позволила себе протянуть ему ладошку. Дик Дэнверс крепко сжал ее в своих руках.

Единственным человеком, испытывавшим неприязнь к Дику Дэнверсу, оставался Клодд.

- Где вы его откопали? - спросил Клодд как-то у Питера, оставшись с ним в редакции наедине.

- Он сам пришел. Явился обычным путем, - пояснил Питер.

- Что вы о нем знаете?

- Ничего. И что мне о нем узнавать? У журналистов характеристик не спрашивают.

- Пожалуй, из характеристики тоже ничего не узнаешь. Но хоть что-нибудь за все это время выяснилось о нем?

- Ничего предосудительного. К чему такая подозрительность?

- Да потому, что вы беспомощный ягненок и вам нужна собака, чтоб за

вами присматривать. Кто он такой? Во время премьеры он покидает кресло в партере и скрывается в задних рядах. Стоит вам послать его на выставку в картинную галерею, он избегает закрытых просмотров и является, едва лишь начинают продавать дешевые билеты. Если присылают приглашение на званый обед, он просит меня пойти и откушать за него, после чего рассказать обо всем, что там происходило. По-моему, искренние и честные газетчики так себя не ведут, не правда ли?

- Да, это странно, это действительно странно, - вынужден был признать Питер.

- Я не верю этому человеку, - сказал Клодд. - Он не из нашего круга. Что он среди нас делает?

- Хорошо, я спрошу его, Клодд. Возьму и прямо задам ему этот вопрос.

- И поверите всему, что он вам наплетет!

- Нет, ну что вы!

- Тогда зачем спрашивать?

- Что же делать? - озадаченно спросил Питер

- Избавиться от него надо, - предложил Клодд.

- Избавиться?

- Выгнать его, и все тут! Чтоб больше не толкался в редакции целый Божий день… чтоб не глядел на нее своими преданными собачьими глазами, чтоб не обсуждал с ней своим воркующим голоском проблемы искусства и поэзии! Гнать его надо, и побыстрее… если уже не поздно.

- Да ну вас! - сказал Питер, при этом все-таки побледнев. - Как вы могли такое о ней подумать!

- Такое о ней подумать! - С этим Питером Хоупом Клодд начинал терять терпение, и этого не скрывал. - Тогда почему теперь с ее пальцев исчезли следы чернил? Раньше они были всегда. Почему теперь в ящике своего стола она держит лимон? А когда она стриглась в последний раз? Вы

спросите, и я скажу: за неделю до того, как он здесь возник, то есть пять месяцев тому назад. Раньше она стриглась регулярно раз в две недели; утверждала, что волосы неприятно щекочутся на затылке. Отчего она набрасывается на каждого, кто называет ее Томми, заявляя, что ее имя Джейн? Никогда она Джейн не была! Или вы еще недостаточно взрослы, чтобы наконец самому заметить происходящие в ней перемены?

Нахлобучив шляпу, Клодд ринулся вниз по лестнице.

Питер, придя в себя ровно через минуту, взялся за табакерку.

- Да вздор все это! - сказал он после тринадцатой понюшки. - Не верю я ничему. Впрочем, не мешает проверить. Сам я ни слова не скажу… просто потихоньку выведаю у нее.

Питер стоял спиной к камину. Томми сидела за своим письменным столом, правя корректуру фантастической истории под названием “Человек без прошлого”.

- Мне будет его не хватать, - произнес Питер. - Непременно будет его не хватать.

- Не хватать кого? - спросила Томми.

- Дэнверса, - со вздохом отвечал Питер. - Вот так всегда. Начнешь привыкать к человеку, как вдруг он возьмет и уедет… Бог знает куда, обратно в Америку, за границу. И исчезнет навсегда.

Томми подняла глаза. Она явно была озабочена.

- Как пишется “искусство”? - спросила она. - После “и” два “с” или одно?

- Одно, - сказал Питер, - а после “у” - два.

- Я так и думала, - сказала Томми, и озабоченность исчезла.

- Ты не спрашиваешь, когда он уезжает, не спрашиваешь, куда он уезжает! - с сожалением заметил Питер. - Тебя как будто это нисколько не волнует.

- Вот докончу править страницу, и тут же спрошу, - отозвалась Томми. - А по какому случаю, он не говорил?

Питер прошел через комнату и остановился так, чтобы хорошо видеть выражение ее лица, освещенного лампой.

- И тебя не огорчает мысль о том, что он уезжает и ты больше его никогда не увидишь?

- А почему я должна огорчаться? - слегка озадаченно спросила Томми, встретив испытующий взгляд Питера. - Ну, разумеется, мне жаль. Он стал нам весьма полезен. Но мы же не можем держать его при себе вечно, правда?

Потирая руки, Питер зашелся сухим смешком.

- Я говорил ему, что все это чушь! Видишь ли, Клодд решил, что ты как будто проникаешься симпатией к этому малому.

- К Дику Дэнверсу? - рассмеялась Томми. - С чего это он взял?

- Знаешь ли, мы тут подметили пару неких штришков…

- Мы?

- То есть, не мы, а Клодд.

”Какое счастье, что подметил Клодд, а не ты, папочка, - думала Томми про себя. Если бы заметил ты, было бы намного хуже”

- Ну и, естественно, я взволновался, - сознался Питер. - Понимаешь, ведь мы практически ничего не знаем об этом парне.

- Практически ничего, - согласилась Томми.

- Возможно, он глубоко порядочный человек. Я-то лично именно так и считаю. Мне он нравится. Но с другой стороны, а вдруг он окажется каким-нибудь хитрым мошенником? Я ни минуты не сомневаюсь, что такого быть не может, ну а вдруг? Страшно подумать!

- Действительно, - согласилась Томми.

- Если бы дело было в его профессиональных способностях. Как журналист он талантлив. Он умен. Для журналиста этих качеств достаточно.

- Да, он весьма усерден, - согласилась Томми.

- Мне лично, - добавил Питер, - этот парень нравится.

Томми вернулась к своей правке.

Мог ли помочь ей Питер в такой тяжелой ситуации? Он не умел бранить. Он не умел угрожать. Лишь одна персона могла бы поговорить с Томми в нужном ключе, и это была некая Джейн, юная особа, обладавшая истинным достоинством и умевшая отличать правильные поступки от неправильных.

- Хотелось бы надеяться, что тебе по крайней мере стыдно за себя, - в тот же вечер заметила Джейн Томми, когда двойники оказались вместе в своей маленькой спаленке.

- Я не сделала ничего такого, чего следовало бы стыдиться, - проворчала Томми.

- Ты открыто выставляешь себя в дурацком виде да еще хочешь, чтобы это стало заметно всем.

- Клодд - это не все. У него глаза на затылке! Он умеет видеть то, что еще не успело произойти.

- Где твоя девичья гордость! Как можно влюбиться в мужчину, который если и заговаривал с тобой, то только из вежливости!

- Я вовсе в него не влюблена!

- В мужчину, о котором ты практически ничего не знаешь!

- Не влюблена я в него!

- Откуда он взялся? Кто он такой?

- Я не знаю, мне это безразлично, Ко мне это не имеет никакого отношения.

- Только потому, что у него нежный взгляд, вкрадчивый голос, а в манерах сквозит нежность и преданность. Ты что, полагаешь, это все предназначено только для тебя? Я считала тебя умнее.

- Говорю же тебе, я в него нисколечко не влюблена! Просто он сейчас на мели, и мне его жалко, вот и все.

- А если он на мели, как ты думаешь, кто в этом виноват?

- Какая разница кто! Мы все не ангелы. Он пытается встать на ноги, и я его за это уважаю. Разве не наш долг в этой жизни быть добрыми и милосердными к ближнему?

- Ну что ж, я скажу тебе, что будет с твоей стороны милосердным по отношению к нему: дай ему понять, что он зря теряет время. С его способностями, при том, что он уже освоился с делом, он мог бы работать в редакции какого-нибудь крупного журнала, что приносило бы ему хороший доход. Скажи ему об этом вежливо, но твердо. Настаивай на том, чтоб он ушел. Вот это и будет истинным проявлением доброго к нему отношения, а заодно, я думаю, дорогая, и к себе самой.

Томми приняла и оценила этот здоровый и доброжелательный совет Джейн, и на следующее утро воспользовалась первейшей возможностью, чтобы пустить его в ход. И все бы произошло так, как было задумано, если бы Дик Дэнверс, как предполагала Томми, сидел спокойно и слушал. Однако этого не случилось.

- Но я вовсе не хочу уходить! - сказал Дик.

- И все же следовало бы. Оставаясь здесь с нами, вы только навредите себе.

Он встал, подошел к тому месту, где стояла Томми, и, поставив ногу на решетку камина, уставился на огонь. Подобное поведение смутило Томми. Если бы он продолжал сидеть там, в дальнем углу комнаты, она бы

чувствовала себя помощником редактора, дающим сотруднику совет, направленный на его же благо. Теперь же, стоило ей поднять глаза, она встречала его взгляд, с болью в душе сознавая, что утрачивает свою значительность и превращается в маленькую, дрожащую женщину.

- Мне ничего больше в жизни не надо, только бы быть рядом с вами! - сказал Дик Дэнверс.

- Ах, прошу вас, сядьте, пожалуйста! - велела Томми Дику. - Когда вы сидите, мне удобней с вами разговаривать.

Однако в тот день Дик делал все наоборот. Вместо того чтобы сесть, он взял ее руки в свои и долго их не отпускал. И здравый смысл вместе с волей покинули Томми, сделав ее беспомощной.

- Позвольте мне быть с вами всегда! - с мольбой сказал он. - Я словно из тьмы вышел к свету. Вы так много сделали для меня. Неужто вы откажетесь от этого? Неужто вы мне не верите? Моя любовь к вам - не жаркая страсть, которая может пройти. Моя любовь возникла из всего, что есть хорошего во мне, что есть во мне цельного, и вся эта радость и сила всецело принадлежат вам.

Дик выпустил ее руки и отвернулся.

- Другая же часть моего существа, изобличающая подлеца, теперь мертва, мертва и похоронена. Я не понимал, что я подлец, я считал себя приличным человеком, пока наконец однажды не прозрел. И то, что я увидел, вселило в меня ужас, и я бежал, чтоб этого не видеть. Я сказал себе, что начну жить сначала, в другой стране, где нет уз, связывающих меня с прошлым. Возможно, вначале я обрекал себя на нищету и лишения. Я был готов на это. Я считал, что невзгоды закалят меня. Что мне предстоит интересная, живая жизнь. Что ж, результат несложно угадать. Конец мечтам при столкновении с безжалостной действительностью, душевные терзания. В самом деле, разве я хуже других? Почему я должен побираться, когда другие сыты и веселы? Я исходил ваш город вдоль и поперек, истоптав башмаки. Мне пришлось бы распроститься со своим донкихотством, вернуться туда, где жизнь, постыдная для меня, с радостью приняла бы меня, как долгожданного блудного сына. И так бы оно и было, если бы я однажды случайно не прошел мимо ваших окон и не услыхал,

как вы играли на фортепьяно.

В конечном счете, подумалось Томми, Билли оказался прав, пианино сделало свое дело.

- Было так невероятно услышать звуки фортепьяно посреди Крейн-Корт, что я невольно кинул взгляд на дом, откуда доносилась игра. Прочел на двери название журнала. "Это мой последний шанс, - сказал я себе. - Сейчас все решится!"

Дик подошел к Томми. Она стояла, не двигаясь.

- Я не боюсь рассказывать вам все это. Вы такая великодушная, такая человечная. Вы сможете понять, сможете простить. Теперь та жизнь ушла в прошлое. Любовь к вам не может быть совместима с пороком. Неужто вы не верите мне?

Она протянула ему руки.

- Я верю вам, - сказала Томми, - и вверяю вам свою жизнь Только, дорогой, постарайтесь обойтись с ней бережно.

Вспоминая в тот вечер в своей комнате события прошедшего дня, Томми со смехом призналась себе, что с предложением вышло весьма нелепо. Но как вышло, так вышло.

И больше всего ее угнетало то, что она поступила нечестно с Питером, и ему самому пришлось ее оправдывать.

- Ведь я так внезапно напал на тебя с расспросами, - объяснял Питер, - у тебя даже не было времени собраться с мыслями. Ты действовала по наитию. Женщина всегда склонна прятать свою любовь даже от себя самой.

- И все же, мне кажется, во мне больше от девочки, чем от мальчика, - выразила опасение Томми. - По-моему, у меня полно недостатков, присущих женщине!

Уединяясь в безлюдных местах, Питер заставлял себя привыкать к тому обстоятельству, что кто-то другой стал для Томми важнее его, а Клодд,

будучи весьма сердит, окунулся в работу. Однако ни тому, ни другому не стоило так сильно переживать. Намечаемая свадьба произошла лишь почти через пятнадцать лет, а за эти годы много воды утекло под старым Лондонским Мостом.

От прошлого уйти не так-то легко. Существовала одна история о женщине, которая умертвила собственное дитя и зарыла его в чаще леса, а потом ночью тихонько прокралась на это место, и там в лунном свете ей привиделось, будто ручонка младенца манит ее из-под земли. Тогда она снова принялась кидать поверх землю, но неизменно появлялась из-под земли белая младенческая ручонка, и опять женщина пыталась зарыть ее поглубже. Как-то вечером Томми прочла эту историю в одном старом сборнике рассказов и потом долго сидела перед догоравшим камином с раскрытой книгой на коленях, ее колотила дрожь.

Теперь она понимала, что ее так страшило и не давало покоя.

Томми жила в ожидании ее. И она явилась однажды вечером, когда Томми, заработавшись допоздна, сидела одна в редакции. Томми поняла, что это она, едва лишь та появилась на пороге: красивая женщина с шуршащими, точно змеи, юбками. Она прикрыла за собой дверь и, подставив к письменному столу стул, уселась прямо напротив Томми. Обе женщины долго и пытливо глядели друг на друга.

- Мне сказали, что в это время вы здесь одна, - сказала женщина. - Ведь так лучше, не правда ли?

- Да, - ответила Томми. - Так лучше.

- Скажите, - продолжала женщина. - Вы очень сильно его любите?

- С какой стати я должна вам отвечать?

- С той, что если вы его не слишком любите… если вы просто считаете, что подцепили стоящую добычу… каковой он, моя милая, не является: у него за душой нет ни пенни и не будет никогда, если он женится на вас… так вот, в этом случае дело можно быстро уладить. Мне говорили, что вы деловая юная леди, потому я имею к вам вполне деловое предложение.

Томми молчала. Женщина подернула плечами.

- Если же вы, напротив, безрассудное создание и влюбились по молодости… что ж, тогда, полагаю, мы обе будем за него бороться!

- Азартное занятие, не так ли? - высказалась Томми

- Погодите, позвольте мне сперва объясниться, - продолжала женщина. - Дик Дэнверс бросил меня полгода тому назад и с тех пор от меня скрывался именно потому, что любит меня.

- Звучит весьма забавно!

- Я была замужем, когда мы с Диком впервые встретились. Когда же он покинул меня, и сделал это ради нас обоих, я получила известие о том, что мой муж скончался.

- И Дик… и он знает об этом? - спросила Томми.

- Нет пока. Об этом я узнала совсем недавно.

- Следовательно, если все так, как вы сказали, стоит ему об этом узнать, и он к вам вернется?

- Здесь возникли некоторые сложности.

- Какие же?

- Те самые, моя милая. Пытаясь забыть меня, он влюбился в вас. С мужчинами такое случается, прошу мне поверить. Уезжайте куда-нибудь на полгода… исчезните из поля зрения. Оставьте его на время… пусть решает сам. Если он вас любит… если не просто чувство долга ослепляет его… он будет здесь, когда вы возвратитесь. Если же нет… если за этот период мне посчастливится уехать вместе с ним, то не будет ли сумма в две-три тысячи фунтов, которую я готова выложить перед вами на стол, справедливой ценой за такого ветреного любовника?

От души рассмеявшись, Томми поднялась. Чувства юмора она не теряла никогда, даже если судьба поворачивалась к ней самым неблаговидным своим ликом.

- Если он окажется таков, возьмите его задаром! - сказала Томми. - Пусть

выбирает сам.

- Вы хотите сказать, что освободите его от данных вам обязательств?

- Именно это я хочу сказать.

- Но отчего вы не примете мое предложение? Ведь деньги нужны всем. Это убережет вашего отца от треволнений и жизненной борьбы. Поезжайте, пропутешествуйте пусть не полгода, хотя бы пару месяцев! Напишите ему записку, что вам требуется побыть одной, чтобы все хорошенько обдумать.

Девушка повернулась к посетительнице:

- Вы хотите, чтобы я дала вам полную возможность применить все ваши ухищрения и коварство?

Женщина также встала.

- Вы считаете, что и впрямь дороги ему? В данный момент вы его, конечно, интересуете. В девятнадцать лет каждая девушка кажется мужчине чем-то необычайным. Стоит этому увлечению пройти… а знаете ли вы, бедняжка, сколь недолговечны чувства мужчин? Стоит ему обрести то, за чем он гонится, стоит ему только этого вкусить… и он уже перестанет думать о завоеванном, он станет думать о том, что оставил: об обществе, от которого сам себя отринул, обо всех тех привычных удовольствиях и занятиях, которые теперь закрыты для него, о роскоши, - а это немаловажно для мужчины его круга, - которой он навсегда лишится, женившись на вас. И тогда, глядя на вас, он неизменно начнет размышлять о том, на что он все это променял, и с каждым разом все чаще и чаще станет проклинать ту, которую видит перед собой!

- Вы не знаете его! - воскликнула девушка. - Вы знаете его лишь с одной стороны, с той, с какой вам и подобает знать! Но во всем остальном он прекрасный человек, и ему гораздо важнее собственное достоинство, чем все перечисленные вами блага и вы в том числе!

- Как видно, все упирается только в него! - с усмешкой сказала женщина.

Томми взглянула на часы.

- Он скоро должен прийти. Пусть сам все и скажет.

- Как вы это себе представляете?

- Прямо здесь, в присутствии нас обеих он должен принять решение… нынче же вечером. - Томми повернула побледневшее лицо к женщине: - Вы полагаете, что в таком неведении я способна прождать еще целые сутки?

- Сцена получится довольно забавная.

- К счастью, здесь некому будет ею насладиться.

- Он просто не поймет!

- Он все прекрасно поймет! - с улыбкой сказала девушка. - Не волнуйтесь, у вас столько преимуществ: вы богаты, умны, принадлежите к тому же обществу, что и он. Если же он остановит свой выбор на мне, это будет означать, что он достоин меня, а не вас. Чего же вы боитесь?

Женщину пробирала дрожь, она поглубже запахнула свое меховое манто и снова села. А Томми вновь принялась за свою верстку. Ночью выпуск, работы предстояло много.

Немного погодя, хотя, насколько долгим казалось обеим женщинам это ожидание, трудно сказать, появился Дик. На лестнице послышались шаги. Женщина встала и направилась к двери, так чтобы Дик, войдя, мог сразу же увидеть ее. Но, столкнувшись с ней, он даже не изменился в лице. Должно быть, давно готовил себя к подобной встрече, понимая, что рано или поздно это случится. Женщина с улыбкой потянулась к нему.

- Не имею чести, - произнес он.

Улыбка потухла на ее лице.

- Я не понимаю… - пробормотала она.

- Не имею чести, - повторил он. - Я вас не знаю.

Томми стояла, прислонившись спиной к письменному столу, в ее позе

было что-то мужское. Дик стоял между двух женщин. Вечная комичная жизненная ситуация мужчина меж двух огней. С давних пор подобная ситуация потешает весь свет. И все же даже здесь Дик умудрился сохранить достоинство.

- Возможно, - продолжал он, - вы принимаете меня за Дика Дэнверса, который проживал в Нью-Йорке еще несколько месяцев тому назад? Мне он прекрасно известен, этот никчемный бездельник, с которым не стоит и знаться.

- Вы на удивление похожи на него, - со смехом произнесла женщина.

- Бедный глупец умер, - ответил Дик, - а вам, уважаемая леди, он оставил предсмертное послание, в котором от всей души просит его простить за все беды, причиненные вам. Он просит простить и забыть его.

- Несчастливо начинается этот год для меня, - произнесла женщина. - Сначала погиб любовник, потом муж.

С видимым усилием Дику пришлось совладать с собой, когда он услышал это известие. Известие о смерти нанесло ему удар. Покойный был его другом.

- Погиб?

- Да, муж был убит, как выяснилось, во время последней экспедиции в июле, - сказала женщина. - Я получила извещение из министерства иностранных дел всего две недели тому назад.

Лицо Дика исказилось, на нем появилось выражение загнанного в угол животного, готового биться из последних сил.

- Зачем ты следила за мной? Почему ты оказалась здесь и наедине с ней? Что ты ей рассказала?

- Только то, что есть, - пожимая плечами, ответила женщина.

- То, что есть? - воскликнул он. - Так ли? Ну же, признайся по совести! Скажи ей, что не только я во всем виноват! Скажи ей настоящую правду!

- Что я, по-твоему, должна ей рассказать! Что я влюбилась в тебя, как жена Потифара в Иосифа Прекрасного?

[Согласно Библии, жена Потифара, начальника телохранителей фараона, которому в рабство был продан Иосиф, прониклась вожделением к последнему.]

- Нет, нет! Правду… только правду! Скажи, что мы оба стали праздными игрушками в руках ликующего дьявола! Что мы сами обманывали себя и что теперь все кончено!

- Как кончено, Дик? Неужели?

Женщина бросилась к нему на шею, но Дик резко, почти грубо оттолкнул ее.

- Я уже сказал, тот человек мертв. Его безрассудство и все его грехи погребены вместе с ним. Я не хочу иметь с тобой ничего общего.

- Дик! - прошептала женщина. - Дик, неужели ты не видишь? Мне надо поговорить с тобой наедине.

Но ни мужчина, ни юная Томми не заметили ничего такого.

- Дик, неужто ты стал совсем равнодушен ко мне? - вскричала женщина. - Неужели в тебе нет ко мне жалости? Неужели ты думаешь, что я приехала сюда следом за тобой и падаю к твоим ногам из чистого каприза? Разве я веду себя рассудительно и трезво? Неужели ты не видишь, что я сама не своя и отчего я такая? Должна ли я при ней рассказать тебе, Дик?..

Женщина, едва держась на ногах, сделала шаг к нему, роскошное манто упало с ее плеч. И в этот момент в Томми заговорила не девочка, а женщина, и она, нашептывая слова успокоения, по-матерински подхватила дрожавшую гостью и увлекла ее в другую комнату.

- Оставайтесь здесь, - велела она, оборачиваясь, Дику. - Я скоро вернусь.

Дик подошел к окну, за которым слышался рев города и ему почудилось, будто он в могиле и этим гулом отдаются во тьме шаги над его головой.

Томми вернулась, тихонько прикрыв за собою дверь.

- Так это правда?

- Возможно… Я как-то об этом не подумал.

Они говорили тихо, бесстрастно, точно люди, уставшие от собственных страстей.

- Когда он… ее муж уехал?

- Примерно… сейчас ведь у нас февраль?.. примерно полтора года назад.

- А погиб восемь месяцев тому назад. В счастливом неведении, бедняга…

- Да, бедный Лоренс! Хорошо, что он этого так и не узнал…

- Как быстро можно устроить бракосочетание?

- Не знаю, - вяло проговорил Дик. - Я не хочу на ней жениться.

- Неужели вы позволите ей справиться со всем этим в одиночку?

- Она отнюдь не бедная женщина. При деньгах можно устроить все что угодно.

- Но репутацию не поправить. Для женщины вашего круга положение в обществе - это все.

- Если я сейчас на ней женюсь, - заметил Дик, - это все равно ее не спасет.

- И все же поможет, - убеждала его Томми. - Свет не станет опускаться до выведывания того, что ему знать не следует. Женитесь на ней, стараясь не привлекать особого внимания, и отправляйтесь путешествовать на год или два.

- Но почему я должен на ней жениться! Да, разумеется, если мужчина хочет защитить себя от посягательств женщины, его легко обозвать трусом! А если для него это вопрос всей жизни? С порядочными женщинами мужчины греха не совершают.

- Но ведь она ждет ребенка, - не уступала Томми, - вашего ребенка. Вы же знаете, милый, мы все порой поступаем не так, как надо. Но мы не должны заставлять других страдать за свои неверные шаги… если это возможно.

Дик впервые за все это время повернулся и посмотрел на Томми.

- А как же вы?

- Я? Ну, поплачу немножко, а потом снова рассмеюсь, как часто со мной бывает. Жизнь не может состоять из одной любви. У меня есть моя работа.

К тому времени Дик достаточно хорошо узнал Томми. И ему подумалось, что важнее стать достойным ее, чем просто ею обладать.

И Дик последовал совету Томми и вышел из редакции с другой женщиной. К счастью для Томми, ей предстояла ночь выпуска журнала. В ближайшие часы она не могла думать ни о чем, кроме работы, ну а потом, возможно, усталость возьмет свое. Бывает, что работа благотворно воздействует на человека.

Было бы это чисто художественное произведение, тогда бы, разумеется, здесь можно было бы написать “finis”. {Конец (лат.).} Но в обычной жизни никто не сможет предсказать конца, пока он сам не наступит. И если бы все обстояло иначе, сомневаюсь, что я смог бы взять на себя смелость поведать вам историю Томми.

В ней не все соответствует действительности - во всяком случае, я так думаю. Стоит человеку пуститься в воспоминания о том, что было давно, как его незаметно и понемногу начинает увлекать мир грез, в то время как Фантазия снова и снова принимается, лукаво подмигивая, нашептывать Памяти: “Позволь, я расскажу этот случай, изображу вон тот момент: ведь я же изображу это гораздо увлекательней тебя!” Но как я могу рассказывать о Томми, не прибавляя лишнего к своему рассказу? Ведь когда я говорю о ней, я думаю в этот момент совсем о другой… Мне было

бы слишком больно сосредоточиваться на ее душевных ранах, а не на исцелении их. Я с готовностью воспроизведу следующую встречу.

Спускаясь по лестнице, Флипп не узнал высокого загорелого джентльмена, который поднимался в сопровождении маленькой, хорошенькой и серьезной девочки: “Где-то я видел это лицо, - подумал про себя Флипп, влезая в кеб на углу Бедфорд-стрит, - но тогда оно принадлежало более худощавому человеку”.

То, что Дик Дэнверс не узнал Флиппа, было вполне объяснимо. К тридцати годам Флипп выглядел весьма состарившимся молодым человеком. Ныне Флипп перестал восторгаться общедоступной периодикой. Он ее производил.

Швейцар в расшитой золотом ливрее не ждал, что всемогущий Клодд сможет принять столь незначительного субъекта, как этот явившийся без всякого уведомления незнакомец, но все же предоставил визитке мистера Ричарда Денверса самой просить за своего обладателя. К изумлению швейцара в золоченой ливрее, свыше было спущено повеление сей же момент препроводить мистера Дэнверса наверх.

- Я почему-то так и думал, что вы сначала ко мне явитесь, - произнес дородный Клодд, с протянутой рукой устремляясь навстречу гостю. - А это…

- Это моя дочурка, ваша честь. Мы с ней вот уже пару месяцев как путешествуем.

Клодд своими большими, грубыми ручищами обхватил личико серьезной девочки.

- Да-да. Похожа на вас. Но, судя по глазам, обещает быть много умнее. Прости, дорогая детка, - со смехом сказал Клодд, - я знал твоего папу, когда тот был значительно моложе.

Они закурили сигары, завели беседу.

- Ну, не то чтобы совсем прекратил существование, мы его некоторым образом укрупнили, - подмигивая, ответил Клодд на вопрос Дэнверса о журнале. - Он был излишне элитарный. К тому же наш старый джентльмен

становился все старше. Сначала это его весьма уязвляло. Но затем Томми добилась головокружительного успеха, и это как-то примирило старика с действительностью. Они знают, что вы в Лондоне?

- Нет, - сказал Дик, - мы приехали только вчера вечером.

Клодд отдал распоряжения в переговорную трубку.

- Вы увидите, она почти нисколько не изменилась. По-прежнему приходится следить за ее подбородком. Даже не отказалась от своей старой привычки критически осматривать собеседника. Помните? - рассмеялся Клодд.

Они продолжали беседовать, как вдруг раздался свистящий звук, и Клодд приложил трубку к уху.

- Мне надо встретиться с ней по одному делу, - сказал Клодд, вставая. - Вы тоже можете пойти со мной. Они по-прежнему обитают там же, на Гоф-сквер.

Томми дома не оказалось, но Питер ожидал ее с минуты на минуту.

Дика Питер не узнал, однако признаться в этом никак не хотел. Плохая память - признак старости, а Питер продолжал считать себя молодым.

- Ваше лицо мне несомненно знакомо, - сказал Питер, - просто никак не могу подыскать к нему верного имени.

Клодд шепнул ему имя на ушко, а заодно и изложил все, что и мы успели узнать к этому моменту. И тогда морщинистое лицо старика озарила светлая улыбка. Он шагнул навстречу Дику, намереваясь заключить его в объятья, но, видно, по причине некоторой возрастной немощи, охотно довольствовался тем, что Дику пришлось заключить его в объятья и тем самым слегка поддержать старика. Это противоречило английским манерам, потому обоим после было чуточку неловко.

- Хорошо бы нам сейчас, - сказал Клодд, обращаясь к Питеру, - я имею в виду нас троих, вас, меня и мисс Дэнверс, выпить где-нибудь чаю с пирожными, притом с кремом. И я знаю местечко, где все это подают. А за вашим папашей мы зайдем через полчаса, - пояснил Клодд мисс Дэнверс, -

ему требуется обсудить одно важное дело с мисс Хоуп.

- Я знаю! - заверило его серьезное юное создание.

Она потянулась к Дику и чмокнула его в щеку. После чего все трое вышли и оставили Дика одного у окна.

- А можно нам где-нибудь спрятаться и подождать, когда появится мисс Хоуп? - спросила мисс Дэнверс. - Мне хочется ее увидеть.

И они ждали в подъезде ближайшего здания типографии, пока к дому не подъехала Томми. И Питер, и Клодд с любопытством следили за выражением лица юной леди. Она молча с многозначительным видом трижды кивнула, затем опустила ладошку в руку Питера.

Открыв дверь своим ключом, Томми вошла в дом.